

love_sf

Рина
Белая
<https://coollib.net/a/159417>

И они поверят в обман [СИ]

Все случилось в одно мгновение, настолько быстро, что я не успела сообразить, что делается вокруг. Тьма подкралась слишком неожиданно. Мир зеленых просторов и ничейных цветов объяли свирепые языки пламени. Надгробной плитой моей деревне стал зловонный дым, скрывающий свет звезд. Погребальной песней обернулся гул содрогнувшейся земли, в которую вонзилась секира мрака. Клеймом пепла и боли обозначили свой приход на Лариусские земли Леги Тьмы. Увидеть их — значило умереть! Не согласна!

ru
ru

ProstoTac

calibre 2.78.0, FictionBook Editor Release 2.6
24.1.2018
<https://knigoed.net>
0619D56E-5738-4876-835C-4E95C9A92B77
1.0

v 1.0 — иллюстрации, обложка, скрипты ProstoTac

СИ
2018

Рина Белая
И ОНИ ПОВЕРЯТ В ОБМАН

ПРОЛОГ

С велением Богов нам спорить не по силам.
Долг смертных — принимать, что властный рок судил им.

Ж.Расин

Страх гнал вперед. Сопровождаюсь острой болью в области груди, он словно заключил мое тело в душные объятия. Я обернулась через плечо. Волосы мгновенно ослепили меня, не позволяя ничего разглядеть в чернильной тьме, подсвеченной зловещим заревом огня. Я смахнула локоны, попавшие в плен слез, размазанных по щекам, и, вновь обернувшись, едва не лишилась рассудка.

Меня настигал всадник, пророчащий смерть.

Нет! Только не это...

— Да шевелись ты! — пятками, что было сил, я саданула по горячим бокам кобылы, хотя и понимала: с резвым скакуном преследователя моей старушке не тягаться. Мыльная пена, проступившая на ее узкой груди, шее, губах, рваными хлопьями летела в сухую траву, а каждый последующий выброс ног сопровождался болезненными хрипами, заставляющими мое сердце сжиматься от страха.

Внезапно кобыла закатила глаза. Издавая последний надсадный хрип, животное пало на землю, подгибая передние ноги и переворачиваясь через голову. Едва успев сгруппироваться, я выставила перед собой ладони в попытке уберечь лицо от удара и зажмурилась, когда земля с оглушительной скоростью выросла перед моим носом. Дыхание выбило из легких. Сорняки спешили ухватиться своими корявыми пальцами за вьющиеся пряди в попытке остановить безумный круговорот перед глазами, словно проверяя крепкие корни на прочность.

С трудом приподнявшись на локти, я вскинула голову. Увиденное поразило. Огромная морда с вывалившимся языком вытянулась на земле. Пучки гривы прилипли к взмокшей шерсти, репы намертво запутались в хвосте.

Несколько ударов сердца я не могла втянуть воздух в легкие и тупо смотрела, как всадник стремительно приближался. Не в силах убрать с лица спутанные волосы, приправленные семенами и сухими травинками; не в силах шелохнуться и отвести взгляда я, словно пойманный в ловушку змеиного гипноза кролик, ждала его приближения, понимая, что мне не скрыться.

Это конец.

Я судорожно выдохнула в темноту.

— Нет...

ГЛАВА 1

Леги Тьмы напали кромешной ночью.

Чувствительность к вибрациям земли, приотлившей меня еще в младенчестве женщины, позволила своевременно распознать опасность, нависшую над нашей деревней. Мгновенно разбудив свое сонное создание, она впихнула меня в первое попавшееся под руку платье, лентой подхватила корсет и потащила на улицу. Я не сопротивлялась. Катарина подбежала к конюшне и распахнула вертикальную двустворчатую дверцу. Надела узду на старую кобылу, даже не озаботившись тем, чтобы застегнуть ремень под подбородком животного, и подкинула меня на ее прогнутую временем и тяжелым трудом спину с высокой холкой, бросив лишь, что нет времени седлать, как положено.

— Стерпишь! — прибавила она второпях.

— У меня корсет расстегнут! — возмущенно выкрикнула я, уставившись на маму.

— Беги, родная! Беги и никогда не возвращайся. Никогда! Ни в мыслях, ни во сне, ни наяву.

Нельзя! Элин, слышишь? — одернула она. — Нельзя!

Катарина кричала, что я должна делать. Лишь два слова «куда» и «зачем» я смогла вставить в ее истеричную речь. Слова «беги», «нельзя», как пульс, стучали в моей голове. И только когда с ее уст слетело: «Мертвые душой, они здесь...» — я все поняла.

Конечно, глухая деревенька не могла дать отпора суровым Легам Тьмы. Катарина не обманывалась и понимала, что из этой ловушки двоим не выбраться.

Спасти меня женщина посчитала своим долгом.

— Нет. Пожалуйста, — слезы безудержными ручьями лились из моих глаз, — едем вместе.

— Не будь душой! Старушке не унести двоих! Не спорь, — приказала Катарина, глядя снизу вверх с бессильной злостью, которую в ее взгляде я видела лишь раз, когда похвасталась своим даром соседскому мальчишке.

Мальчишка завистливо наябедничал родителям, а те поспешили написать донос. Не прошло и нескольких дней, как к нам в захолустье пожаловал представитель из СКАД (Служба Контроля Активного Дара). Худосочный мужчина со змеиными глазами полдня просидел у нас на кухне и предельно внимательно слушал все, что ему вещала моя мама. Та же спокойно объяснила, что перед сном она рассказывает дочке сказки. Одна героиня очень приглянулась малышке и несколько вечеров подряд она пересказывала одну и ту же историю. А после ее ребенок посчитал себя той самой Ингер, загадочной магичкой, которая спасла Северное королевство от злого колдуна и раскрыла его хитроумный план по захвату опалового трона.

Под пронизательным взглядом нежданного гостя я вжалась в стул и крепко стиснула кулачки. Перепугалась я тогда знатно. Вид «злого дяди» произвел на меня неизгладимое впечатление, в отличие от монстров и призраков, которые вызывали лишь живой интерес, когда ими запугивали несмышленных детей.

Надо сказать, врала мама убедительно, основательно закапывая бдительность проверяющего под толстым слоем историй, рассказанных с самым обычным видом:

— ...живем мы тихой, размеренной жизнью, и лишь сказками да былинами раскрашиваем свою серую действительность. А у детей богатое воображение, и только. Вы ведь сами понимаете? Знать наверняка он не мог, аура ребенка гораздо светлее и чище, чем у взрослого человека.

— Когда я вырасту, я спасу Северное королевство! — хоть запал немного поутих, и фраза была произнесена неуверенно, она все же сыграла свою, пусть и небольшую, роль.

— Конечно, милая, — мама подошла ко мне и, присев на корточки, погладила по кулачкам, побуждая их расслабиться и раскрыться. Даря тепло и успокоение, она смотрела в чарующие глаза чисто серого цвета, словно горная вода на гладком камне. Широко распахнутые, обрамленные густыми ресницами они не оставляли окружающих равнодушными, покоряя своей чистотой и игривым светом. Очень нежно она продолжила:

— И сам король будет тебе признателен и наградит самым красивым платьем во всем королевстве.

— Не хочу самое красивое платье! Хочу принца и... командовать им.

— Командовать им? — она тихо засмеялась, — может, командовать с ним?! Королевству будет нужна умная и добрая королева, — мама мягко улыбнулась и отправила меня на улицу, покормить кур «золотым» зерном.

Стоило двери закрыться, женщина распрямила спину и повернулась к незваному гостю лицом. Сидя на стуле, он мерил Катарину прицельным взглядом, прекрасно понимая, какую реакцию вызывает его визит у каждого, на кого пала тень подозрения. Люди повсюду одинаковы.

— Девочке лет шесть? — спросил представитель службы контроля, сводя брови к переносице.

— Пять, — поправила его Катарина.

— Вашей дочери подвластна магия земли? — недоверчиво поинтересовался он.

— Я не замечала за ней никаких признаков дара. Возможно, поэтому она и воображает себя великой магичкой, а истории про безграничную силу так притягивают ее внимание. У соседского мальчишки уже проявился дар воды. Тот не преминул похвастать им перед Элин, вот она и напридумывала ему... — немного помолчав, женщина вздохнула: — Дети. Что тут поделаешь?! Будете сок из корней? Он немного горьковат, но очень полезен.

— Вы должны более ответственно подходить к воспитанию своей дочери, — глубоко недовольный тем, что поездка оказалась напрасной, мужчина поднялся и упрекнул, — у нас и так хватает забот, а вы так бездумно забываете юную голову всякой чепухой. Женщина должна с малых лет знать свои обязанности по дому и хозяйству, а не мнить себя королевой. Быть послушной и чуткой — вот призвание жены. А кого вы из нее растите? — бросил он колкий

взгляд на закрытую дверь. — Она лишь разочаруется в жизни, когда столкнется с реальностью, и тогда от сказки, в которой она живет благодаря вам, останется лишь горький пепел. Ни магии, ни осознания своего места в этом мире, ни-че-го! — нисколько не сомневаясь в истинности своих слов, закончил нотацию представитель службы контроля.

Во враждебном действии, которое выдавало крайнюю степень презрения к власти женщин, он потер заостренный угол щетинистого подбородка, напоминающего наконечник стрелы. Взгляд, устремленный на Катарину, стал застывшим, пугающим, змеиным. Мог бы и не стараться — впечатление, которое нужно, гость и без того произвел.

Лицо Катарины тронула легкая вуаль бледности. Она подавила желание поднести пальцы к вискам в надежде хоть немного унять болезненные ощущения.

— Ребенок успеет еще хлебнуть взрослой жизни, так что оставьте детство мечтам и наивности, — твердо, но вежливо вымолвила хозяйка дома. Она не имела права показывать внутренний страх, лишь вынужденную досаду на произошедшее неразумие, ведь цена ее игры непомерно высока... На кону стояла жизнь несмышленной крохи.

— Ваша дочь совсем на вас не похожа, — неспроста обозначил он.

— Она пошла в мужа, хотя у того цвет волос был более насыщен, — без всякого зазрения совести соврала Катарина.

— И что же с ним стало?

— Мужа и родителей убили кочевники, — не в первый раз принялась пересказывать продуманную легенду хозяйка дома. — Мы с братом были в отъезде, возили дочь к городскому лекарю. Вернувшись... — она глубоко вздохнула и с неподдельной печалью опустила глаза, показывая, что не в силах продолжать. — Я не смогла остаться в родных краях, где все напоминало о муже, а брат, должно быть, и по сей день ведет хозяйство в отеческом доме.

— Каким даром обладал ваш покойный муж?

— Воздух, — сообщила тихо, но уверенно, попутно стирая скупую слезу белым платочком.

— А у вас слишком слабый дар земли... Что ж, союзы между представителями разных стихий вполне допустимы, — гость потер бородку костлявыми пальцами (видимо, это нервное) и брезгливо скривил губы. Разговор себя исчерпал. Мужчина подошел к двери из недорогого сорта дерева повсеместного использования, но выходить не торопился.

— Вы замечали у жителей вашей деревни способности, признанные законом как недопустимые?

— Нет, — ровно произнесла Катарина.

— Нет?

— Нет, — надавила она, повторив застывшему на пороге маразматiku, склонному к излишним подозрениям.

— Что ж... — незваный гость вышел, так и не попрощавшись. Отвязывая поводья от столба с металлическим кольцом, он мимоходом бросил взгляд на девочку, гонящуюся за возмущенно кудахтающими курами возле сарая с соломенной кровлей. Вскочил в седло и направил коня прочь. Любопытная толпа, которая успела собраться за неприглядным забором, утопающим в буйной зелени лимонника, внимательно следила за действиями приезжего: как-никак, а представитель СКАД в их деревне впервые и проворонить такое событие... Селяне почтительно расступились, пропуская коренастого жеребца с худощавым всадником.

— Элин? — позвала мама, нисколько не выдавая ни беспокойства, ни радости по поводу того, что беда обошла ее дом стороной. Так же нельзя было прочесть на ее спокойном лице и злости на соседей, ведь именно они явились причиной внимания властей к бедно живущей семье, никому не причиняющей неудобств.

— Я здесь! — прозвенел счастливый голосочек и довольная мордашка вынырнула из-за угла.

— Ну, разумеется, здесь. А вот куры разбежались в разные стороны. Идем в дом.

Мама пропустила меня на кухню и усадила за стол, изрядно вышарканный и потрескавшийся от времени. Катарина заботливо вытащила несколько перьев из моих спутанных прядей и, присев рядом, нежно приподняла мой подбородок, побуждая смотреть ей в глаза.

— Я думала, у нас тобой еще будет время, но все оказалось сложнее... — мама явно раздумывала над тем, как лучше начать беседу. — Послушай меня внимательно, милая. Твой внутренний свет подобен цветку белой лилии. Это энергия эфира — созидательная энергия.

— Это волшебство? — заинтересовалась я.

— Да, моя девочка. Эта энергия есть в каждом человеке, будь он магом или дремом, не наделенным силой, — глубоко вздохнув, Катарина продолжила свой рассказ созидательным тоном, в котором прослеживались невесомые нотки печали. — Благодаря эфиру возможна магия... Элин, ты не обычный ребенок. Небесные старцы позволили тебе работать с эфиром. Словно художник кисточкой, ты способна создавать любые образы. Но если хоть кто-то, кроме нас, об этом узнает, посвященные Совета Судеб заберут тебя у меня. Я не могу допустить этого, не могу позволить им разлучить нас. Иначе...

Не найдя слов, Катарина взяла с полки мою самую любимую тарелку, на которой посреди нежно-розовых цветков миндаля и просыпающейся зелени были нарисованы две маленькие птички, и поставила ее на стол вверх дном.

— Смотри, что ждет тебя, мое милое дитя, если ты не научишься держать свой дар в секрете. Неожиданно мама ударила по тарелке кулаком. Послышался резкий треск и через мгновение моему взору предстали неправильной формы осколки, безжизненно лежащие на столе. Я ужаснулась. Самая лучшая мама на свете с такой легкостью разбила так полюбившийся с малых лет предмет! Мои глаза увлажнились и спустя мгновение по щекам покатились крупные слезы.

Крепко прижав меня к себе, мама зашептала:

— Я не смогу уберечь тебя от боли и горя. Только молчание станет нам щитом и уберезет от бед. Только молчание! Помни это, Элин!

Нежно поцеловав меня в макушку, Катарина завершила:

— Все будет хорошо.

Тем днем представитель СКАД действительно обманулся и списал случившееся на буйную детскую фантазию. А я на всю жизнь запомнила, что только один человек на всем белом свете мне друг и искренне обо мне печется. Остальные же должны пребывать в блаженном неведении, включая и предателя Яспера.

После я извинилась перед соседским мальчишкой за то, что «наврала». Хотя и сделала это только потому, что настояла мама.

ГЛАВА 2

Наше небольшое южное королевство называется Лариус. Одно из немногих королевств, в котором в относительной гармонии проживают дремы — простые смертные — и маги. Последние способны управлять светом или тьмой, подчинять своей воле духов или же повелевать стихиями воды, земли, огня и воздуха.

Катарина была магом земли. С одной стороны, практичная до глубины души, она не любила, когда в доме царил «бардак», считая, что порядок в голове начинается с порядка в доме; не терпела сплетен, пустых разговоров и прочих бесполезных действий. С другой — обладая талантом подмечать красоту даже в самых простых мелочах, Катарина нашла способ выражения своего эстетичного видения мира. Она могла часами отдаваться работе, спокойно и кропотливо выводить виток за витком на глиняном кувшине или какой-нибудь напольной вазе. Формы, которые получались из глины, были интересны, линии изящны, а цвета волнительны. Даже самые простые ромашки в ее исполнении смотрелись настолько волшебным, что так и манили на них погадать. И так приятно было видеть изменчивое проявление такого знакомого мира, что я невольно поддавалась стихии ее творчества, загораясь желанием создать нечто свое, особое.

— Элин, что это? — Катарина вдумчиво нахмурила брови.

Я удивилась. Неужели ее зрение подводит или она и в самом деле не может понять, что я наколдовала?

Я едва могла устоять на месте рядом со столом, за которым сидела полноватая женщина в платье персикового оттенка с белоснежным воротом и безупречно белыми манжетами, с убранными в пучок русыми волосами и подчеркнуто прямой спиной. Овальное лицо с нежной материнской улыбкой было полно спокойного внимания.

Нетерпеливо подпрыгнув несколько раз, я посмотрела на маму светящимися от удовольствия глазами.

— Ну? — поторопила я.

Катарина отодвинула плошку, в которой мгновением ранее замешивала желтки с просеянной кашей, коринкой и толченым сахаром для каравая.

— Это... — она внимательно следила за моей реакцией, — снежинка?

Моя челюсть стукнулась о поверхность стола, а взгляд вмиг стал подозрительно недоуменным. Какая снежинка?

— Может это цветочек? — так же осторожно начала гадать мама. Я закатила глаза.

— Облачко? — более уверенно спросила Катарина.

Ну все! Как после такого творить?! Я полдня потратила, а она не может отгадать.

— Деревце? Кустик? Кучка...

— Никакая это не кучка!

Обреченно вздохнув, я махнула рукой.

— Присядь и подожди меня. Я принесу глину, — Катарина поднялась и удалилась в соседнюю комнату.

Я терпеливо дождалась, пока мама вернется уже с плотным брезентовым мешочком. Она присела и усадила «надутый комочек счастья» к себе на колени; заправила мне за ушко волнистую прядку, выбившуюся из косы, и потянулась за водой в графине, подвигая его ближе.

— Милое мое дитя, твой дар словно глина, — на стол она высыпала небольшую горсть порошка коричневатого цвета.

— Это раздробленная и просеянная глина. Сейчас она сухая и рассыпчатая, но если мы намочим ее, она станет пригодной для лепки. Смотри, — она плеснула воды, размешала полученную смесь и принялась усиленно разминать пластичную лепешку, избавляясь от пузырьков воздуха. — Важно чувствовать глину. Очень мокрая глина будет плохо держать форму и липнуть к пальцам. Недостаток влаги тоже усложнит работу, а постоянно появляющиеся трещины не позволят добиться необходимого результата.

Я с интересом слушала маму, не отрывая взгляда от ее рук, что кружили над глиной.

— Давай слепим шарик. Начнем с простого, — предложила она.

Мы сидели за столом и лепили, лепили. Я сама смешивала глину и воду, катала шарик, а после делала из него игрушку. Моя мама показала мне разницу между рогатым комком с неровными боками, наспех мной слепленным, и фигуркой барашка, которую мы трудолюбиво создали вместе.

Я почесала нос, оставив на нем глиняный след. Катарина пересадила меня на соседний стул, плеснула воды в таз и принялась смывать глину с моих ладошек и чудесного носика.

— Для начала тебе надо хорошенько продумать все мелочи. От этого будет зависеть результат.

— Это долго и это ску-у-учно! — я с нетерпением мотыляла ногами.

—

Это

— интересно! — на меня посмотрели светло-синие глаза, излучающие тепло и заботу. —

Чем тщательнее ты будешь прорабатывать все моменты, тем увлекательнее будет наша игра.

— Какая игра? — я оживилась и ловко увернулась от мокрой тряпки, которая в очередной раз пыталась вытереть мой нос.

Катарина мягко рассмеялась.

— Ты будешь делать копии предметов, а я буду искать среди них настоящий.

— Как это?

Платок все же достиг своей цели и, стерев все следы недавней работы, убрался обратно в таз с мутной водой. А я недовольно фыркнула, подражая нашей кобылке.

— Берешь, к примеру, тарелку и делаешь такую же, и третью. А я буду угадывать, в какую тарелку налить вкусную кашу, — она сделала задумчивое лицо и легонько постучала пальчиком по своей щеке. — Представляешь, что будет, если я промахнусь?

И я представила! От мамы я то и дело слышала: тут убери, это сложи, где у игрушек место, почему на полках пыль, а платье на полу? А тут каша, да по столу растекается и не я мимо тарелки промахнулась! Я расхохоталась, предвкушая веселье.

— Так что это было? — воспользовалась ситуацией мама.

— Бабочка! — воскликнула я в ожидании новой игры.

Вот только все оказалось куда сложнее, чем я думала. Катарина была не из тех людей, кто дарит незаслуженную награду, чтобы поддержать моральный дух или потешить мое самолюбие. Она на раз определяла фальшивки. А я злилась и закипала, становясь пунцово красной, что на фоне цвета моих волос, смотрелось... необычно. Зато она терпеливо объясняла в чем мои ошибки и мы подолгу сидели, разбирали и думали, как их исправить. Сказать по правде, это было весьма утомительно, а обнаруживать снова и снова, что я бездарность было особенно тяжело.

Уставшая, я отправлялась умываться и спать, а мама садилась за работу.

Бывало, я психовала и забрасывала свою бестолковую магию, не понимая, почему я такая глупая, что не могу повторить элементарную тарелку с незамысловатым рисунком. Я убегала к нашей кобылке, чистила ее щеткой от пыли, кормила ворованной с кухни морковью, или гоняла по двору подрастающего лохматого пса. На душе становилось спокойнее, жаль, что на время. Раз за разом после недолгой паузы и внимательно рассмотренных предметов, стоящих на столе, половник переворачивался над реальной посудинкой. Густая каша неспешно попадала точно в цель, так же медленно портя мне настроение. Мясо мы почти не ели, каша или овощное рагу были основным нашим блюдом. Посуда, глиняные горшки и вазочки, детские игрушки хоть и неплохо продавались, но когда в семье маленький ребенок, а хозяйка дома очень привередлива к внешнему виду и прочей чепухе, то приходится тратить монеты на платья, пусть и простого кроя, заколки и иные атрибуты девичьего гардероба.

Бум.

Я уронила голову на стол. Я безнадежна! Ну что за несправедливость?! Яспер, вон, во всю магией балуется... и ведь получается! Его неизменно счастливое выражение лица — явное тому подтверждение. Я уложила голову на ухо и вонзилась взглядом в злосчастную тарелку. От отчаяния хотелось выть!

Катарина неодобрительно на меня посмотрела. Мама отставила кастрюлю с молочной кашей в сторону, опустила половник в таз и подседа ко мне.

— Милая, сколько раз мне повторять, что подобное поведение за столом недопустимо? — я шевелила губами, копируя Катарину, ей все равно не видно, густые медные пряди скрывали мое лицо.

— Попробуй отвлечься и создать... гребень, — неожиданно предложила она. Я удивленно вскинула брови.

Через мгновение передо мной лежал простой предмет из персикового дерева. Я подперла голову кулаком, создавая на щеке полукруглую складку, и принялась внимательно разглядывать принесенную вещь. Интересное задание, во всяком случае, что-то новенькое.

Наспех расправившись с едой, я поблагодарила за обед, и пока хозяйка дома мыла посуду, сосредоточенно воссоздавала гребень.

— Этот настоящий.

Как? Как она узнала? Я же четко-пречетко прорисовала каждую деталь, даже все зубцы пересчитала.

Это длилось бесконечно. От фраз: «этот», «это настоящий», «реальный» — тошнило, а аккуратный ухоженный пальчик раз за разом угадывал подделку и каждый раз я готова была его укусить.

— Я знаю, в чем твоя проблема, — спокойно сказала Катарина. Она присела напротив меня, легким движением расправила складки на юбке и улыбнулась. Я ждала, что сейчас мама решит все проблемы разом, объяснив причину моих неудач, но то, что я услышала, меня просто добило.

— Беспорядок! Да. Да, — утвердительно кивнула она на мой ошарашенный взгляд и развела в стороны руки, — он у тебя везде: в комнате, на кровати, в шкафу... даже твоя грядка заросла сорняками.

Я скривилась, и надо же было ей про нее вспомнить?! В отличие от Катарини я не питала нежных чувств к земле, не воспринимала ее как первичную материю, основу мира. Это просто грязь под ногами.

— Давай на время отложим тренировки и научимся следить за чистотой. Труд пойдет тебе на пользу! — подытожила мама.

Моя жизнь кончилась так и не успев начаться! Это был пожизненный приговор без права на помилование! Я и порядок... Я в порядке... Порядок во мне... Порядок на столе... Порядок в

шкафу... Порядок в голове... Одним словом: порядок везде! До такого насилия над детской психикой не опустилась бы даже служба контроля!

Может, стоило им позволить себя забрать?

Однако Катарина была непреклонна и терпелива, а под толстым слоем горной породы выравниваются и разглаживаются даже самые капризные и несносные характеры. И то, что поначалу казалось нереальным, через несколько месяцев было уже сносным, а спустя полгода и вовсе вошло в привычку и воспринималось как должное. Да, гибкой я не была и изменить себя оказалось делом непростым.

Единственное, что мне доставляло невероятное удовольствие — это постоянные занятия рисованием и счет.

* * *

В восемь лет я нечаянно разбила глиняный горшок, над которым несколько вечеров трудилась Катарина, кропотливо выводя алые цветы и бутоны в роскошной зелени. Я стояла и смотрела на разбросанные по полу осколки. Это был конец. Я шумно выдохнула и подняла самый большой осколок. В скором времени за этим горшком должен прийти сосед.

Не знаю, что меня дернуло: то ли страх перед мамой, то ли азарт, но спустя несколько минут осколки были убраны, а на столе красовался такой же глиняный горшок. Заметит или нет? Ох, и влетит же мне!

С улицы на кухню вошла Катарина, держа в руках охапку срезанной зелени. Пока она вязала зелень в пучки и развешивала их на гвозди, я наспех убрала комнату, заправила кровать и предложила ей помощь. Удивленно вскинув брови, Катарина попросила выставить на стол два комплекта столовых приборов и потянулась в намерении передвинуть глиняный горшок... Рука прошла сквозь него. Охнув, она внимательно присмотрелась к работе.

— Вот это да! — наконец-то услышала я одобрителное восклицание. — А куда настоящий спрятала?

— Я его... э-э-э... м-м-м, разбила... Нечаянно, — тут же состряпала виноватую мордочку и зажмурилась. — Прости, пожалуйста... Я не хотела. Так вышло.

Катарина глубоко вздохнула, расстроено качая головой.

— Ладно, пообедаем, наведаюсь к соседу. Попрошу подождать денек-другой. Будь аккуратней в следующий раз и, да, твоя иллюзия удалась! Я порядком испугалась, когда рука прошла сквозь горшок... Молодец.

С того момента, каждый раз, когда каша медленно съезжала с поварешки на стол, я заливалась таким хохотом, что пару раз, не удержавшись на стуле, падала на пол. Это было нечто!

Я довольно быстро поняла, что Катарина стала угадывать благодаря моей реакции. В последний момент, уловив расцветающую на детских губках улыбку, она могла поменять решение. Игра приобрела новые оттенки и вышла на иной уровень. Я поддавливала ее, делая грустное выражение, когда поварешка зависала над фальшивкой, и только услышав звучное «шмяк», ржала как наша пегая кобылка на пару с соседским поросенком.

ГЛАВА 3

— Какая? — спросила я, с трудом справляясь с эмоциями.

Синие глаза внимательно всмотрелись в одну из четырех слив, потом переместились на другую, третью, с дотошностью рассматривая каждую.

— Эта!

— Бери, — мамины пальцы коснулись слизкой грязи.

— Элин! — я уже валялась на полу и истерично смеялась, ухватившись за живот. Я и не думала, что после дождя может быть такое прекрасное настроение. — Ты подменила объект? Но как?

— Сама не знаю, просто решила с утра добавить красок начинающим увядать цветам, а когда получилось... принесла с улицы горсть земли и слепила пару шариков. После накинула на них иллюзию слив. Вот как-то так... — блаженно вздохнула я. Сцепила пальцы на животе и уставилась в потолок, рассматривая оставленные кистью разводы от побелки.

Катарина тихонько склонилась ко мне:

— А давай... знаешь, что сделаем?

— Грязь со стола уберем?

— Это обязательно, но сейчас... — она обернулась, внимательно окидывая пространство ищущим взглядом, побуждая меня затаить дыхание.

— Повтори-ка ты птицу... Курица на днях вывела цыплят, я сейчас принесу, — подхватив подол, протараторила мама и поспешно выбежала во двор.

Я почему-то перестала улыбаться.

Домик у нас был маленьким, из трех комнат, и далеко не новым, но очень уютным.

Центр кухни занимал стол с прямоугольной столешницей и прямыми ножками топорной работы. Окно из природной слюды украшала цветастая занавеска, подхваченная лентой; к глухой стене были прибиты цельные неширокие полки, на них стояли наполненные травяными сборами горшки, от которых в свое время отказались клиенты. Смотрелось красочно. Даже очень.

В спальне жил комод с огромным зеркалом, небольшой шкаф, две кровати с покрывалами из вареного льна, на светлом поле которых ребром стояли взбитые подушки с вышитыми маками. Третья комната, самая большая, была мастерской Катаринины, где она проводила большую часть свободного от домашних дел времени. Там находилось несколько полок для сушки горшков, пузатая каменная печь, в которой обжигалась и остывала глина. Ведь если изделие достать сразу, то оно может треснуть или даже расколоться — это я уже знала! Рабочий стол и стеллаж с красками, столик с белоснежной вязаной скатертью для готовых работ... Я любила проводить там время, наблюдая за размеренными действиями мамы.

— Смотри, — она положила пушистый желтый комочек на стол, — попробуй. Создай живую копию, — цыпленок пикнул и, неуверенно балансируя на тоненьких ножках, попрыгал прочь от меня, растопырив два отростка по бокам.

Это стало новой ступенью в моем обучении. Изобразить объект в точности я могла, а вот «вдохнуть в него жизнь» — нет. Хотя... был способ пришить второго и пусть выбирает среди трупикиков...

* * *

К двенадцати годам я все-таки нашла решение своей проблемы, а началось все с такого случая. Кувшин, опираясь на глиняную ручку, стоял на столе, а рядом испуганно замер мышонок с глазами-пуговками. Я любовалась грызуном в свете одиноко горящей свечи. Взмолнованные блики света придавали серой шерстке и розоватым дугам оттопыренных ушек золотистый отлив. Какая прелесть!

— У-ух... Как ты тут без меня? Справляешься? — на кухню вместе с крупными каплями дождя вбежала Катарина, оставляя на пороге мокрые следы.

— Ага.

— Кто тут у нас? — она закрыла дверь и, дернув завязки на плаще, повесила его на крючок у порога. Катарина подошла ко мне, положила ладошку на плечо, чуть склонилась и нежно поцеловала в макушку.

— Как живой! А ты переживала, что не получится! Вот он долгожданный результат твоих трудов.

Катарина внимательно разглядывала каждую деталь: испуганные шевеления усиков, вздернутый носик, агатовые глазки.

— Как настоящий! Может, стоит добавить немного коричневого, уж больно он серенький? И переход к золотому резковат, тебе не кажется?

— Хорошо, — я встала и посмотрела на Катарину. Уставшая, она только вернулась из соседней деревни, волосы ее выбились из привычного пучка и растрепались, а подол каштанового платья был мокрым и грязным. Она села на мой стул и обратила задумчивый взгляд к маленькому созданию.

— Как съездила? — безразлично поинтересовалась я.

— Все хорошо. Почти все продала, привезла домой только один набор с лотосами и несколько детских игрушек. Лотосы нынче не в моде, — сама себе прошептала мама. — Так что в

выходные идем за платьями, как-никак, а твой гардероб пора менять, — она улыbnулась притихшему мышонку. — Как долго ты способна удерживать живую иллюзию?

— Не знаю, — я равнодушно пожала плечами. — Мам, только стол вымой потом, ладно?

— Он чистый, — Катарина окинула поверхность стола придирчивым взглядом.

— Такой хорошенький и как ты все заметила! Как у тебя подобное чудо получилось? Сразу столько нюансов! Я восхищена!

— Ага... Стол не забудь промыть.

— Элин, в чем дело?

— Мышь настоящая, — замогильным голосом подытожила я.

Через мгновение раздался оглушительный визг. Катарина схватила кувшин и с его помощью задала такую траекторию мышонку, что милое, ни в чем не повинное животное, сделало в воздухе несколько раз сальто, ударилось о стену, свалилось на пол и стремительно скрылось. Упала кто другой с такой высоты, как минимум шею сломал бы, а нет, малец оказался везунчиком «на все четыре лапы».

— Катарина! — прогремел басистый голос и в дверь нещадно заколотили.

— Катарина! — не унимались обеспокоенные крики за дверью.

— Открой немедленно! Сила небесная, что у тебя там?

Шум голосов оборвался. Повисла оглушительная тишина, а после нечто с силой ударило в дверь, чуть не снеся ее с петель. Грохот с отчетливым треском дерева заставил меня подпрыгнуть. Я поспешила открыть задвижку и едва успела отскочить, как в дверях очутился наш сосед грузного вида. Головы остальных мужиков застряли в проеме. Готовые прийти на помощь, они даже прихватили с собой вилы.

Мне стало смешно — столько мужиков на одного мышонка.

— До-о-обрый вечер, — протянула я, расправив плечи.

— Что здесь? — Гуннар окинул обеспокоенным взглядом Катарину, что сидела на полу возле стола. Ухватившись за сердце, она пыталась привести дыхание в норму. А еще маг земли называется? Я и подумать не могла, что маг может так испугаться малюсенького мышонка.

— Все в порядке, — мама с трудом поднялась, отказываясь от помощи. Опираясь на стол, она шумно вздохнула и довольно громко вернула кувшин на место. — Это была мышь. Ух...

Уверяю Вас, что нет повода для беспокойства.

— Мышь? Не думал что вы бои... — сосед тактично захлопнул рот, вовремя подставив свою руку пошатнувшейся Катарине.

Мужчины, так и не переступившие порога, зычно гоготнули, я поспешила прикрыть дверь, на что та отозвалась протяжным скрипом. Плохи ее дела...

— Не волнуйся, я почию дверь, — поспешил заверить Гуннар.

— Спасибо, мы справимся сами, — легкая печальная улыбка сгладила не терпящий возражений тон.

— Элин, принеси мне воды и закрой за Гуннаром дверь.

Переступая лужи грязи, я выпроводила все еще сомневающегося в правильности женского решения соседа и задвинула расшатавшийся засов.

— Мам, а почему ты отказываешься от его помощи? Нам же лучше, если вы станете друзьями, — тихо-тихо прошептала я, словно за дверью притаилась толпа любопытных. Гуннар давно порог нашего дома охаживает.

— Моя девочка... — она тяжело опустилась на стул и признательно приняла протянутую чашку с водой, — а чем благодарить-то?

— Ну не знаю... Он ведь сам предложил! — я обняла ее за плечи. — Прости, что испугала тебя, не думала, что ты мышей боишься.

— Не надо об этом. Элин, сядь.

Я села напротив и сосредоточенно посмотрела на маму, а потом с самым серьезным видом скосила глаза и дунула на мешающий локон. Он слегка приподнялся и опал, но я была упряма. Как-никак у нас тут непростой разговор намечается, а он препятствует.

— Прекрати, — мне легким движением заправили локон за ухо. — Видишь ли, мужчина, предлагая свою помощь одинокой женщине, в конечном итоге стремится получить... благодарность.

— Ну, испекла бы ему за это пирог или подарила пару тарелок. И живите себе долго и счастливо дальше! — не понимая в чем проблема, искренне посоветовала я.

— Ему не нужны пироги... и наши тарелки не нужны тоже.

— А что ему нужно? — живо поинтересовалась я. И когда я уже перестала ждать хоть какой-нибудь ответ, услышала следующее:

— Ему нужно, чтобы женщина проводила с ним ночи, готовила ему каждый день, ухаживала за ним, — выдавила из себя Катарина.

— Так в чем проблема-то? Пара ночей и готовая дверь. У нас и сарай вон старый, и в конюшне петли на двери скрипят, — я демонстративно загибала пальчики, считая плюсы такой сделки. — Еще можно попросить на телеге колеса смазать, а то нас за мило слышно, еще... — не сообразив с ходу, в чем же мы нуждаемся еще, я продолжила, — он вон какой мастеровой! У него забор — досточка к досточке подобраны, а ты интересные сказки на ночь рассказываешь. Было бы весело...

— Ну все! Хватит! Ему... ему не сказки нужны, и ты еще слишком мала. Так что... поговорим, когда подрастешь. А мужчины... Иди спать!

Вот и поговорили.

Я насупилась и потопала в кровать.

Вскоре в спальню вошла Катарина. Она разделась, аккуратно сложила вещи и улеглась. Облокотившись на локоть, затушила фитилек в лампадке, погрузив комнату во мрак.

— Катарина?

— М-м.

— А долго мы всех обманывать будем?

— Всю оставшуюся жизнь, — сонно ответила мама и повернулась лицом ко мне.

— По-моему, это очень долго. А мои настоящие родители... Как думаешь, они тоже обладали таким даром, или это я такая... э-м-м, ненормальная?

— Возможно, я не знаю.

Глаза уже привыкли к темноте и я глубоко вдохнула, собираясь в очередной раз попросить прощения за свою выходку, однако слова Катаринины остановили меня.

— Я нашла тебя ночью на берегу реки. Маленький сверток, окутанный туманом...

При упоминании о моем прошлом по спине пробежал холодок.

— Это был последний месяц осени. В тот вечер я не находила себе места. Сердце было переполнено непонятной мне тревогой. Тянуло к реке. Тихий, пленительный голос звал меня, но чем ближе я спускалась к воде, тем тише и невнятнее становился зов матери Земли. Грохот реки оглушал. Пробираться сквозь густой туман по мокрым камням, покрытым мхом, казалось безумием. Я хотела отступить, хотела вернуться, но мне не позволили светлячки. Они едва мерцали, подрагивали, вынуждая меня поспешить...

— Земля позвала тебя? — удивилась я.

— Да Земля. Земля — это жизнь, основа мира, и если есть возможность спасти чистую душу, она придет на помощь. Вот только услышать ее зов может не каждый. Я не могу управлять землей, но я чувствую малейшие ее вибрации.

Катарина замолчала, погруженная в свои мысли.

— Ма-а-ам, — протянула я, мысленно упрасывая ее продолжать.

— Не знаю, сколько мгновений отмерили бы тебе небесные старцы, не приди я на помощь. Ты была настолько слаба, что в первые дни я боялась отойти от тебя, даже на миг. Я сразу поняла, что ты необычный ребенок. Так же я понимала, что спокойной жизни с тобой нам не будет. Соседи знали что я бездетна, а подкидышей нужно было отдавать на суд Совета. Поэтому мне пришлось оставить свой дом и уединиться с тобой в этой безымянной деревеньке, где нас никто не знал. Здесь ты и выросла, — закончила Катарина свой рассказ.

— Ты жалела о своем решении?

— Девочка моя, я столько молитв отдала небу, чтобы испытать счастье быть матерью... Я благодарна тебе за каждое мгновение, которое мы с тобой разделили. За каждую улыбку и каждую слезинку, подаренную мне.

— А давай я всегда буду помогать тебе, — воскликнула я. — Давай я буду расписывать посуду, и я... да я даже за грядками согласна следить! — предложила я.

— Зимой грядки отдыхают, а весной я напомню тебе эти слова, — хохотнула Катарина и, вмиг став серьезной, сказала:

— Главное для тебя сейчас научиться копировать живые объекты.

— Я научусь. Обязательно научусь!

— Только пообещай, что больше я не буду угадывать, какой среди мертвых тараканов и пауков с оторванными лапками — настоящий. Если честно, мне это неприятно.

— Хорошо, мама.

С раннего утра я уже тренировалась и с раннего утра у меня ничего не получалось.

— Смотри, — Катарина оставила тряпню и подошла ко мне. Она расстелила на стол кухонное полотенце, поднесла к нему ладонь и пошевелила пальцами. — У тебя должно получиться. Тень — это не сложно.

Конечно, не сложно — мысленно согласилась я и понеслось.

Я пыхтела и тужилась, но вместо маминой ладони на полотенце неуклюже копошился какой-то осьминог, лапы которого множились и напоздали друг на друга. В итоге мы с Катариной зашлись хохотом и решили, что для первого раза достаточно.

К концу следующего дня я освоила игру света и тени, и это было главное. После я с легкостью впустила в свою тень объем и сделала ее полноценной рукой. С цветом также не возникло проблем. И вот я уже с необычайно гордым видом «жала» своей иллюзии руку.

— У тебя хорошо получается, — хвалила меня Катарина, — но обрати внимание на детали: след от ожога на моей ладони, царапины и неровности кожи. В жизни не бывает ничего идеального. Недостатки не стоит скрывать, ведь благодаря им ты добьешься максимально реалистичной иллюзии. И еще... умение наблюдать дополнит твой дар и не раз сыграет тебе на руку, — сказала мама и как в воду глядела.

ГЛАВА 4

— Готово? — на улицу вышла Катарина, стряхивая с рук белесый пух муки.

— Да, — я прыгнула с ароматного стога и вместе с Катариной подошла к конюшне, где нас ждали старенькие кобылы, похожие друг на друга как две капли воды. Нижняя дверь стойла была закрыта на засов, распахнутая верхняя цеплялась крючком за стену и предоставляла возможность животным, высунув любопытные морды, насладиться чудесной погодой и ласковыми лучами теплого солнца.

— Это... потрясающе! — мама рассматривала лошадей: белую гриву и шерсть с крупными каштановыми пятнами, горбоносый профиль, большие глаза с длинными ресницами и слегка подрагивающие губы. Движения двух кобыл не совпадали и, тем не менее, манера поведения оставалась привычной, что усложняло выбор. Критично бросив взгляд под ноги животным, Катарина увидела размытую тень. Не касаясь шерсти, она протянула руку к груди ближайшей кобылы, на которой тут же появилось темное резко очерченное пятно от ладони, повторила то же действие со второй.

— Не отличить!

Я довольно хмыкнула. Специалист поработал!

— Элин! — позвал меня мальчишеский голос.

Катарина мгновенно захлопнула верхнюю дверцу конюшни, припечатав пегую по носу. И все бы ничего, но вторая морда прошла сквозь деревянные доски, оставаясь торчать в закрытой двери.

Катарина округлила глаза и испуганно охнула. К счастью густорастущий лимонник, радующий душистым белоцветьем, не позволил Ясперу заметить мою иллюзию.

— Чего тебе? — отозвалась я.

— Разве так встречают гостей? — пожурела меня Катарина, сердитым взглядом указывая на морду. Я поспешно развеяла иллюзию и для пушего эффекта помахала ладонями перед собой. Сердце в груди сделало кульбит от сочетания острого страха и дикого веселья.

— Пойдешь со мной к старому дубу? — звонко позвал Яспер.

— Можно мне с ним? — спросила я, умоляюще глядя на маму бездонными серыми глазами.

— Два часа, не дольше, и помни о нашем разговоре!

Я с радостью подхватила полы платья и побежала навстречу Ясперу.

* * *

— Ты целыми днями сидишь дома. Ты что, все время наказана? — поинтересовался Яспер.

— У нас много работы, — отмахнулась я.

Мы шли по извилистой тропинке, пересекающей луг, вдыхая наполненный утреней прохладой воздух, сладко благоухающий травой и медом. Я беззаботно срывала луговые васильки и складывала их в букет. Чего-то явно не хватало среди копны лилово-пурпурных соцветий и зелени.

Парнишка с небрежно повязанным платком на шее, в простых штанах и светлой сорочке гордо шел рядом. Высокий, с русыми волосами и янтарно-зелеными глазами, он не мог не нравиться.

— Если я не ошибаюсь, дуб в другой стороне. Мы к реке? — спросила я, уже зная ответ.

— Да.

— Мама с меня три шкуры снимет.

— А мы ей не скажем. Да и что случиться-то может? Идем, — он рванул меня за руку и мы побежали.

Вечное движение, холод, неизмеримая глубина и непроглядный мрак, внушали восхищение и страх. Мы стояли на вершине холма, за которым был крутой обрыв и бурлящие, не знающие преград и оков мрачные воды горной реки.

— Смотри, что я умею, — Яспер дождался, пока я усядусь и обращаю на него внимание.

Стоя на самом краю обрыва, он взмахнул руками. Из бурлящей воды напротив меня поднялась узкая полоса и под своим весом начала опадать.

— Фонтан посреди реки. Здорово!

— Шутишь? — он повернулся ко мне и растянул губы в довольной улыбке. — Я только начал!

Я следила за его тягучими движениями рук, словно он гладит выпачканную в меде кошку, щедро размазывая нектар по шерсти. Фонтан нехотя стал меняться. Он приобретал более четкие контуры, пока не предстал передо мной в виде цветка с прозрачными нежными лепестками.

Огромные и прекрасные, они раскрывались на моих глазах, зажигаясь ярким утренним светом. Не в силах больше удержать себя в заданных рамках водяной цветок с шумом рухнул, ослепив меня радугой брызг. В один миг он слился с бурлящим потоком, подарив мне светлое, глубоко запавшее в память мгновение.

Яспер тяжело дышал. Он стер проступившие на лбу капли пота, сделал два шага назад и плюхнулся рядом со мной. Я легла на спину.

Растительность на вершине была такой же густой как и в низине, где простирался цветущий бескрайний луг. Сочные стебли склонились над моим лицом и закрыли часть голубого неба.

— Я решил поступать в академию стражей, — Яспер мягко улыбнулся и протянул мне маленький цветочек солнечного цвета. — Держи.

— Что это? — я косо посмотрела на тоненький стебелек с пятью лепестками, не спеша его забирать.

— Цветок.

Вижу что цветок. И что мне с ним делать? Взять и нести домой, теревить в пальцах и делать вид, что в восторге? П-ф-ф-ф.

— На кой он мне? — спросила я, выгнув одну бровь, и поспешила подколоть:

— С такой тягой к флоре тебе стоило магом земли родиться!

Яспер пожал плечами и выбросил желтый огонек. Стремительное течение тут же поглотило его.

— А что твои родители? — я поудобнее устроилась на мягком покрывале зелени.

— Считают, что из меня выйдет толковый страж.

— Вот бы и мне сбежать из этого болота...

— Я думал тебе здесь нравится! — удивился парнишка.

— Терпеть не могу копать в грядках, — на порядок резче, чем намеревалась сказала я и мягче добавила, решив поддержать Яспера:

— А ты молодец и все у тебя получится!

Вечером за ужином Катарина удивила меня.

— Я хочу, чтобы ты создала браслет и поддерживала иллюзию на своем запястье постоянно, — моя челюсть так и отвисла.

— Так люди же увидят! — с усилием проглотив рагу, возмутилась я.

— Да, — с неземным спокойствием подтвердила она. — Именно об этом я тебе говорю: носить его постоянно, как настоящий. И чтобы ни одна живая душа не догадалась, что это иллюзия.

— А если догадаются? Хочешь от меня избавиться? — мир в который раз перевернулся. Да что вообще происходит? То никому не говори и храни свой секрет, то хочу, чтобы все видели... У кого-то тепловой удар случился?!

Катарина качнула головой в жесте, отгоняющем бедовые мысли.

— Важно, чтобы иллюзия была постоянной, тогда никто не догадается что браслет - подделка! Ну хорошо. На запястье круглощекой жены нашего старосты я видела одну искрящуюся солнечным цветом штуковину с замысловато переплетенными завитками.

— Золотой, — недовольно подытожила Катарина.

— А что не так? Красивая вещичка! Сама же просила создать!

— Подумай сама, откуда у нас деньги на такую красоту?! Ты создашь хороший повод для сплетен!

— А, может, подарил кто? — с надеждой произнесла я, но надежда покрутила у виска пальцем и удалилась.

— Не годится. Любое проявление твоей магии должно иметь основание и обоснование. Так, создавая украшение, ты должна думать о том, чтобы оно соответствовало твоему положению и достатку, чтобы оно не вызывало никаких вопросов у окружающих! Нельзя, слышишь, нельзя создавать широкий золотой браслет бедной девушке. Необходимо просчитывать все до мелочей, а иначе... — она вовремя прикусила губу и, совладав с эмоциями, спокойно продолжила объяснять мне прописные истины конспирации.

— Ну хорошо, — признав ее правоту, я «нарисовала» на своем запястье тонкую нить с гладкими можжевеловыми бусинами.

— Совсем другое дело! — Катарина продолжила ужин как ни в чем не бывало. — Днем и ночью думай о нем! Чем бы ни занималась, что бы ни делала!

Много позже я поняла, для чего это было нужно. Скопировав себе ауру воздушника и его слабый дар, мне пришлось вернуться в кокон и навеки скрыть ото всех свою истинную силу. Это было нелегко. Меня постоянно преследовали головные боли, а стоило колдовать параллельно, как начиналось кровотечение из носа. На время мне приходилось оставлять все попытки создать любую сложную иллюзию в виде коня, собаки или другого крупного животного. Браслет из можжевеловых бусин все также опоясывал мое запястье.

Катарина сосредоточила все силы на том, чтобы научить меня осторожности. По вечерам мы придумывали ситуации и я размышляла о том, как можно из них выкрутиться. Поначалу это было забавно и довольно легко, но вскоре односложные варианты перестали ее устраивать и я заходила в тупик.

Мозговые атаки приводили меня в бешенство и отдавались страшными головными болями.

— Думай, Элин, думай, — повторяла Катарина и помогала мне разрабатывать все новый и новый план по нехитрому распутыванию очередного клубка из, казалось, безысходных ситуаций, загнавших вымышленную героиню в тупик. Мое сознание вырубалось мгновенно, стоило голове коснуться мягкой подушки; мне перестали сниться сны.

Детство кончилось.

ГЛАВА 5

Иллюзии — магнит, они влекут неудержимо.

Карл Гуцков

Лучики солнца настойчиво слепили глаза. Даже если зажмуриться посильнее, спастись от них все равно не удастся. Я засунула голову под подушку.

— Вставай, соня. Я покажу тебе кое-что, — скомандовала Катарина, затягивая сзади фартук пышными лентами.

— Что-о?

— Одеальце, вышитое золотой нитью.

Я нехотя откинула подушку и сонно потерла глаза. Мама достала аккуратно сложенный сверток с ручной вышивкой по краям и протянула мне, позволив самой его развернуть. Моему взгляду открылось одно единственное слово, словно выжженное солнечным лучом на черном небе: «Эделин».

— Эделин, — прочитала я.

— Это имя дали тебе твои родители. Никогда и никому не говори его. Достаточно узнать имя человека, данное ему при рождении, и на его судьбу можно влиять.

Мама ушла на кухню готовить завтрак, а я еще долго сидела на кровати, гладила мягкое покрывальце и привыкала к новому имени.

Холодный пол взбодрил, но лишь ледяная вода из умывальника окончательно разбудила меня.

— Элин? — донеслось с кухни.

— Уже бегу, — я бодро подмигнула отражению в зеркале и побежала кормить нашу живность.

Потом предстояло хлопотать с Катариной в огороде.

— Почему именно сейчас ты открыла мне мое настоящее имя? Ты ведь не хочешь расстаться со мной? — с опаской спросила я.

— Конечно нет, вот только никогда не знаешь, какой путь уготовят нам небесные старцы, — мама воткнула в землю садовые вилы и отерла со лба бисеринки пота. — Ты взрослеешь и наступит день, когда ты захочешь свободы. А я смогу оставаться спокойной, лишь зная, что ты в состоянии о себе позаботиться... Элин! Что я тебе говорила? — вдруг возмущенно выкрикнула Катарина. — Нельзя так выглядеть!

Словно белая лебедушка я стояла посреди огорода в бальном платье с широкими бретелями из нежного кружева и длинным шлейфом, как у королев, с волосами, волнами спадающими на плечи, и сияющей улыбкой во весь рот. Контраст с уставшей женщиной был колоссальный.

На самом деле, за образом этой красотки я валялась на земле без задних ног.

Как она одна справлялась со всем этим безобразием раньше? А еще говорят, земля дарит силу и спокойствие. Чушь. Болезнь спины она дарит, мозоли и отсутствие всякого желания жить, зная что впереди еще больше трети огорода нуждаются в обработке.

— Все! Не могу больше, — простонала я, глядя на кучу сухой ботвы.

— Элин!

— Да копаю я, копаю, — ответила я, стараясь не показывать своего плачевного состояния.

— Несносная девчонка!

— Ну в чем я провинилась, что вынуждена ковыряться в грязи в лучшие годы своей жизни? — я с трудом поднялась и развеяла иллюзию. — Может, стоило поступить в академию как Яспер, тогда единственным моим физическим трудом было бы перелистывание страниц в учебниках?! Даже Роиль Чансе и та умудрилась сдать экзамены в академию какой-то там горы. Везучая, бесовка! — я поправила съехавший на бок платок с размытым цветочным мотивом и продолжила выкапывать картофель.

— Не обольщайся на этот счет. Физическая подготовка у будущих магов должна быть на уровне.

— Когда мы уже закончим?

— Тащи картошку под навес. Дальше я сама справлюсь.

Ополоснувшись в тазу, я переделалась и поспешила в густо растущий лес. Привязала кобылу к торчащему ответвлению старого дерева с лопнувшей корой. Сколько я себя помнила, оно не подавало никаких признаков жизни. Я вышла на небольшую полянку, несколько раз обошла ее по кругу, улыбнулась и ступила в центр. Как всегда никого! Все заняты сбором урожая и его закладкой на следующий год.

— Ну, здравствуй, — передо мной все четче стали проявляться очертания крупного зверя. Это была моя фантазия еще с детства. Не раз переделанная и продуманная до мелочей: синяя голова, чешуйчатое тело с жемчужным брюхом, темный, почти черный гребень спины с шипами на хвосте и огромные крылья. Сказочный дракон во плоти! Он уверенно стоял на четырех лапах; могучие литые мышцы словно молили о том, чтобы сорваться с места, пустить гибкое тело в полет и стрелой прорезать манящую синеву.

— Тоже рад меня видеть! — я задержала ладонь на границе иллюзии. На границе с темным роговым наростом с миндалевидными ноздрями, жалея что не могу почувствовать дыхание жизни вымысленного зверя, сотворенного с такой любовью.

— Красавец!.. Мой дар — мое проклятие! Ты даже не представляешь, как я хочу, чтобы ты стал настоящим... другом. Я ведь никому не могу доверить свою тайну... Катарина не в счет. Она больше чем друг, она мама.

Он опустил веки и морда чуть подалась вперед, проходя сквозь мои пальцы. Я усмехнулась.

— Зато у меня богатая фантазия! Знаешь, что мы сейчас сделаем? Острые концы крыльев высветим синим пламенем. Вот так... Ух... Аж голова закружилась.

Дракон перенес вес тела на задние лапы и расправил крылья, хвастаясь результатом.
— Красотища! — с восхищением протянула я. — Могу ведь, когда захочу!
Несколько раз в месяц я позволяла себе скрываться ото всех в лесу и экспериментировать со своим даром. Катарина оставалась в блаженном неведении. Мне приходилось быть предельно осмотрительной.
Наигравшись, я развеяла крылатого друга, подошла к дремлющей кобыле и отвязала повод.
— Ну что, старушка, хочешь домой? — я поскребла нежный нос пегой, забралась в седло и направила ее в сторону деревни.
Под копытами хрустели сухие ветки. Мы неспешно брели, оставляя следы от подков на мягкой от перегиба земле; огибали стволы гигантов, не дающих молодняку дотянуться до света и набраться сил. Что-то спугнуло огромную птицу и она хлопнула метровыми крыльями у меня за спиной. Я придержала старушку и оглянулась, но источник шума исчез среди густых крон, отбрасывающих мрачные тени.
Волной накатила тревога. Сердце учащенно забилося в груди. Прицокнув, я вынудила пегую поспешить.
За несколько последующих дней чувство защищенности сменилось ожиданием чего-то плохого, но я упрямо продолжала молчать.
Вы вправе считать меня созданием юным и неопытным в силу семнадцатилетнего возраста, но поделись я с Катариной своими страхами, мне бы пришлось рассказать ей все! Признаться маме, что ослушалась ее, я не смогла. Струсила.

ГЛАВА 6

Два раза не живут, а много и таких, которые и одного жить не умеют.
Ф. Рюккерт

Неохотно принимаемые Лариусским королевством эмигранты уверяли, что Леги Тьмы — безбожные палачи, дети мерзкого мира, демоны, способные опустошать одаренных. Их сила обжигает пламенем своего безумия. Всюду, куда ступают эти твари, земля становится бескровной и немой пустыней. И пока Империя была в состоянии сдерживать натиск Легов — мы спали спокойно. К тому же небольшое королевство, обнесенное природными заслонами, считалось недосягаемым: непроходимые скалы с одной стороны и необъятные просторы водной глади с другой служили гарантом тихой и мирной жизни.
Однако время Тьмы приближалось. Видимо пришел и наш черед испытать боль и страдания.
— Да хранят тебя Духи Земли!
Катарина припечатала кобылу по крупу и та тяжело рванула с места. Глотая слезы, я оглянулась и увидела лишь размытую фигуру мамы, быстро удаляющуюся от меня. Мы понимали, что наши пути расходятся навсегда. Не медля и мгновения, Катарина выкупила мой шанс на спасение ценой своей жизни.
— Мама...
Проклятая ночь, возлюбившая смерть. Луг, перечеркнутый копытами белогривой лошади. Крик, требующий выхода. Боль, сжигающая изнутри. И тяжесть от осознания, что ничего не исправить. Все, на что я была способна, это хлестать бока кобылы и безутешно реветь. Стоило мне обернуться, чтобы сказать прощальное «спасибо», как полыхающий огнем горизонт высветил фигуру черного всадника...
Погоня была стремительной. Немногим не добравшись до холма, взмыленное и обессиленное животное рухнуло подо мной, забрав с собой единственную надежду на спасение.
Во мраке ночи всадник хищной птицей настигал меня.
— Милостивые духи... — рвано выдохнула я и подняла голову на холм, он совсем близко, за ним резкий обрыв и река. Левее пролесок, очерченный серебром месяца, и дорога, до которой мне уже не добраться.

От безысходности в глазах застыли слезы, а тело налилось свинцовой тяжестью. Казалось, сама тьма раскрыла свои объятия, готовая проглотить мою боль с последним вздохом. Осталось лишь закрыть глаза, покориться судьбе, принять свою смерть.

Вдруг сердце замерло в груди и снова забилося с удвоенной силой. И пусть разум твердил, что увидеть Лега значит умереть, — я так просто не сдамся.

Медлить было нельзя. Затаив дыхание я скрыла себя за иллюзией куста, скопировав неоднородную ауру растений, и создала девушку, которую метнула к обрыву. Сухая трава хлестала и царапала ноги, репы кололи и цеплялись за подол платья. Все выглядело как в жизни. И когда Лег на страшном вороном коне ураганом промчался мимо, я с ужасом поняла, что подвести иллюзию к обрыву и сбросить ее в реку я не успею.

Лег преградил девушке путь в десятке шагов от меня и резко дернул повод. Жеребец вскинулся на дыбы и остановился. С отвратным хрипом конь закусил удила и угрожающе врезался копытами в землю, ломая обескровленные стебли и поднимая клубы пыли.

Я бросила иллюзию девушки на траву. Сделала частым ее дыхание. Ко лбу прилепила локоны, спутала волосы. Широко распахнутыми глазами, словно не веря в происходящее, она смотрела на своего убийцу.

Цвет голубых холодных глаз всадника никак не вязался с его образом — по мне так глаза теней должны быть жуткими черными осколками бездны. Черные волосы, асбестовая кожа, тонкая линия губ, неестественно заостренные скулы — он крайне отличался от обычных мужчин, излишне выраженными чертами лица и почти полным отсутствием подкожного жира. А еще он был высок.

Лег стремительно соскочил с коня и, прочитав у девушки стихию воздуха, невесело усмехнулся и обнажил клинок.

Сталь вошла в тело, как в землю, легко и по самую рукоять.

Я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Голову рвала на части боль, страх мутил рассудок, грозя разоблачить иллюзию и вместо обманчивого видения швырнуть под стальное жало меня. Балансируя на грани безумия, я все же подвела свою игру к достойному финалу.

На девичьих щеках застыли слезы. Она склонила голову на плотное покрывало земли, чуть приоткрыла губы, словно желая что-то произнести. Закрыла глаза. Еще один два заметных подъема груди и бледное лицо застыло покойной маской.

Мне же осталось только молиться небесным старцам, чтобы Лег поверил в истинность происходящего.

Он заворожено смотрел на чернеющую кровью женскую грудь. Он ждал. Было что-то, что не давало ему покоя, что мешало ему покинуть это место. Он не раз забирал жизнь одаренного. Никогда прежде Лег не видел, чтобы частица божественного огня угасала внутри мага. Частица эфира не покинула оболочку, став пленницей клинка, и даже не растворилась в пространстве, смешавшись с энергетическими потоками мироздания, а просто... угасала!?

Схватив граненую рукоять, он вырвал клинок из груди. Несколько капель крови поспешили собраться и затеряться в ветром примятом сухоцвете. Медный запах крови дурманил, неохотно примиряя его с «истинной». Девушка мертва.

Сквозь иллюзию куста, я смотрела, как Лег доводит лезвие до блеска, не отрывая взгляда от девушки. Казалось, он запоминал черты ее лица.

Облокотившись локтем о колено, он неторопливо протянул руку к бледной щеке, повинувшись глубокому чувству неправильности ситуации. Это было необходимым. Просто коснуться ее и

...

— Келлах? Проблемы? — окликнул его приближающийся всадник.

Пальцы замерли в дюйме от тела. В присутствии свидетеля он счел свой интерес излишним и одернул руку. Вскочил в седло и направил жеребца назад в сторону польхающей деревни. Два всадника промчались мимо меня.

Топот стих, вместе с ним утих и ветер. Распалась иллюзия. Я лежала в траве наедине со своей мертвой лошадкой, устремив взгляд в бесконечно черное небо.

Я не верила, что мне удалось.

* * *

Это была самая долгая и самая ужасная летняя ночь. Линию горизонта еще подсвечивало зарево польхающей деревни, но стонов и плача больше не было слышно.

Слезы не поддавались контролю. Носом шла кровь. Коснувшись губ, я отерла пальцы о сухоцвет, оставляя на нем багряный след, едва различимый в предрассветном мраке. Поднялась, будучи не в силах сидеть рядом с кобылой, которую облепил рой жирных мух и кусали голодные слепни. И шатаясь побрела в сторону пролеска.

Я бездумно повиновалась дороге, узкая лента которой скрывалась в темной зелени леса. Раскидистые кроны сходились вместе и густым покровом спасали от солнца. Весело снующая мошкара то кружилась перед носом, то, видимо, устав, оставалась позади. Вскоре лес начал убывать, островки теней встречались все реже и реже, а воздух становился все жарче и жарче. Тело одолевала усталость, хотелось пить.

Остановившись у изъеденного червями дерева с вырезанными в коре стрелками-указателями, я решила отправиться в Табел. Катарина говорила, город для меня опасен, но теперь у меня не было выбора. Кроме того, я заметила, что балансировать по краю — это возбуждает, и если бы тьма не принесла в мой мир столько непоправимого зла, наверное, я бы смогла порадоваться своей маленькой победе.

Ясность дальнейшего шага дала надежду и заметно оживила меня. Уже к обеду я разжилась холщевой сумкой, в которой болтались огненный камень и нож, пустая (потому как пришлось срочно делать ноги) баклажка и хлеб, украденные в окрестной деревне.

В сандалиях из кожи ступали по земле испачканные в дорожной пыли ножки, им в такт колыхался подол недорогого, но удобного платья. Обманывать всех, никого не подпускать к себе, никому не верить — вот мой удел. Вечный обман. Стоит оступиться и я в лапах Совета Судеб. Придется скрываться и выдавать себя за слабого мага воздуха. Иначе не выжить.

А я выживу... если в ближайшее время найду хотя бы самый маленький глинистый ручеек — жажда становилась просто невыносимой. Ко всему прочему, появилась головная боль и долгое время не хотела меня отпускать. Когда я готова была взвыть от звенящей боли, она сменилась гулом и принялась нарастать.

— Ух ты! Ну заржать-то у меня в голове точно никто не мог!

— С дороги, бестолочь! — полетело мне в спину.

Едва успев обернуться, я отлетела на обочину и неуклюже приземлилась на плечо. Около дюжины всадников на добротных жеребцах пронеслись мимо, поднимая клубы густой едкой пыли. Светлые красавцы под угольной сбруей невольно вызвали восхищенный вздох. Я закашлялась и закрыла глаза в ожидании, пока хоть что-нибудь станет видно.

Жди меня город, я иду!

А кто сказал, что будет легко?

На встречных путников я старалась не обращать внимания — пару раз уточнила направление, да выяснила, что верхом до Табела четверо суток пути. А пешком я даже считать не собираюсь, впрочем, как и сворачивать с намеченной цели. Я доберусь до крупнейшего портового города и отыщу Яспера. Этим летом он отписал своим родителям, что плотный график тренировок не позволит ему навестить деревню, принес извинения и просил справиться обо мне.

— Как хорошо, что этим летом ты не вернулся домой...

Пусть ты и отменный водник, но все мы бессильны против повелительницы Мрака и ее демонов. Стоило вспомнить про Лега, как в памяти всплыло воспоминание: Келлах склоняется над телом и с холодной отрешенностью всаживает лезвие в... кротовую кучу. Долгой и слепой жизни хозяину норы!

Надеюсь, Лег не станет меня преследовать, когда не увидит на платке следов моей крови. А вдруг он и в самом деле захочет завершить начатое?

— Мамочки...

Я припустила бегом.

К ночи я не чувствовала ног, язык присох к небу, а тело страдало от дорожной пыли. Поэтому стоило завидеть мель, как я скинула вещи и со счастливым вдохом окунулась в стоячую мутную воду.

Уже через час чистая и сытая я засыпала в сети выпирающих корневых разветвлений. На ветке одиноко стоящего дерева, доверительно склонившегося к прохладе воды, сохли мокрые панталоны. Под ними тлели веселые угольки, остывала зола, а на тоненькой палочке, воткнутой в землю, был нанизан недоеденный кусочек хлеба.

Проснулась я посреди ночи от нестерпимого зуда. Искусано было все, что осталось неприкрытым: лицо, шея, руки, несколько десятков красных пятнышек нашла я и на щиколотках.

— Пр-р-ректасное начало нового дня! Ненавижу насекомых.

ГЛАВА 7

Келлах.

Думы о медноволосой девушке не покидали Келлаха. Черный шелк, которым он отер свой клинок, привел в замешательство. Во-первых: на платке не было следов крови, лишь остатки земли. Во-вторых: лезвие легко вошло в юное сердце, не встретив на своем пути препятствий. И наконец: неестественная тишина. Почему девушка не молила о пощаде, не проклинала его, как обычно делали другие? Почему она вообще молчала? Этому было только одно достойное объяснение — это именно та девушка, по душу которой они пришли.

Смышсленая. Хорошая у нее вышла шутка с реальностью. Простой ход женской мысли для подручной верхнего всепроникающего мира пустить пыли в глаза, а не ввязываться в прямой бой... А он позволил себе обмануться. Но она ведь маг воздуха, причем очень слабый... или это тоже было следствием специфики ее дара?

Раздумывая над досадным просчетом, Лег уже не сомневался, что девушка принадлежит к «инным», предвестницам нелегких испытаний всякому, кто... вот темная сила, не о том он думает! Теперь его должно заботить только то, как скоро он сможет ее отыскать.

— Келлах?

Он тряхнул головой, усилием воли возвращая себя в реальность.

Марк с откинутым за спину меховым капюшоном поравнялся с Келлахом. Он был старше и, в отличие от Келлаха, был неуязвим. Его взгляд застыл безразличием, кожа казалась серее мышьяка. Волосы цвета самородной серы утопали в мехе, а плечо левой руки заслонял уродливый череп зверя с зазубренными жвалами, существование которого не зафиксировано даже в архивах исторических документов. Изготовленный из тугоплавкого металла, силой кромешного мрака он был слит с белой костью твари, убитой Марком. Гладкую поверхность черепа бороздили линии, заполненные темнотой — шрамы, полученные зверем в бою с достойным противником.

Келлах каждый раз испытывал необычные ощущения — не по нутру ему приходилась подобная близость духа. Призванный Марком зверь напал стремительно и безжалостно уничтожал объект интереса своего господина. Келлах не знал ни одного случая, когда жертва сумела бы остаться в живых после встречи с порождением черной бездны. Не были исключением и Леги, вызвавшие гнев своей повелительницы.

— Возвращайтесь без меня, — вдруг сказал Келлах, скрывая выпачканную в земле тряпицу.

— С некоторых пор ты ведешь себя... странно. Та девушка была той, за кем мы пришли?

— Нет. Это была простая магичка.

— Тогда в чем дело?

Келлах не ответил. Соображение, что девушка способна управлять тончайшей энергии эфира занозой засело в его сознании. Она определенно та, за кем они пришли.

За сотни лет активного участия Совета Судеб в жизни магов, «инные» были стерты с лица лариусских земель, а потому эта территория не вызывала интереса у их повелительницы. До недавних пор.

— Назовешь причину?

— А должен?

— Повелительница будет разгневана, прими ты необдуманное решение, — сухо напомнил Марк о грозящих неприятностях и усмехнулся. — Ты знаешь, кому она поручит истязать твое тело.

— Не вчера родился.

Келлах накинул капюшон и равнодушно взглянул на багровый закат.

Он мчался по лугу, где безжалостно расправился с девицей. Ее способности затуманивать разум и вплетать ложь в истину, несмотря на юный возраст, восхитили его. Келлах скрыл ее тайну, не подозревая, что мысли Марка всецело поглотил черный кусок лунарского шелка с обожженными краями, в углу которого золотом сверкали три последние буквы чьего-то имени. Вернувшись на место убийства, Келлах окончательно убедился в своем промахе. Мухи, еще мгновение назад облепившие дохлую кобылу, сейчас роем вились вокруг него. Оборвать монотонное жужжание он мог легким движением пальцев, но сдержался. Разоблачать себя даже в мелочах он не любил. Впрочем, один фокус он все же провернет. Он поднял руки, обратив ладони к душе почерневшего неба и замер, словно прислушиваясь к чему-то. С рук соскользнули едва различимые очертания змей, мягко приземлились на ломкое покрывало травы и расплзлись в разные стороны.

В нескольких метрах от тела кобылы свернулись узлом несколько эфемерных змей. Еще пара окольцевала окровавленные ноздри животного. Остальные растворились в густом мраке сонной травы.

Если память его не подводит, в прошлый раз на этом самом месте был ветвистый куст. Лег развеял змей, присел на корточки и сорвал несколько сухих травинок с засохшей кровью, поднес сухоцвет к лицу и довольно ухмыльнулся.

Попалась.

Сжал травинки в руке и раскрыл ладонь, с которой сорвались несколько сияющих кровавых крупинок и полетели против душного ветерка, гонимые силой темной магии. Ненужный мусор пеплом поплыл в обратном направлении.

— Для тебя, моя красавица, отсчет пошел на часы, — уголки его губ дрогнули. Что ж, это будет интересная игра.

Ее ждала не смерть, он уготовил ей лучшую участь.

Двинув жеребца по взмысленным бокам, Келлах пустился вслед за кровавыми маячками.

Элин.

Солнце, собравшись лезть на небо, застряло меж валунов, разбивающих водяной поток на отдельные течения. Горная река истирала крутые берега словно подошвы, всхлипывала и бежала дальше. Пичуги тревожно о чем-то переговаривались. Словно предчувствуя беду, они разом сорвались с веток кренившегося к воде дерева и, рассекая клиньями поле, затерялись в предрассветной дымке.

Укрытая траурной тенью дерева, я стояла по колено в илистой заводи и брезгливо наполняла баклажку. Попыталась разглядеть свое отражение, но беспокойная рябь не позволила увидеть, какой я стала красавицей за одну ночь, проведенную на свежем, чтоб его, воздухе. Лицо, руки, плечи и ноги — все было изъедено кровососущими и нестерпимо зудело, вынуждая быстрыми движениями раздирать кожу. Из-за слабости и головокружения совсем не хотелось есть. Пить, кстати, тоже.

А хотелось поскорее оставить это негостеприимное место.

— Вот соберу скудные пожитки, косу переплету и в путь... — я удивленно моргнула.

Ко мне подлетело нечто необъяснимо прекрасное. Пленив взор колдовским сиянием, алые капельки затанцевали, не зная покоя. Протянув палец, я неожиданно резко одернула руку. Такому явлению должна быть причина. Это не магия четырех стихий, это...

Вылетев из заводи, словно пыль из раздутых ноздрей разъяренного буйвола, я на ходу сдернула с ветки сухое бельё и заскочила за дерево. Вжавшись в ствол всем телом, набросила на себя полог коры. Ведомые черной магией капли крови настигли меня и утонули вместе со мной за ширмой. Мне осталось лишь метнуть иллюзию ярких огоньков на другую сторону реки с каменистыми берегами и коварным течением. Осознание того, как сильно я ошиблась, ударило по нервам. Каким безумцем нужно быть, чтобы с бурлящей рекой мериться силой? Да разве я смогла бы туда попасть?

Но что-либо менять было поздно, вдали послышался топот копыт и в одно мгновение с исчезающими на берегу следами моих ног, на горизонте показался всадник.

Бока вороного ходили ходуном. Конь с силой выталкивал из легких воздух, после мучительно делал довыдох. Рот его был абсолютно сухой, а вот шкура обливалась ручьями пота. Казалось, сделай он еще шаг и свалится замертво.

Бросив повод и спрыгнув с коня, Лег разворошил носком засыпанный пеплом костер, рядом вытряс сумку.

Понимая, что Келлах разгадал тайну моего дара, я с ужасом наблюдала, как он изучает место моего ночлега.

Келлах подошел к заводу, присел на корточки и очертил пальцами вдавленный в грязь отпечаток моей ступни.

Выходила я левее, и сейчас эти следы были скрыты иллюзией.

Лег бросил взгляд на едва различимые капельки красного цвета, пляшущие вдали, и нахмурился. Могла же я переоценить свои силы, не справиться с течением и утонуть? Решила покинуть мутную заводь, чтобы в чистой воде омыть тело, как была подхвачена бурным потоком и закручена в страстном и смертельном танце. Откуда ему знать, что плаваю я как камень и дальше чем по колено в жизни не зайду?

Келлах дотронулся ладонью до ствола старого дерева, буквально, в нескольких дюймах от моего носа, на самой границе иллюзии. Я задержала дыхание. Не знаю, на что я рассчитывала, может на то, что сейчас он вскочит на коня и вернется вниз по течению в поисках трупа или повернет... обратно? Но о том, что он направит вороного в кипящую гневом пасть реки я и мечтать не могла.

Треснувшие копыта ударили по воде. Переступы вороного сопровождалась хаотичными всплесками, сверкающими в лучах предрассветного солнца.

От неожиданного счастья я едва себя не выдала, с шумом вобрав в легкие воздух. Сквозь марево иллюзии я напряженно следила за каждым шагом вороного, пока он не погрузился в пучину по самую морду. Вода била в ноздри, накрывала с головой. Обжигая холодом, гасила силу и смиряла волю животного.

От всей души я молила духов принять и навеки-вечные спрятать в своих черных глубинах всадника... а заодно и скотину — чтоб не мучилась.

Коротко припомнилось, как я спорила с Яспером, доказывая самоуверенному мальчишке, что мертвые душой — это чудовища, обладающие безграничной силой, способной стирать целые поселения с лица земли.

«У каждого мага есть предел и каждого можно уничтожить», — упрямо твердил Яспер.

«Как же ты не понимаешь, они неуязвимы!» — злилась я.

Надо мной смеялись и поясняли словно ребенку, что у всех есть слабые места, нужно лишь их отыскать.

Келлах был наделен страшной силой. Полпути за спиной, конь задыхается, сгорает, но упрямо рвется к берегу, где алые огоньки зависли в воздухе, как приклеенные. Опомнившись, я пустила иллюзию вниз по течению, куда хватило взгляда.

Река отступила, забрав с собой последние силы. Вороной исчерпал свой резерв: ноги его тряслись, из ноздрей хлестала вода вместе с кровью. Едва почувствовав твердую землю, конь рухнул. Лег соскочил на камни. Даже не взглянув на умирающее в муках животное, развернулся и поспешил за танцующими капельками, будто и не было никакого противостояния стихии.

Как такое возможно?

Когда угроза миновала, ствол дерева существенно отошел. Иллюзия исчезла. Нервно моргнув, я только сейчас заметила, как была напряжена и как побелевшие пальцы впились в морщинистую кору. С усилием их отцепив, я натянула белье, схватила свои вещи и попятилась к тропе.

Ступив на нее, прибавила шаг, забыв про все на свете, поражаясь и радуясь — мне снова удалось избежать смерти. Удалось! И если бы не дрянь, светящаяся красным, что последовала за мной... Зато теперь я знаю, насколько важна моя кровь и как она опасна в чужих руках.

Лег промахнулся... дважды! Может, Яспер прав и ни какие они не всеильные?!

От слепящего ликования стало дурно. Мысленно влепив себе пощечину, я успокоилась.

Последнее, что мне хотелось — это проверить себя на прочность в третий раз.

Чем ярче светило солнце, тем бледнее становились витающие вокруг меня кровавые огоньки.

Стоило светилу войти в зенит, как они и вовсе пропали, не оставив и следа.

В скором времени напомнили о себе насущные проблемы, сведя на нет восторг такого прекрасного утра. Кожа в местах укусов нестерпимо болела и я изо всех сил сдерживала себя, чтобы не начать раздирать ее снова. Баклажка опустела на две трети, в то время как тропа все дальше уводила меня от реки, петляя между лугами.

Кое-что в растениях я понимала: для чая мы выращивали лимонник, листьями настурции заправляли салаты, а из корней некоторых растений готовили настои — но под густой пеной подмаренника я могла чувствовать только горьковатый запах полыни. Нырять в заросли репейной травы и выяснять, чем еще богат луг очень не хотелось.

— Ну и куда мне топтать? — протянула я. Ноги гудели от взятого с утра темпа и было бы непростительно ошибиться и пойти не туда.

— Не подскажите, как мне в Табел попасть? — стоя на развилке, крикнула я всадникам. Двое незнакомцев придержали коней, а после заржали как лошади. Видимо их позабавил мой вид, не вяжущийся с желанием посетить крупнейший портовый город.

— Сворачивай направо, на следующей развилке уйдешь влево. Обогнешь холмистые луга и за церковью опять уйдешь влево, — обозначил один из них. — Дотемна пройдешь несколько селений, а там, коли не передумаешь, — он скривил губы в подобии улыбки, — будет у кого спросить.

— Смотри, можем подбросить в монастырь «Оставленный цвет». Или сама доберешься, там сутки ходьбы, — вставил второй.

— Не смею Вас дольше задерживать.

Я сделала глоток. Не сдержавшись, почесала особо зудящий прыщ на шее и заткнула пробкой горлышко баклажки.

Хлестнув коней, всадники умчались, оставив меня на распутье дорог.

ГЛАВА 8

Еле перебирая ногами, я плелась по капустному полю, пока вдали не показались крыши невысоких построек, обнесенных дощатыми лентами заборов. Сумерки проливали на землю вечную черноту, размывали контуры, стирали краски дня. Капустные грядки, словно лакмусовые бумажки, пропитывались мрачными тонами. Стихал птичий щебет, а мошкара, наоборот, бодрилась и настойчиво мельтешила перед глазами, словно на мне висела табличка «кушать подано».

Мне хватило прошлой ночи, так что я была не намерена позволять питаться собой снова. Прокравшись вдоль низенького забора, я уже собралась перелезть через него, как из-за угла дома вынырнула тощая моська и громким лаем возвестила о моем прибытии. На время пришлось затаиться.

Миновав конюшню, я врзалась в облако зловредной мошкары и отступила. В воздухе повисла приятная тишина. «Не иначе как заклинание, призванное оградить территорию», — подумала я и, убедившись в отсутствии четвероногих охранников, задрала юбку и неуклюже перелезла через довольно высокий забор. Пробралась в конюшню и вытаращила глаза при виде представительницы салтедской верховой. Вот это да!

Эта порода была стойкой к большинству магических атак. Уж не помню от кого я слышала, что салтедская верховая стала результатом взращивания молодняка с использованием стихийной магии по строго проработанным схемам. Конечно, у столь бесценного качества был и свой недостаток: привычную шерсть заменили гибкие чешуйки, шейный гребень напоминал огрубевшую змеиную кожу, исключая рост гривы и челки. Еще одной отличительной особенностью были холодные, словно выжженные свинцовые глаза, которые смотрели на меня вопрошающе.

Кобыла повела ушами и потянула ко мне морду.

— Я без угощений, — оправдалась я и провела рукой по ее необычной шкуре.

Кобыла дружелюбно меня обнюхала и чихнула.

— Вся в пыли, а что делать? Я бы с удовольствием искупалась, но увы. Ты ведь не будешь против, если я с тобой переночую?

Хорошо здесь. Тихо. С запахом сена соперничал мускусный запах, исходящий от тугого клубка ярко-желтых магических нитей, висящих на балке. Там же лежала пара смолянистых листьев пижмы — она-то и разогнала всех насекомых, неотступно следующих за мной, обещая обитателям конюшни спокойный сон.

Я зевнула, все еще сомневаясь в правильности своего решения.

Надеюсь, с тобой я не влипну в очередную историю... — я вошла в стойло. — Подвинься.

Свернувшись калачиком на душистой соломе, я закрыла глаза и уснула. Мгновенно.

— Ты смотри какая... рыжая!

Кто это? Кому? Мне?!

Медленно въезжая в реальность, на границе сна и сумрачной яви, я силилась понять, где я и что, собственно, происходит?

Путаясь ногами в подоле платья, я судорожно поползла к стене, пока не уперлась спиной в деревянную доску. В распахнутой жилетке на меня смотрела громада мышц. Мужчина навис надо мной, пугая не столько своей массой, сколько шрамом, располозовавшим его лицо надвое, при этом сомнительные складки на его щеках жили своей жизнью, превращая улыбку в оскал.

— М-ама...

Подчиняясь первобытному инстинкту, я рванула в попытке... свалить. Как паршивая кошка я была тут же схвачена за косу хозяином дома.

— Бо-о-ольно, я же ничего не сделала?! — заорала я. — Пустите, — я резко дернулась, вызвав лишь громогласный смех своего мучителя и тупую боль в затылке. Сознание неохотно включалось в работу, начиная искать выход, но то и дело спотыкалось о тупость, дарованную мне по утрам.

— Дайте хоть вещи собрать? — закричала я и, дернувшись к своим пожиткам, ткнулась лицом в солому.

— Это был мой завтрак, — процедила я сквозь зубы, собирая разворошенную рыжей мордой сумку.

Повернувшись к мужчине, я гордо вздернула подбородок, готовясь воплотить гениальный план по спасению своей рыжей зад... головы, как вдруг услышала громкое:

— Меня Инаром звать. Идем.

Здоровяк направился к двери, оставляя ее нараспашку. Подхватив юбку, я выбежала из деревянного строения и направилась напрямиком к калитке.

— И надо ж было ему встать в такую рань! — ворчала я, пытаюсь открыть засов.

— В дом иди, — донеслось громогласно.

— Зачем?

— Завтракать будем, — усмехнулся Инар, стоя на пороге.

Ну и что делать? Я мысленно прикинула, как скоро голод возьмет надо мной верх и, игнорируя голос разума, решила прислушаться к желудку. С опаской зевнув и прикрыв рот ладошкой, я поплелась в дом. Уж если я дважды сумела обмануть самого Лега тьмы, то и здесь что-нибудь придумаю.

Я переступила порог и закрыла за собой дверь, погрузив комнату в предрассветный мрак, с которым не справлялась одинокая свеча на столе. Инар развел огонь. Поленья в камине затрещали, пахнуло дымком. Я обвела взглядом комнату: массивный стол, пара стульев, печь, даже ковер на полу. Красотища!

— Садись, — мне указали на стул.

Оторвавшись от созерцания замысловатого узора ковра, я тихо положила сумку на край стола и уселась.

Тарелка с кашей и стакан прохладного молока, вареные яйца, сыр и вчерашние лепешки вернули меня к жизни.

— А что я Вам буду должна? — спросила я, не отрываясь от еды.

— Ничего. Ешь сколько хочешь. Того, что мне нужно, у тебя нет, — отмахнулся Инар и подошел к моим вещам. Хозяин дома вытащил охотничий нож из моей сумки и провел большим пальцем по острию.

— Куда путь держишь? — проверяя баланс орудия, поинтересовался он.

С трудом пропихнув комок хлеба молоком, я поставила стакан на порядок громче, чем намеревалась.

— В Табел.

— М-м-м, а нож чей?

— Отца, — соврала я и стусевалась.

— Хорошая вещь, но не для твоего плеча.

— Спасибо, — я благодарно кивнула и отодвинула тарелку. Впервые с момента нашего знакомства на моих губах появилась довольная улыбка.

— А теперь рассказывай.

— Что рассказывать?

— Все. Кто ты? Зачем ты здесь? Почему спишь, где ночь застанет?

И я все рассказала, умолчав лишь о погоне за мной. Мне снова пришлось пережить недавние события и меня охватило такое отчаяние, что я разревелась. Инар по-отечески обнял и дал возможность выплеснуть со слезами всю накопившуюся боль и злость.

— А Табел еще с детства был моей мечтой, — закончила я, размазывая по щекам слезы. (Стены портового города с мощной магической защитой наверняка уберегут меня от Лега Тьмы. Ведь Келлах не отступится от намеченной цели, когда поймет, что его дважды обвели вокруг пальца...)

— Ты храбрая девочка и не стоит винить себя в случившемся, как не стоит забывать все то, что произошло. Все уже позади, — он ободряюще похлопал меня по плечу, отчего мое тело начало чесаться. И пока Инар, погруженный в свои мысли, наблюдал за пляшущими в камине язычками пламени, я украдкой чесалась, надеясь, что мои действия останутся незамеченными. Взяв кочергу и растолкав поленья, словно вынуждая их проснуться, зашипеть, разгореться, он бросил через плечо:

— Стало быть, Леги ступили на земли королевства, так? — отвлек меня Инар от раздражающе неприятных ощущений.

— Так, — подтвердила я, сведя брови к переносице. — Так, — повторила, убеждая хозяина дома в том, в чем и сомнений быть не может.

Повисшее молчание резонировало с таинственным потрескиванием поленьев в очаге. Слезы ушли и я задумалась, что возможно мне следовало быть менее откровенной, но стоило губам Инара искривиться в улыбке, как я робко улыбнулась в ответ.

— Давай-ка соберем тебя в дорогу, — дружелюбно предложил мне Инар.

Чисто вымытая, с полной сумкой разной снеди я подошла к конюшне, где меня уже ждали.

— Покойная жена всегда отдавала предпочтение рыженьким, — Инар похлопал кобылу, нетерпеливо переступающую с ноги на ногу, и, затянув подпругу, опустил крыло седла.

Услышав лай собак, рыжая с любопытством повела ушами и красиво выгнула шею.

— Мне жаль вашу жену.

— Что уж теперь, свое сокровище я сам не уберегу, — бывалый вояка ловко подкинул меня в седло и подогнал стремя по ноге.

— В городе живет мой брат Хонор Ригхест. Кобылу оставишь у него. Ей полезно будет развезься. Застоялась она у меня, разжирела. Постарайся сберечь строптивницу... и, Элин, у меня к тебе одно поручение будет.

Мужчина стряхнул с рук невидимую пыль, словно боясь опорочить своим касанием вручную декорированный текстиль. Промелькнула мысль, что Инар испытывает совсем не благоговейный трепет перед содержимым свертка, а скорее неизъяснимый страх. Его выдавала пульсация, что плескалась на самом дне карих глаз, излишняя внимательность и осторожность, которой я невольно заразилась.

— Ч-что это?

— Клинок. Скромный дар дочери Хонора к ее свадьбе.

Он развернул свертки и моему взору предстала тонкая работа настоящего мастера, очевидная даже человеку, несведущему в технике оружейного дела. А я пусть и не заканчивала академий, но к искусству была приобщена и знала, как важна проработка каждой детали. Клинок, целиком выполненный из стали, завожожил меня. В нем нашли отражения все четыре первоэлемента и магия тьмы, которая преобладала над стихиями и подавляла их, с гармоничной плотностью переплетая символы на сложной ручной гравировке. Восхищение мастерством вытеснило всякое беспокойство.

— Прикрепишь к бедру на пороге города. Никто из досмотрщиков не должен видеть, что ты везешь и тем более знать кому. Ткань не фонит, а стражи под юбки не лазят пока...

Я кивнула, что ж — услуга за услугу.

— Ко всему прочему, Хонор занимает не последнюю должность. Если он не найдет, куда тебя пристроить, то советом поможет, не пропадешь. Это тоже ему, — я приняла конверт с письмом. — И на дорожку... благословление, задумаешь неладное — из-под земли тебя достану, девочка. Я добрый до поры...

От всего сердца я поблагодарила Инара и заверила, что исполню его поручение в точности. Инар распахнул калитку и махнул мне рукой. Я вывела на дорогу гарцующую бестию с белым клеймом на ягодице.

Внешне обычное клеймо было штукой распространенной, как и легчайшее плетение, цепляемое на него магами воздуха. Неактивная и неприметная основа при создании требовала максимальной концентрации и немалого вложения энергии. Заложив частичку своего дара, тем самым замыкая плетение, хозяин без проблем мог отследить принадлежащего ему скакуна на объединенных лариусских землях. Выкрасть и вывезти живые головы за пределы королевства было невозможно. Хотя нашлись и те, кто пытал удачу. Их мозги клевали вороны, а черепа и по сей день служат пристанищем змей.

Рыжую даже не пришлось понукать. Стоило ослабить повод, и кобыла пустилась вскачь, резво унося меня по проселочной дороге. Аллор ее был порывистым, пришлось вцепиться в седельную луку покрепче, чтобы не свалиться.

От греха подальше я все же прочла письмецо, но ничего из ряда вон выходящего в нем не было. Действительно, просьба позаботиться о моей дальнейшей судьбе по мере возможностей, да пара строк о своей тихой деревенской жизни. Откуда же мне было знать о скрытом взору тексте. В присущей большинству мужчин сухой манере изложения, он призывал устроить посылной визит к менталисту с целью подтверждения или опровержения информации о надвигающейся угрозе верноподданных Мрака, ступивших на земли королевства.

ГЛАВА 9

Сны видят все, но не одинаково. Те, кто видит сны по ночам в душных уголках своего сознания, обнаруживают, проснувшись днем, пустоту и нереальность этих снов; но те, кого грезы одолевают и при свете дня, — люди опасные, ибо способны смотреть свои сны с открытыми глазами и пытаться воплотить их в жизнь.
Лоуренс Аравийский

Шли четвертые сутки моего путешествия, которое оставило в памяти грязный след с характерным запахом немывтого тела. Спала я мало и только днем, в тени раскидистых деревьев, утолив жажду и притупив голод. Стоило светилу исчезнуть за линией горизонта, а земле укрыться черной пеленой ночи, как я напряженно вглядывалась в темноту и подгоняла рыжую, коротким фырканьем выказывающую свое недовольство. Сил придавал страх, распускаясь в сознании незримыми лепестками угольной лилии, расцветенными тысячей несчастий, которые случатся, стоит мне помедлить.

Основательно измотанные и смертельно уставшие мы стояли на холме и смотрели на неприступную аспидно-серую стену, которая опоясывала крупный портовый город. Камень, песок, известь и магия. Много магии, если отринуть то, что доступно глазам ради иного зрения. Город Табел предстал причудливой системой многообразных запутанных плетений, поражающих воображение сложностью и хитростью заклинаний. В такие моменты я чувствовала себя ничтожеством, навозной мухой на носу у добротного скакуна, завидуя не доступной мне силе. Хотя, создать тончайшую сеть и накрыть ею несколько домов, а то и квартал целиком я смогла бы, но что толку? Иллюзия не уберезет от прохиндеев, воров и прочих пронырливых представителей нерабочего класса, падких на богатую поживу; не поглотит даже части магического всплеска и не предотвратит возгорание. Бестолковая картинка, способная отпугнуть лишь труса и вызвать подозрения у людей, охочих до правды. — Вперед, красавица, последний рывок, — кобыла недовольно дернула повод, но послушалась. В плотном потоке желающих попытать удачу в крупном городе: торговцев с набитыми до верха обозами, шаромыжников, норовящих умыкнуть легкодоступные ценности у обливающейся

потом изможденной толпы и прочих — я провела несколько часов, изрядно прожарившись под лучами палящего солнца.

Заплатив пошлину за въезд из тех денег, что дал мне Инар, мы спокойно минули стражу Западных ворот и ступили на мощенные каменным бутом улочки, которые словно стрелы рассекали мирный город.

Дело оставалось за малым — найти неизвестного мне Хонора Ригхеста и надеяться на милость духов. Мысли о еде и скором отдыхе приятно взбудрили и я пощелкала языком, вынуждая рыжую поспешить.

Прохожие любезно указывали, в какой стороне мне искать нужный адрес.

К вечеру жара ощутимо начала спадать. Ранее неприглядные дома обливались золотым светом. Медленно налетали на землю густые графитовые тени. Сверившись с корявой надписью на грязно-белом конверте, я протянула его стражу. Принадлежность парня к воинскому званию подчеркивали пояс с накладками, покрытыми серебром, и кинжал с крестовидной рукоятью, украшенной гравировкой. Не сложно догадаться по синей тунике, что путь мне загородил маг воды, у которого мой жуткий запах не вызвал никаких эмоций.

— Мне туда! — я указала на здание — очередной шедевр архитектуры в этом районе — и премило улыбнулась, игнорируя стекающий со лба пот.

Страж-мерзавец придержал рыжую за нашечный ремень и начертил незамысловатый знак в воздухе, сопроводив его слабым импульсом своей силы. Спустя мгновение из здания вышел служащий, взял мой конверт и вернулся в здание, которое всецело завладело моим вниманием.

— Может, э-э-э... я пойду, а вы сами ему кобылку-то передадите? — шипло прошептала я в с надежде избежать «душевной» встречи. (Как-то не планировала я закончить свою жизнь молодой и некрасивой).

«А подарок на свадьбу передам в другой раз... может быть», — подумала я.

— Стоять! — гавкнули мне. — Командор Хонор Ригхест — хронически занятой человек, в его положении не обременяют себя игрой в прятки. Побереги силы.

— Ко... кто? — я испуганно замахала руками, но было уже поздно. Одно дело обмануть деревенских простаков, совсем иное — ошиваться перед носами магов с прирожденной чуйкой и наивно верить в светлое будущее.

— Птенчик, — уголки губ водника приподнялись, находя мою реакцию забавной и вполне ожидаемой, — слезай. В первый раз всегда страшно.

— Очень смешно! — пробубнила я и сползла с кобылы.

Тут же мужская рука легла мне на плечо, заставляя встать по стойке смирно. В ожидании худшего, я нервно теребила плетеную, ни в чем не повинную сумку с аппетитным содержимым. Широкой уверенной поступью к нам подошел мужчина лет сорока пяти, привычно держа руку на рукояти меча с двойной оплеткой, каждый конец которой был украшен кисточкой из шелкового шнура. Признаться, командор создавал впечатление мага, способного с легкостью вмешаться в любой конфликт и без труда разрешить его свою пользу. Преданный королю, верный кодексу чести, Хонор Ригхест слыл человеком слова, и если у него и были недостатки, то об этом предпочитали молчать.

— Увести, — сухо бросил командор, глядя на кобылу.

Страж повел кобылу в стойло. Я проводила ее прощальным взглядом. Спасибо тебе рыжая морда, может когда и свидимся, кто знает.

Командор одарил меня вопрошающим взглядом. Сверток, спрятанный под яблоками, перекочевал в руки Хонора Ригхеста.

Идея с яблоками, на которую я потратила часть оставшихся медяков, уже не казалась такой гениальной. Но в самом-то деле, не задирая подол перед носом получателя и светить тем, что нелегально провозилось, да не просто кому-то там, а самому командору!

— Можно я пойду? — жалобно пискнула я. Милостивые духи, мне бы унести отсюда ноги, пока я сама себя не выдала излишней нервозностью. Да, сирота, но хорошая и способная, не пропаду, а командор со своей помощью пусть катится в пропасть.

Я мило улыбнулась.

— Не спеши, — осадил меня Хонор Ригхест сильным голосом.

К счастью для меня, к нам поспешил низкорослый паренек и, отдав командору честь, принялся сыпать непонятными мне словами:

— Командор, Вашего внимания настойчиво требует Магистр Союза Стражей Муарового Клинка Синцере по вопросу отравления и похорон Магиства Ордена Белого Песка. Срочность вопроса в виду новых сведений, поступивших несколькими минутами ранее...

Воспользовавшись моментом, я спряталась за широкой спиной командора, наспех изменила свою внешность и как ни в чем не бывало двинулась прочь. И когда Хонор Ригхест, избавившись от мальчишки, обернулся — площадь, заполненная торцами двух-трехэтажных зданий, пышной растительностью и угнетенными жарой прохожими, словно стерла все следы моего присутствия. Командор тщательно просмотрел пространство иным зрением, отыскивая среди прохожих слабый дар воздуха. Безрезультатно. Неприятно озадаченный своим упущением командор повел головой и недобро прищурился.

Когда буря прошла стороной, я прислонилась затылком к стене здания, выложенного из грубого кирпича. Не испытывая и капли радости я направила беспомощно-растерянный взгляд в небо. Что теперь делать? Куда податься? С осознанием того, что вся моя жизнь идет под откос, совладать было крайне сложно. О, как непростительно глупа я была в своей надежде, что завтрашний день все изменит: притушит душевную боль, сотрет тяжкий след воспоминаний. Избавит от тягостного чувства трусливого зверька, которого преследует смертельно опасное чудовище, продавшее свою душу ныне царствующему в запретных землях Мраку.

— Да чтоб тебя свет поглотил, мерзость поганая! — прошипела я, порядком озадачив двух прелестных девушек, проходивших мимо.

— Чтоб твою мрачную задницу поджарили все защитные заклинания разом! — я улыбнулась, радуясь одному, я в городе, а значит одной неприятностью меньше и Темный Лег может идти лесом!

Злость придала сил. Я отлепилась от стены и побрела в неизвестном направлении. Убедившись в отсутствии свидетелей, развеяла иллюзию, за которой ранее скрыла свою внешность и возраст. Миловидной женщины с иссиня черными волосами как не бывало. Попутно вернула себе слабый дар воздуха.

Дышать стало капельку легче...

ГЛАВА 10

Из-за отсутствия опыта и рекомендательных писем работодатели, имеющие хоть какое-то отношение к искусству, с завидным постоянством отклоняли мою скромную кандидатуру. Мне пришлось искать работу в другой сфере.

— Опыт есть?

— Конечно, — соврала я и мило улыбнулась. В зеркале напротив меня отражалась девушка, купающаяся в теплом свете закатного солнца. Элегантное платье подчеркивало достоинства фигуры, темное веерообразное кружево лифа выгодно оттеняло молочного цвета кожу, модная шляпка дополняла образ легкой ноткой кокетства. Нить можжевеловых бусин украшала тонкое запястье. Лживая примерно на две трети. Расправив невидимые складки длинной юбки, отороченной кружевом, я склонила голову набок в ожидании следующего вопроса.

— Что можете рассказать о себе? — коренастый мужчина с высокими залысинами лениво подпер ладонью подбородок.

Мысленно пожелав себе удачи, я начала свой рассказ, стараясь преподнести себя в выгодном свете.

— Я деревенская. Живу творчеством. Считаю, что искусство затрагивает в человеке высшее, влияет на духовно — нравственное...

Он меня оборвал на полуслове.

— Нравственное, духовное — это, конечно, хорошо... — скривившись, протянул толстопузый работодатель. Пальцы неспешно соскользнули с подбородка и пространственно взмахнули, складываясь в кулак, который подпер щеку, очертив на ней жирную полукруглую складку. — Только слишком постно звучат твои правильные слова.

— Считаю, что искусство раскрывает в человеке прекрасное... — уже веселее продолжила я, не желая ставить крест на очередной аванюре.

— Уже лучше, но не то, — покрутил ладонью этот... пузатый — хорошо, но не то.

— Я считаю, что искусство наполнено страстью, живет... чувствами. Открывая себя чувствам, мы даем жизнь вдохновению, которое толкает нас на поиск путей его выражения. Искусство — это своего рода игра! Непредсказуемая игра чувств, ощущений, образов, красок. Оно не терпит лжи. Никакой фальши, абсолютная свобода фантазии, — с чувством сказала я, демонстрируя свое истинное отношение к искусству.

Работодатель прочистил горло и оттянул ворот сорочки.

Себя как личность, приобщенную к творчеству, я, можно сказать, продала. Все, собеседование прошло, берите на работу!

— Продолжайте, — неожиданно для меня предложил толстопузый.

И тут я не сдержалась.

— Что продолжать? Это зеркальный магазин с вывеской: «Вы неотразимы!»! Какое Вам дело до искусства? Вам продавец нужен или кто?

Очередное зычное «кхр» и в очередной раз мне указали на дверь.

Обозвав несостоявшегося работодателя самодовольным... болваном, я гордо вздернула носик и резко «ба-бахнула» дверью его кабинета.

— Больше огня, страсти, милашки! — подмигивая, пожелала я девушкам, которые терпеливо дожидались своей очереди.

И вновь унылая доска объявлений из вулканического стекла. Печаль беспросветная, хоть в конюхи иди грести дымящийся навоз. Иллюзию меня хорошенькой я сбросила и порадовалась, что на гладкой поверхности, горящие частые надписи мешают разглядеть: спутанные волосы, обгоревшую пропитанную солью кожу, замусоленное платье и мрачную решимость не отступать в серых глазах.

Объявления на черной доске вспыхивали и гасли, теряя актуальность. Вот требуется маг огня, чтобы избавить несколько полей от сухой травы без ущерба смежным кормовым полям, ждущим уборки урожая, в предместье не пойми где в Хамышках. Объявление написано красными каллиграфическими буквами, задание явно не из легких. А вот для магов земли... причем справится и ученик, судя по поставленным задачам: создать пологий скат на склоне холма в переулке «Старый жидок» или вырыть яму на улице Недомолвок, 100. Для магов воды: достать со дна озера, колодца, океана амулет, ключ, нож, клинок, опять нож, цепь, следить за огородом, ухаживать за садом... Вот уж кто в работе не нуждается! Скользнула уставшим взглядом правее. Так, так, так, работа на постоянной основе без магического воздействия.

Сереньким на черненьком. Читаем.

— Хорошенькая, — послышалось мне.

Я оставила комментарий без внимания потому как была уверена, что он точно не в мой адрес и продолжила читать. Та-а-ак, зеркальный магазин — проехали, помощница экспериментатора — проехали...

— В наши дни сложно найти высокооплачиваемую работу.

— Что вам нужно? — озлобленно бросила я.

— Могу себе представить какие причины заставили Вас в восьмой раз за день возвращаться к доске объявлений.

Мое лицо вытянулось от удивления. Какой внимательный! Я действительно была здесь в восьмой раз.

— Позвольте мне вам помочь?

Незнакомец, производящий впечатление успешного человека, располагаяще улыбнулся.

Не желая упустить такую возможность, я кивнула, смущенная тем, что видит он меня без прикрас. А видок у меня, конечно, плачевный.

— Вот и славно. Вы приняты, — жестом он указал направление.

— Приняты, — повторила я удивленно и, подхватив подол, последовала за вальяжно шагающим господином, окрыленная тем, что сегодня ночью не придется спать в приюте для бродяг.

— Я Нарратор и я хозяин лучшей таверны в городе, — он приостановился возле здания с вывеской: «Каждая пятая пинта в подарок», — и владелец маленького рая, который ценят за особую атмосферу.

— Меня Элин звать и я сирота. Я на любую работу согласна, — и тут же поспешила уточнить:

— Мне же не придется убирать навоз за вашими пегасами?

— Ни в коем случае, — рассмеялся господин Нарратор. — Уверен, работа придется тебе по душе.

Легкий ветер унес духоту, зажглись магические «змеи» фонарей, оплетая город мягким сиянием. Я разочарованно смотрела на двухэтажное здание с темным фасадом и тяжелой черной крышей. «Маленький рай» выглядел мрачновато и внешне никак не напоминал райское местечко. Единственным отблеском света здесь были цветки, ампелом свисающие с подоконных балюстрад. Распахнув свои белоснежные крылышки, крохотные ангелы встречали меня грустными взглядами.

Господин Нарратор повел меня к черному входу.

Ворсистый ковер на втором этаже заглушил наши шаги. Я насчитала с десятков закрытых дверей с кольцами из черненого металла вместо привычных дверных ручек.

Я замерла на пороге одной из комнат, рассматривая ее убранство. В зеркале во всю стену отражались запахнутые красные шторы и магический цветок света, выращенный под потолком. Его волшебные блики скользили по черно — сливовой ткани балдахина, искрами заката падали на золотой обод, что лежал на прикроватном столике. Там же стояла и курильница для благовоний. То, что «маленький рай» приносит немалый доход, стало понятно и по прохладе, царившей в комнате — над заклинанием хорошо поработали, чтобы создать максимальный комфорт.

— Я буду здесь убирать?

Господин Нарратор распахнул створки стрельчатого окна и в комнату ворвался душистый аромат цветков алиссума.

— Ты будешь здесь жить...

Мой изумленный возглас оборвала вошедшая к нам скромно одетая девушка.

— Несса займется тобой.

На незнакомом языке он дал ей какое-то распоряжение и удалился. Несса тут же повела меня в купальню, от которой я пришла в полный восторг. Кружащийся легкими клубами пар, вазы, наполненные экзотическими фруктами, и напитки, плеск воды и слетающий с девичьих губ чистый беззаботный смех. Несса сорвала с меня тряпки, и я с наслаждением ступила в неглубокий бассейн. Нагие девицы с золотыми пластинами на шеях любопытно переглянулись и призывно протянули мне руки. После короткого знакомства мне предложили бокал пылающего золотом напитка. Пригубив вино, я мурлыкнула, почувствовав приятное тепло, согревающее меня изнутри. Красавицы засмеялись, озарив купальню звоном бокалов. И откуда в них столько счастья? — думала я, вновь поднося бокал к губам.

Перекусив во время процедур с кремами, отбелившими мою кожу и придавшими ей эффект сияния, я вернулась в мягкое покрывало и в сопровождении Нессы поднялась к себе в комнату.

— Что это вообще такое? Что за нелепое платье? — возмутилась я, потрясая врученным мне нарядом. — Я не стану одевать... это!

Надо отдать ей должное, чертовка не растерялась. Сдернула с меня покрывало и скрылась раньше, чем я пришла в себя.

— Нахалка! — крикнула я закрытой двери.

Не медля и мгновения, я принялась одеваться. И хотя наряд выглядел очень эффектно, он меня настораживал: утягивающий черный корсет, расшитый золотыми нитями, черная юбка в пол с разрезами по самым бедрам и полупрозрачные свободные рукава, спадающие с плеч.

— Доброй ночи, милая, — ворвалась ко мне в комнату женщина с пузатой сумкой и смешным табуретом в руках. Она по-хозяйски прошла к зеркалу и принялась готовить инструмент к работе.

— На стульчик, быстро, — скомандовала она.

— Зачем мне прическа на ночь?

Она шагнула ко мне, махая гребнем, словно веером.

— До чего же они прекрасны, твои волосы! — откинув гребень на кровать, дамочка пропустила пальцы сквозь рыжие пряди и принялась массировать мне голову, придавая объема волосам. Я и не заметила, как оказалась на табурете. Не теряя более ни минуты, умелица сосредоточенно принялась за работу, а я закрыла глаза.

— Совсем другое дело! — кивнула она моему отражению.

Собранные в высокую прическу волосы открывали изящную шею, несколько вьющихся локонов игриво спадали на грудь. Колдовское сияние кожи завораживало, а в серых глазах словно холодело пламя. Я и предположить не могла, что способна выглядеть столь... чарующе! — Ты восхитительна, милая! — заключила умелица, склонилась к моему уху и заговорщически прошептала: — Ты словно осенняя колдунья, ступившая к людям из сонма лесных теней... Поговаривают, ей по силам вселиться в тело простого смертного. Хранительница сновидений, охочая до тайн и... чужая ты здесь, чужая. Птицей в клетке будешь томиться. Я моргнула и непонимающе уставилась на женщину, суетливо собирающую свои вещи. — И надень колье, это завершит твой образ, — захлопнув пузатую сумку, дамочка схватила табурет и поспешно удалилась.

Понадобилось какое-то время, чтобы свыкнуться с мыслью, что это действительно я. Подарив отражению загадочную улыбку, я прошла к кровати и прыгнула на покрывало с ворохом бархатных красных подушек. Открылась дверь, и в комнату ввалился полупьяный незнакомец. Он важно распрямил спину и окинул меня оценивающим взглядом. Мужчина с беспокойно бегающими глазками и дряблой кожей, просунул пальцы за кожаный пояс и расплылся улыбкой.

— То, что я хотел! — деловито резюмировал он, прикладывая явные усилия, чтобы стоять прямо.

Сердце мое пропустило удар, а после забилося с бешеной скоростью. За ворохом подушек я попыталась скрыть обнаженное бедро.

— Что вам от меня нужно? — возмущенно потребовала я ответа. Что происходит?

— О-о! Цветик, это дом радости «Лу-унный свет»! — крикнул выпивоха и шагнул в мою сторону, продолжая демонстрировать свою кривую улыбку.

— Ану, стоять! — рявкнула я.

Мысль, что я, как наивная рыбешка попала на блестящий крючок, оглушила и захватила настолько, что усилием пришлось втягивать воздух, концентрируя внимание «клиента» на соблазнительной, чтоб ее, груди. Пристально следя за каждым его неуклюжим движением, я снова попыталась остановить мужчину.

— Стойте! Это какая-то ошибка. Я никак не планировала предаваться э-э-э... близости и-и... тому подобному! — рвано выпалила я.

— Цветик, должен заявить, что я купил тебя... ровно на час... — возвестил он многозначительно.

Объясняться было бессмысленно и я решила сменить тактику:

— Подождите, я не готова. Может, вы зайдете позже, а лучше... загляните в другую комнату. Уверена, вам там будут рады.

Брови клиента сошлись на переносице, казалось, он всерьез раздумывает над моим предложением.

— Ты же не станешь растратачивать свои таланты на пустую болтовню, не так ли? Ты прекрасна, я полон сил и желания!

— Мне нужно поговорить с хозяином! — бросила я.

— После! — вспылит клиент, раскидывая в стороны руки в явном намерении меня удержать. — Я без малого два золотых отвалил! Отработай, а потом говори с кем хочешь!

— Да не занимаюсь я этим! — закричала я.

— Так никогда не поздно начать! — обрадовался он. — А там глядишь и понравится!

Понимая, что уговоры на него не действуют, я перешла к действию. Создала иллюзию девушки, сидящей на кровати. Сама вжалась в стену и спрятала себя настоящую иллюзией обойного сукна. Стараясь не издать лишнего шума, подражая хамелеону, я соскользнула с матраса, и крадучись пошла по стеночке к двери.

Иллюзорная красотка всем своим видом изображала полную готовность отдать свой долг.

— Ну, вот, совсем другое дело! И стоило тратить столько времени на болтовню?!

Сноровкой заправского ловкача он развязал широкий пояс и штаны сами свалились на пол. То, что предстало перед моим взором, сыграло со мной злую шутку. Нет, иллюзию девушки я удержала, а вот свою... не смогла...

— Пугало волосатое! — выругалась я, опустив свой взгляд ниже его рубахи.
— Ба! Бл'... Близняшки! — воскликнул толстяк, не веря своим глазам. Состояние запутанности клиента в считанные мгновения сменилось радостью овладеть двумя барышнями за те же деньги.
Пришлось взять себя в руки и вновь скрыться за иллюзией, оставив наглеца с его воспламенной страстью в полном смятении.
— Ни... не... да куда же ты делась? — клиент взбирался коленями на кровать, потрясая головой и неохотно списывая дивное видение на плод своего воображения.
Запрещая себе радоваться маленькой победе, я — настоящая — сливающаяся — со — стеной схватила серебряную курильницу, утешаясь ее тяжестью и приятному ощущению металлического холода, заставила себя подойти со спины к обнаженному мужику, замахнулась и двинула ему по голове в надежде, что отключу его раньше, чем он коснется иллюзии.
Выпивоха недоуменно обернулся, и... расплылся в искренней мальчишеской улыбке.
— А я тебя потерял! — пропел он в подчеркнутом расстройстве.
Фыркнув, я вновь позволила его голове почувствовать всю тяжесть металла, на этот раз удачно. Стараясь не обращать внимания на пребывающее в блаженном неведении тело, лежащее на кровати, я подошла к зеркалу и уставилась на свое мертвецки-белое лицо. В отражении на тумбочке сиротливо покоился золотой обод. Интересно, для чего меня просили его надеть? Предаваться раздумьям времени не было. Сделав глубокий вдох, я развеяла иллюзию сидящей на кровати красотки.
Над новым образом пришлось поработать, однако результат имел место.
Теперь я — мужчина!

ГЛАВА 11

Пнув ногой дверь, я прошла по коридору и спустилась по лестнице, никого не встретив на своем пути. Черный вход был закрыт, поэтому пришлось топтать через центральный. Приятная мелодия коснулась слуха, передо мной предстала компания возбужденных молодых людей, увлеченно играющих в карты, обменивающихся флиртующими шуточками в обществе звонко щебечущих и любезно позволяющих мять свои выпуклые прелести девушек.
Я остолбенела, вернее, остолбенел в проеме. Опомнившись, что это вроде как мое заведение и здесь я единственный, кому менее всего что-либо угрожает — отмер.
Пахло табаком и похотью вперемешку с ароматами женских духов. Поборов приступ кашля, расправив плечи, я с непоколебимым видом направился к выходу и уже был готов протиснуться в проем, как в срочном порядке пришлось менять план действий. Появление неожиданных посетителей, оккупирующих двойные двери своими массивными телами, заставило меня развернуться и податься назад, взметнув легчайшие занавески, придающие интерьеру воздушности.
— Нарратор! — воскликнул один из них, наступая и протягивая руку для пожатия.
Я замер и скосил глаза...
За моей спиной игроки звучно выругались и побросали карты. Одна из пар, вульгарно целуясь, зависла в проеме, преграждая путь к отступлению. Мужские руки, не зная стыда, проникли под скудную одежду, сорвав сладостный стон красавицы. Девушка призывно изогнулась, распалая кровь своего господина, балансирующего на грани мучений и блаженства.
Встав колом промеж двух кресел, я мысленно начала считать, в попытке удержать иллюзию. Понимая, что от избытка острых эмоций, буквально соскальзывает мой контроль, я махнул парням, мол «здрассте, спешу» и... напрямик направился к двери центральной комнаты в надежде, что будет не заперто.
— Чего это с ним?! — спросил один из приятелей Нарратора.
— Хах, выскочил как ошпаренный...
— А разве Нарратор не выходил минут десять назад? — нахмурился картежник.
— Да ты пьян! — бросил мужчина в проходе и впился в губы своей чарующе-привлекательной сирене.

— Так, не отвлекаемся, господа! — отвлек всех от дальнейших комментариев, видимо, самый трезвый игрок.

Я облегченно выдохнула, прислонившись лбом к закрытой двери (по существу вышло грудью, потому как господин Норматор был на голову выше меня).

— Препятствовать страстям бессмысленно, как бессмысленно препятствовать шторму! — напугал меня чей-то странный возглас за спиной.

Лицо мое вытянулось при виде говорящего попугая. Это был вылитый хозяин борделя!

Балансируя хвостом, он слегка оттопыривал белые крылья, из стороны в сторону вышагивая по тисовой жердочке.

Взгляд уперся в деревянную скульптуру размером в полстены. Сплетенные между собой и растворяющиеся друг в друге тела ничего не оставляли воображению. Вот вам и искусство, преисполненное любовными страстями...

Убедившись, что все еще выгляжу как господин Норматор, я рухнула в кресло. Взгляд зацепился за перо, мирно лежащее на кипе бумаг.

— Страсть — это ветер, раздувающий паруса, — выдал попугай, видимо, призванный обогащать сокровищницы людских мыслей.

И тут меня осенило. Уйти, не отомстив — это не про меня.

— Слушай внимательно, умник! — я схватила перо и ткнула им в крючковатый клюв, четко выговаривая каждое слово. Птица оказалась на редкость смышленной и запомнила все на раз-два.

«Забудь о здоровье, глупый баран,
Снимая штаны — плати лекарям!»

Такой незатейливый лозунг своим корявым голосом выкрикивал на весь этаж дежурный попугай, когда я покидала здание проклятого борделя.

От смышленного попугая я забрала перо — сувенир на память.

«Страсти порой проявляют удивительную изобретательность», — сказал пернатый друг до того, как выучил новое двустишие, и я была полностью с ним согласна.

Тесные улочки окраины сменяли друг друга. Редкие фигуры, выныривающие из темноты, пугали настолько, что я бросалась наутек. Обессилив, шла дальше, напряженно оборачиваясь и вслушиваясь в чужие звуки.

Ноги сами вывели к морю, оставив город с его нагромождением кварталов далеко за спиной.

Вдыхая насыщенный солями прибрежный воздух, я всматривалась в линию горизонта, которую смогла определить только по ласковому мерцанию луны, что ровной дорожкой ложилась на воду. Несмотря на усталость, спать мне совсем не хотелось. Возбужденный разум исключал всякую возможность отключиться.

До недавнего времени я не имела ни малейшего представления о плотской страсти. Вся безнравственность мира усилиями Катарины оставалась чем-то далеким, несуществующим.

«Дом радости» стал испытанием, которое одновременно просветило, ошеломило и убило во мне трогательную наивность, оставив неизгладимое впечатление и всплывающие перед глазами бесстыдные картинки.

Ночь я провела на берегу моря под гигантским валуном, проветривая голову и размышляя, что делать дальше. Хорошо бы разыскать Яспера, может он поможет мне устроиться или посоветует что-нибудь. Правда, прежде чем идти к другу детства, следует придумать себе легенду. Яспер захочет знать, как я выжила. Одна из всей деревни! — вот так действительно чудо!

Но мне не хотелось обманывать Яспера. Кого угодно, но только не его...

Несмелые лучи утреннего солнца погрузили в призрачный мир, завораживая переливами могучей глади, живущей своей жизнью. Встречая рассвет, я слушала монотонный ропот волн, лениво набегающих на песок. Вместе с сумерками затухал и костер моих мыслей.

В мирное соло утреннего прибоя мягко влился негромкий голос:

— Город душит каменными стенами и ложными правилами, а от людского равнодушия порой становится невыносимо противно. И только стоя на берегу и наблюдая, как даль наполняет день лазоревым сиянием, обретаешь чистоту мыслей и силу.

Я склонила голову и усмехнулась, рассматривая свои чудесные башмачки, обхватывающие щиколотки черными лентами, а после заливисто расхохоталась. Когда весело, какая разница, что послужило причиной смеху?

— Тебе смешно?

— Очевидно, вы бедны, раз пытаетесь добиться моего внимания таким дешевым способом. Оценить мужчину было сложно настолько, насколько сложно судить о достатке босого человека в одних штанах. От силы лет тридцати, роста выше среднего, с хорошо прорисованными мышцами, не очень длинными пепельными волосами, большая часть которых забрана в хвост. Мужественное лицо, приятный баритон, который в повседневной жизни он наверняка избегает, и заслуженный упрек в бездонных глазах цвета дымчатого аметиста. А маг огня он отменный, реалистично скрывает свой огненный универсум, хорошо контролирует излучение особого рода энергии и в значительной мере его приуменьшает. Вопрос, для чего?

О поспешно сказанных словах после «увиденного» я пожалела. Маг с подобной силой в состоянии купить на ночь не одну девчонку.

— Если вы желаете приятно скоротать время, то не тратьте его на меня. Я не ваш случай, — устало проронила я, игнорируя голос разума, подталкивающий отыгаться хоть на ком-нибудь за все напасти, свалившиеся на мои плечи. Своими чувствами я владела в полной мере, чтобы не усугублять и без того сложное положение.

— Думаешь, я не в состоянии оплатить твои услуги? — сказано было резким и насмешливым тоном, развеивая фальшивый доверительный фон. Мужчина скрестил на груди руки и посмотрел мне в глаза. — А как насчет суточного заработка? — он вопросительно вскинул брови в ожидании ответа.

От отвращения меня передернуло. Сознание предательски нарисовало кресло и полуголую девицу, в мужских объятиях извергающую стоны удовольствия, щеки вспыхнули пунцовым румянцем и я с раздражением бросила:

— Оставьте меня в покое!

— Как-то не вяжется линия твоего поведения с выбранной профессией.

— Уйдите!

— Судя по твоему наряду, ты из элитного дома радости, — продолжил он, и не думая оставлять меня одну. — Таких в городе три и они все применяют для своих сотрудниц дурманящие разум украшения. Однако, у нас нет доказательств. Ночные феи, среди которых девицы из высшего света, не желают с нами сотрудничать.

Что-то внутри всколыхнулось от невероятной удачи. Я ведь даже не коснулась колдовского сплава пластины. А скольких красавиц пленил их золотой блеск? От количества девушек, не по своей воле ставших на путь порока, меня перекосило.

— Кстати, я не вижу на тебе никаких украшений, что довольно странно.

— А я не вижу на тебе никаких знаков отличия.

— Тебе придется пройти со мной в следственную канцелярию, — как будто не слышал моих слов, заявил незнакомец.

— Это еще зачем?

— Для дачи показания, — словно ребенку, пояснил он.

— А ты прям так... в одних панталонах и пойдешь? — отшутилась я и подскочила, желая поскорее уйти и оставить огневика принимать соленые ванны или, чем он желал занять рассветное время, пока не увидел во мне объект для беседы «по душам».

Его пальцы сомкнулись на моем запястье, не дав мне и шагу ступить.

— Знаешь, мне пора! — мило улыбаясь, я попыталась освободить свою руку.

И зло уставилась на мага, судорожно соображая, что мне делать. Идти в канцелярию для меня было смерти подобно. Чего доброго, копнет глубже этого дела и одна история потянет за собой другую: сожженная деревня — Легов Тьмы, оплот мрака — закономерный интерес к моему чудесному спасению. Я буду вынуждена уносить ноги, но на этот раз из самого следственного ведомства!

— Как ты думаешь, после ночи водоворота острых ощущений я желаю куда-либо идти с незнакомцем?

— Серьезно, я что, похож на человека, который всю жизнь мечтал подцепить проститутку на пляже? Мне необходима информация!

«Ты себя со стороны видел? Да откуда мне знать, что у тебя на уме!?» — мысленно завопила я.

— Уж прости, что не бегу спасать всех нуждающихся, — ответила, выворачивая руку из захвата. — Пусти!

Не знаю, на что я рассчитывала! Может, на сочувствие и поспешно возвращенную свободу, может, на скупое извинение сквозь зубы, но только не на чувственную ласку пальцев на нежной коже запястья. Оцепенев, я впитывала ощущения, настороженно и неохотно отдавая власть неизведанного. Сознание напомнило о себе со значительным промедлением, хотя мне грех на него жаловаться.

Глаза огневика недобро прищурились, а тишину прорезало злое:

— Морок?

Некоторое время мне казалось, что мужчина, океан и я существуем в каких-то трех разных мирах, недоступных друг другу в понимании. Но эффект спал. Я рванула на себя запястье и тут же вскрикнула от боли.

— Да что тебе от меня нужно?

— Твой браслет, — он, не отрываясь, смотрел на мое запястье...

Милостивые духи!

— Морок?! Откуда он у тебя?

С этого момента игра закончилась, передо мной стоял опытный охотник с жестким пронизательным взглядом — матерый хищник, взявший след.

Я зажмурилась, свыкаясь с мыслью, что «перерыв» между неприятностями в несколько часов закончен.

— Слушай внимательно, красавица. Варианта у тебя два. Либо ты расходуешь время на истерики и пустые отговорки, и с тобой разбирается менталист. В этом случае ты сядешь на три года по статье 86 «О ложной жизни» Высшего кодекса Лариусского королевства за незаконное приобретение вещества, действующего на рассудок, его хранение и использование или отправишься в латеритный рудник на год. Вариант второй — ты становишься нашим информатором и способствуешь расследованию.

Лукавить не стану, отточенные как лезвие навыки наблюдения пепельного охотника меня восхитили. Его слова звучали грубо и убедительно. Вот только вместо того, чтобы проникнуться и испугаться, я не на шутку заинтересовалась неизвестным мне компонентом, что спровоцировал молниеносную негативную реакцию.

— Эй, это мое! — возмутилась я, когда «подарок» из дома терпимости переключался к магу.

— Идем.

Он переместил захват на плечо и повел меня в неизвестном направлении, игнорируя все мои попытки стряхнуть с неприкрытого плеча его ладонь. Сопротивляться и в мыслях не было. Я знала, что это бесполезно — он сильнее меня, быстрее и он маг, отлично владеющий стихией огня!

— Твое имя?

— Идит-та, — соврала я, и, сдержав смехок, сосредоточилась на подъеме. Он, что серьезно думает, что я по доброте душевной все выложу?

— Ждет тебя незабываемая встреча с менталистом, — не оценил мой юмор огневик.

Восхождение даже не сбilo его дыхание, в то время как я глотала ртом воздух и прилагала немалые усилия, чтобы не взмолился о передышке и не получить едкий комментарий в адрес моей скудельной тушки.

— Я не выбирала, х-ух, свое имя, — хныкнула я, готовая изобразить скупую слезу.

— У кого морок приобрела и зачем?

— Милостивые духи, вот достал! Я же не спрашиваю, почему ты скрываешь силу огня?!

Огневик резко дернул мое запястье на себя, заставляя вписаться в его обнаженную грудь. Благо успела выставить перед собой руки. Сдавлено охнула и тут же постаралась убрать ладони, но из-за страха ничем не сдерживаемой близости мужского тела вернула все в исходное положение. Столь противоречивый с моей стороны жест озадачил представителя закона. Я же была смущена и взволнована легким эротическим подтекстом сцены. Казалось, мои ладони

вмиг похолодели, отчего стальная кожа под ними ощущалась раскаленной, живой...
безупречной.

К моему удивлению, отпускать меня не спешили. Выгнув спину, я чуть отвела голову, стараясь не дышать в обнаженное по пояс тело, не вдыхать аромат мужественности и силы.

Ох, не вовремя ты попался на моем пути, еще вчера я бы не придала значения столь откровенной близости, но сейчас...

Пока я собиралась с мыслями, маг разорвал прикосновение. Я сжала пальцы, хранящие тепло мужского тела, в кулаки и заставила себя взглянуть ему в глаза. Он смотрел на меня так
, словно я обвинила его благородную персону в тайной связи с молоденькой королевой.

Ежегодно Лариусский король проводил обряд сочетания, заключая союз с избранницей. Королева на год — весьма сомнительная почесть. И все же дать согласие БегГару Шампусу стать его женой и немедленно короноваться — меньшее зло, а за год можно устроить жизнь так, чтобы вдоволь ей пресытиться. Имея в запасе катастрофически мало времени, можно забыть про такие пункты как «служить королевству», «завоевать уважения подданных» и тому подобное. Конечно, сам обряд сочетания с королем будоражил фантазию многих девиц, но носить на своей голове корону не пожелала бы ни одна из них. Их пыл остужал предшествующий празднеству день Тишины. Именно в этот день король избавлялся от жены, что делила с ним титул и звание без малого один год. Подробностей я не знаю, знаю лишь, что еще никому из избранниц не удалось избежать своей участи...

Я отшатнулась, когда мимо нас промчалась элегантная коляска, запряженная пегими кобылками. Лошади послушно замедлились и встали. Возница спрыгнул со своего места, угодливо распахнул низенькую дверцу и помог сойти двум молодым женщинам. Восхищенно обсуждая новый фасон роскошных шляпок, они прошли в булочную. Несколько всадников на рысящих лошадях бросили косые взгляды в нашу сторону. Босой огневик в одних штанах и девушка проститутка — слабый маг воздуха — мы определенно были белыми воронами в лучах утреннего солнца.

— Очень хорошо. Вижу, у нас есть о чем поговорить, — напугали меня предстоящим допросом. Я опустила взгляд на наши руки. Мужские пальцы продолжали сжимать мое запястье, проходя сквозь нить можжевельных бусин.

— Все это довольно странно, — проследив за моим взглядом, сказал огневик и, погладив мое запястье, потянул меня за собой.

Знал бы он, что уже к обеду менталист будет работать с его сознанием, дабы составить мой портрет — прибил бы по-тихому. Судьба не осталась в долгу и передо мной. Медноволосая девушка по имени Идитта в вызывающем наряде одного из элитных домов радости была объявлена в розыск по всему городу.

ГЛАВА 12

Маг огня переделался в серую форму, соответствующую блюстителю закона, которая на фоне пепельных волос играла против его внешности, хотя и сидела идеально. Слишком серый и слишком простой образ оживляли яркие аметистовые глаза, на дне которых, обозначая себя, сонно пульсировало первородное пламя, пугающее и завораживающее одновременно.

— Как твое имя? — беззаботно поинтересовалась я, стоило нам покинуть его особняк и выйти на аллею, увитую частыми цветками оранжевых роз, источающими тонкий, приятный аромат. Я встала как вкопанная. Пепельные волосы, умный цепкий взгляд, суровый полупрофиль, строгий костюм на цветочном полотне — ме-е-ечта, способная привести к обильному слюноотделению, мокрым панталонам и восхищенному ступору с обостренным приступом тупости. И огненный универсум, призванный вводить в заблуждение окружающих магов своим среднестатистическим ресурсом. Зачем-ем?

— В чем проблема?

Хлопнув ресницами, я отвернулась, придавая бледности своим щекам. Еще не хватало, чтобы он заметил и неправильно истолковал последствия тяжелой ночи.

— Розы дивно пахнут, я никогда не видела подобной красоты, — робко сказала я.

— Зубы заговариваешь? Идем, — поторопил меня огневик. Сосредоточенность и повышенная внимательность, ставшие частью его натуры и отголоском профессии не позволили ему обмануться.

Как выяснилось, идти недалеко. Нанимать экипаж или запрягать свой для пары кварталов было смешно. Ко всему прочему, утренние прогулки полезны и я наверняка бы получила удовольствие, если бы не многочисленные взгляды, наполненные интересом всех оттенков со стороны мужчин и отвращением всех мастей со стороны женщин... Чувствуешь себя... как проститутка! Я нахмурила брови, с этим надо что-то делать и чем быстрее, тем лучше.

Не принимая никаких попыток к бегству, я шла по широкой улице с красочными витринами.

Мой сопровождающий продолжал держать меня за руку, как будто я могла сбежать.

— Ты так и не сказал, как твое имя? — спросила я.

— Сайрос Севере, — отозвался он.

— Приятно познакомиться, Сайрос. Долго нам еще топать? Я пить хочу.

Кивком головы огневик указал на трехэтажное здание на противоположном конце людной площади, представшей нашему взору. Я едва сдержалась, чтобы не взвизгнуть от счастья: яркий и грохочущий мир ждал меня! Вот так помощь на пути к спасению!

— Чему ты так обрадовалась, глупая?

Откинув первый порыв жизнерадостно указать магу место, в котором желала бы его видеть, я растянула губы в озорной улыбке.

— А перо вернешь?

— Зачем оно тебе?

— Это подарок одного умника.

Огневик без колебаний отдал мне вещицу, посчитав, что перо имеет отношение к делу и в ведомстве он без труда сможет его изъять на законных основаниях.

— Спасибо, — покрутив перо в руке, я спрятала его под корсетом, и не думая давать ответ.

— Ой, у меня
ленточка развязалась
!

Присев на корточки и не спеша обернув ленту вокруг лодыжки, я поняла что это простое действие принесет мне успокоение перед финальным броском. Одновременно с приседанием я создала иллюзию огромной бабы с плетеной корзиной. В длинном платье, украшенном объемными цветами, в шляпе с полями, отбрасывающими тень на глубокую линию декольте, она направилась в нашу сторону. Я знала что рискую, открывая завесу своих возможностей, но временами молодость и самоуверенность (оставленный с носом доблестный командор, вальяжный хозяин борделя) творят чудеса; кажется, что весь мир у твоих ног и за спиной вырастают крылья, крепнет уверенность в своих силах и так сложно почувствовать грань, которая станет началом конца.

— Поторопись, — недовольно бросил охотник. Я вздрогнула и ленточка выскользнула из пальцев, круша на голени узор из плоских черных ромбов. Я недовольно сомкнула губы и снова принялась за шнуровку, заставляя огневика сжать кулаки до побелевших костяшек.

Да прибудет с тобой терпение!

Я ждала, что он схватит меня за шиворот или за пучок волос на затылке, но он мужественно сдерживал себя. Все произошло в считанные секунды, сразу после слов:

— Сколько можно копать?

Где-то неподалеку заржала лошадь, предоставляя мне идеальную возможность для реализации дерзкого побега. Итак: баба прет на нас, лошадь ржет, с испугу два жирных кроля выскакивают из ее корзины и удирают в разные стороны, завоевывая внимание прохожих.

Я замираю в ожидании.

Мальчишки, знатоки веселых забав, с горящими глазами бросаются ловить кролей.

— Уважаемая, — кричит кто-то, едва не наступив на ушастого возмутителя спокойствия, — а корзинка-то ваша опустела, — движимый желанием оказать посильную помощь в поимке беглецов, он склоняется, чтобы схватить кроля, но тот ловко отпрыгивает в сторону. Огневик бросает взгляд вслед убегающему кролику и этого мгновения мне хватает, чтобы прыгнуть в «тело» огромной бабы, оставив вместо себя иллюзию проститутки, завязывающей свои ленточки. К семнадцати годам я не только в полной мере овладела искусством иллюзии, но и все больше отдавалась власти удивительного наслаждения от рискованной игры. Соппротивление, находчивость, опасность, шаг за шагом отвоеванная победа — все это проводило какую-то неощутимую грань между мной и всем миром. Я словно срывала с себя маску, под которой однажды и на всю жизнь я была вынуждена скрывать себя настоящую. Ленточка вновь выскользнула из пальцев, иллюзия медноволосой девушки раздосадовано покачала головой.

Баба с корзиной обогнула проститутку и направилась прочь, желая быстрее покинуть площадь. Рокировка удалась!

Однако не успела я порадоваться свободе, как о себе заявили последствия...

Перестав контролировать перемещения кролей, я поняла, что совершила непростительную ошибку, когда один из мальчишек, бросился под копыта, чтобы спасти ушастого. Всадник среагировал моментально, дернул поводом и увел кобылу от столкновения. Увидев, как лошадь теряет контроль, и, закусив удила, идет боком, грозя свалиться прямо на меня, я по-бабски завизжала и шарахнулась в сторону, взмахнув липовой корзинкой. Кобыла взвилась, едва не скинув наездника, и отпрянула назад. Все бы ничего, но задняя нога скотины прошла сквозь иллюзию сидящей проститутки, насаживая ее как поросенка на вертел. В немом изумлении я смотрела как огневик, желая спасти девушку, вместо нее хватается ногу кобылы. Как в замедленной съемке лошадь вскидывает задом и едва не сносит магу челюсть. Он успел уклониться ровно настолько, чтобы уйти от удара. Опомившись, я поспешила смешать иллюзию проститутки в клубах цветной пыли и уйти по-тихому.

Всадник спрыгнул с седла и, недолго думая, отхлестал кобылу по шее, не стесняясь при этом в выражениях. Выпучив глаза, скотина нервно перебирала ногами, то и дело натягивая струной кожаный повод. Выпустив пар, мужик схватил переднюю луку, рывком закинул свое тело в седло и двинул кобылу по бокам, придавая ей ускорения.

Люди начали расходиться по своим делам.

Блюститель закона запустил пятерню в челку и нервным жестом откинул ее с лица.

Просматривая пространство иным зрением, он вновь и вновь вынужден был созерцать пустоту в месте, где присела его арестантка.

Уверена, все случившееся не укладывалось в его голове и казалось ему бредом. Какое объяснение он найдет происшедшему и чем успокоит свое воспаленное сознание, мне было все равно. Я была спокойна, ведь правду я унесла с собой.

Путаясь среди толпы, я пересекла площадь и прошла несколько кварталов. В тени деревьев я наконец-то избавилась от корзинки и пышных форм. Клонило в сон. Проигрывая в борьбе с усталостью, болезненно наполняющей тело, я зевнула, прикрывая ладонью рот.

* * *

Стоило увидеть свой портрет, объявленный в розыск, как сразу захотелось покинуть этот недружелюбный город.

Миновать стражу на воротах труда не составит, но куда я пойду? И как быть с Легом, преследующим меня?

Разумнее будет остаться. Но... как выяснилось, быстро мне работу не найти, да и помощи ждать не от кого... Что дальше?

Ответ пришел сам собой.

— Насытить возмущенный желудок. Остальное потом, — решила я и свернула в сторону ослепительно ярких торговых лавок.

Немного погодя я приговорила парочку подвяленных «инжирин». Облизала сладкие пальчики и побрела по рядам дальше. С ощущением, что продешевила, обменяла наряд из дорогого дерайского шелка на два. Платье грязно-оливкового цвета с натуральным льняным кружевом и рукавами в три четверти приберегла до лучших времен, а вот темно-серое с широкими лямками одела сразу. Зашнуровав корсет, завязала на груди дурацкий розовый бантик. Взгляд зацепился за тонкую нить деревянных бусин на моем запястье. С нее-то все и началось...

От браслета избавлялась несколько раз. Невозможно в одно мгновение отказаться от укоренившейся привычки, не заполнив возникший на ее месте своеобразный вакуум в сознании. Браслет был отражением моих мыслей, и пока я помнила про него — его не было, но стоило забыть, как можжевеловые бусины незаметно появлялись и неосознано обнимали мое запястье.

Ближе к вечеру я отчаялась настолько, что решила бросить остаток сил на поиски Яспера. Вот только я знать не знала, где искать молодого воина и старого друга. Но это было мелочью в сравнении с разговором, который нам предстоял. Я понимала, что если я хочу добиться его участия, то придется затуманить его разум лживой историей, глядя в глаза скормить ему «правду» своего чудесного воскрешения из мертвых. Не знаю, смогу ли я?..

Вы даже представить не можете, как гадко стало у меня на душе.

— Иметь таких друзей как я — врагов не надо!

Яспер похоронил семью, близких, подругу Элин. Он принял это, смирился с утратой и продолжил жить. У него свое будущее. Будущее, в котором нет места медноволосой обузе. Он достоин лучшего и...

— Кажется, я заблудилась...

Ноги привели меня на небольшой пустырь слабо освещаемой окраины. Покосившийся забор сплошь заклеили объявления, большинство которых было тронуте временем и выцвело под палящими лучами солнца. Однако на общем мятом, потертом, блеклом фоне, словно чашка с ароматным чаем на утренней газете, взгляд приковывали красочные плакаты. Я усмехнулась объявлению «Хочешь стать сильным магом?». С плаката указательным пальцем в меня тыкал самоуверенный лысый дедок, держащий в другой руке, отведенной за спину, чудо-посох.

«Шарлатан», — подумала я.

Следующий плакат призывал предать всех некромантов костру и развеять прах по ветру.

— Мило. Выходит, мне очень даже неплохо живется и зря я себя накручиваю.

Третий предлагал посетить незабываемое шоу на площади Проходного тупика в конце первой декады второго осеннего месяца. Адепты в белой форме с косыми нашивками на груди и левом плече, указывающими на принадлежность к стихии, в честь столетия академии «Поющая стрела» обещали море впечатлений, прибрежную прохладу и детям до десяти лет бесплатные леденцы в виде забавных стрел.

При виде сладости живот недовольно заурчал, напоминая, что за весь день я закинула в него лишь пару ягод. Понимая, что ужин мне не светит, я решила переключить свои мысли. Вспомнить, к примеру, Роиль Чансе и то, как девушка, маг воды из нашей деревни, постоянно хвасталась интересной жизнью в академии, как она говорила... м-м-м... горы какой-то... Толи скалистой, толи огромной. Не помню. Проучилась год, а делала вид, будто лет пять грызет гранит науки, геройски преодолевая тяготы учебной жизни.

«Завтра в академию!» — визжала Роиль, упиваясь завистливыми взглядами деревенских подростков, которым участь покинуть родной дом даже не светила. Завтра для нее не наступило — жаль болтливую толстушку, она погибла вместе с семьей и всей деревней.

И тут меня осенило. Все произошло так внезапно, словно ничего не подозревающего человека, предающегося ленивому течению мыслей, резко схватили сзади и хорошенько встряхнули. Волнение и сомнение накрыли с головой, но я знала одно, перед этим соблазном мне не устоять.

— Решено. Буду Роиль Чансе, болтливой и толстой, зато страшно харизматичной водницей! Не переборщить бы...

ГЛАВА 13

Мир мал, люди малы, человеческая жизнь мала.

Велико только одно — желание.

Уилла Кэсер

Гора оказалась Плавучей...

Академия «Плавучей горы» на улице Светлая встретила закрытыми воротами. Ветхое здание центрального корпуса с большими окнами и терракотовой крышей, покрытой мхом словно сединой, напоминало понурого старика, присевшего на полянке. Его окружили низенькие постройки, словно детвора сбежалась послушать дедовы байки. Вот только «старик» детям был совсем не рад. Закрытые двустворчатые двери с орнаментальными петлями делали надежную конструкцию неприступной для физического и магического воздействия в равной степени. Я ухватилась за кованную ручку и потянула ее на себя, открывая дверь в новый неведомый мир. — Красота-то какая! — только и смогла вымолвить я.

Меня встретил огромный холл в стальной рубашке, по текстуре напоминающей бесформенные куски свечного воска. Неровными рядами висели в строгих латунных рамках картины неизвестных мне личностей: великий магистр Галер де Кутроз, магистр Брот Аксвель, магистр... великий магистр... Ой! Лавандовая дама Цолоре де Силенце.

— А ты как в ряды магистров затесалась? — обратилась я к портрету белолицей красавицы с лавандовым цветком в шелковых волосах, потревожив тишину, свободно гуляющую среди лабрадоритовых колон.

Оторвавшись от созерцания портрета, обошла темную колонну по кругу. Гладкая снаружи, изнутри она разрослась черными иглами — лучами мрака, застывшими в туманной дымке причудливыми узорами. Если долго вглядываться в самое сердце камня, возникнет видение, будто смотришь сквозь черные ветви на сияние луны, укрытой нежными крыльями облаков. Зимний лес окутает холодом и это ощущение рассеет иллюзию.

Поежившись от холода, я отступила и с удивлением отметила, что «черные ветви» буквально поглощают нескончаемый свет, что отбрасывает горный хрусталь, закрепленный под потолком в виде люстр-лотосов.

Отдельно порадовали диванчики для отдыха, застеленные бархатными покрывалами. Испытав желание присесть и на себе прочувствовать их мягкость, я усмехнулась и прокричала, разорвав тишину:

— Здесь что... все умерли? А-у-у?!

— Ты чего раскричалась, милочка, занятия идут! — испугал меня хриловатый голос.

— Ой, простите, а... Вы... где? — внимательно осмотрелась, но никого так и не заметила.

— За стойкой. А ты, милочка, что хотела?

Ориентируясь на женский голос, я прошла к полукруглой стойке, которую украшали вазы с вечными сухоцветами лаванды. За стойкой сидела худосочная старушка в строгом ванильном платье с брошью из скелета ящерицы на груди. Склонив седую, завитую короткими кудрями голову, она неторопливо отгадывала кроссворды. Я стала на носочки и заглянула за стойку. Перо, не касаясь бумаги, скользнуло вдоль вопроса: «Воплощение свободного духа в физическом мире», пересчитало квадратики и спустя мгновение, старушка вписала в колонну из десяти клеток слово «инкарнация».

Я ухмыльнулась, но когда на меня посмотрели неживые глаза, отпрянула, едва не потеряв равновесие. Это что же, зомби? Настоящий?

Взяв себя в руки, подошла к бабуле и на ее недоуменный взгляд пояснила:

— Нервы не к черту.

— А-а-а, — понимающе протянула она.

— Здравствуйте, я Роиль Чансе, со второго курса. Правда, я немного опоздала, — объяснила я и замерла под взглядом черных глаз, совершенно не отражающих свет.

На губах старушки мелькнуло подобие улыбки. Она отложила перо и протянулась к спискам.

Я внимательно всмотрелась в ее руки, но никаких признаков разложения на ее коже не заметила, что опровергло мои поспешные выводы о зомби. Спрашивать же, что она такое, было неудобно.

— Ну что ты напряглась-то вся? Ничего страшного. Наверстаешь. Учебный год только начался.

Слова, сказанные доброжелательным тоном, призванным успокоить, возымели обратный эффект. Конечно, моя авантюра с внедрением в это учебное заведение не обещала мне легкой жизни, но пока старушка неспешно перелистывала страницы и скользила указательным пальцем по скудному списку адептов на букву «Ч», я в мыслях себя раскрыла, бросила в тюрьму, казнила и умудрилась проделать это несколько раз.

Две минуты показались мне вечностью. Да я чуть с ума не сошла! За это время я бы десять раз себя нашла, но торопить флегматичную старушку было нельзя. Когда ее палец остановился и похлопал по нужной строчке, я не поверила своим глазам.

— Есть такая, но мы полагали, что... ах, уже не важно. Я восстановлю тебя, милочка, и возобновлю читательский билет. А ты поспеши, — она бросила короткий взгляд на расписание и сообщила, что сейчас у моей группы занятия на «Хоздворе» в 6 аудитории, предмет: «Магнит благ».

— Жду тебя после занятий.

— Да?... Да-а!.. Спасибо! — я развернулась. Не в силах сдержать счастливую улыбку, пробежала несколько метров. Внезапно опомнившись, вернулась.

— А где это? — и тут же пояснила, — стресс пережитого, никак не могу сосредоточиться...

— Да-да, я понимаю. Выйдешь из главного корпуса, пересечешь двор, третий слева блок твой.

— Точно. Спасибо, — я сделала вид, что все вспомнила и уже со знанием дела направилась к выходу. Душа визжала от восторга, неужто моим скитаниям пришел конец! Больше не придется красть еду и ночевать в клоповниках под звучный аккомпанемент прерывистых, свистящих и раскатистых храпов... Наверное, стоило сразу узнать про комнату в общежитии...

«Успеется», — подумала я и остановилась напротив нужной двери, на которой, то ли когтем, то ли ножом была криво нацарапана цифра «6». Постучав и не дождавшись ответа, я сделала глубокий вдох и резко выдохнув, распахнула трухлявую дверь. Первое, что бросилось в глаза, это посох в виде полумесяца с не пойми какими наростами, который стоял у стены. Тут же из водоворота удивленных лиц адептов, деревянных парт, стендов во всю стену с множеством старинных книг, спиртовок, уймой заготовок, колбочек, баночек, жестянок и коробок с неизвестным содержимым, взгляд вычленил владельца чудо-посоха. Вот чего-чего, а такой встречи я не ожидала, и надо отдать должное оригинальности и чувству юмора профессора:

— Мы ждали вас неделю, — членораздельно произнес он. — Вы еще столько же планируете стоять на пороге?

При виде этого лысого коротышки в балахоне цвета пожухлой листвы у меня пропал дар речи. Ух ты! Это надо же сколько на нем всякой всячины: амулеты, магические обереги, притягивающие удачу, продлевающие жизнь, уберегающие от несчастья, подпитывающие и... запутаться можно! В силу своей теоретической безграмотности в данном вопросе, мне оставалось лишь догадываться, какими возможностями наделена каждая побрякушка и насколько широк ее внутренний резерв. Старик словно запечатал себя в огромном коконе, точнее, в огромном бутоне, каждый лепесток которого состоял из множества невидимых простому взору тончайших разноцветных светящихся нитей люрекса. Смотрелся бутон очень гармонично, и, по всей видимости, заглушал всякое негативное воздействие. В одно мгновение «шарлатан» с рекламного плаката вырос до профессора, причем с большой буквы, стирая всякое желание высмеивать его несуразный за счет обилия побрякушек вид.

— Стоять на пороге плохая примета!

— Простите, профессор...

— Профес-сор Хид-ден!

— Простите, профессор Хидден, — исправилась я и, задержав дыхание, сделала шаг в кабинет-лабораторию. Небесный гром не грянул и здание не обрушилось.

Сжав вспотевшими пальцами подол домашнего платья, я нервно прошла меж парт в самый конец ряда. Сесть ближе мне не позволили вещи, наспех скинутые на свободный стул, который я намеревалась занять. «Мисс очарование» ясно дала понять, что мое общество ей крайне неприятно. Пришлось составить компанию некроманту.

Мой сосед встретил меня убийственным взглядом. Оно и понятно, когда по всему городу жуткие антинекромантские лозунги призывают развеять твой прах по ветру, невольно обозлившись на весь мир. Свое сочувствие я приберегла, когда с губ некроманта сорвался вопрос: «в своем уме?». Не дождавшись от меня ответа, он закатил глаза, обреченно уронил голову на парту и сомкнул на затылке пальцы в замок, собрав в хвост распущенные волосы цвета вороного крыла.

— Я Роиль, — не зная как быть, шепотом представилась я.

— Я знаю кто ты, нежить, — недружелюбно ответил парень, не поднимая головы. — Не могла сесть за другую парту?

Вот и познакомились!

— Рои-иль! — протянул лысый профессор и было в этой тягучей пластичности нечто, что заставило насторожиться и собраться.

— Да?

Вопрос я благополучно прослушала, а все потому, что взглянув на профессора, вдруг поняла, что он обычный человек. Думаю, я не первая, кто обманулся на его счет и принял за мага. Будь он действительно магом, он бы подпитывал своей энергией амулеты, а не наоборот!

— Простите, профессор Хидден, но не могли бы вы повторить вопрос? — виновато просила я. Сдавленные шепотки потянулись по аудитории, поведав мне о месте деревенской толстухи в «пищеварительной цепи» истинных магов.

Я же сосредоточилась на вопросе:

— Ты вознамерилась сор-вать мне занятие? — с ноткой сарказма произнес профессор и вперил в меня недовольный взгляд.

— Простите, этого больше не повторится.

Профессор Хидден переключился на тему сегодняшней лекции, а я вперила взгляд в деревянную поверхность парты, что была опалена огнем, изъедена кислотами, ко всему прочему, расписана колкими фразами, которые «задыхались» в ужасающих щупальцах болотных чудищ и не пойми чего еще... Жуть. Пару особо неприятных строчек пожирал злобный троль с голодными глазами и несоразмерно большой пастью. Оригинально, что тут скажешь...

— Амулеты являют собой две идеи, — вещал профессор, — первая, они призваны нести добро и не менее значимое — уберегать, отвращать беду. Заметьте, я не делаю различия между магами и дремами, которых благословение первоисточника или «Высшего Блага» обошло стороной. Амулетом может стать любая вещь. Конечно, принести удачу может и бабушкина пуговица, и сливовая косточка, и железная подкова. В умелых руках она уж точно убережет от бродячего пса, но не будем обманываться...

По аудитории пронесся смешливый гул, но быстро стих, позволяя профессору продолжить в своей своеобразной манере. Слетающие с его уст слова словно спотыкались о невидимую преграду — звучало специфично, но восприятию материала не мешало.

— Все это не наш случай. Вам предстоит научиться создавать лично — ориентированные амулеты, подбирать форму их физического выражения, закладывать магические символы, дабы придать материальному объекту энергетическую силу. Но и на этом этапе не стоит расслабляться. Я покажу вам, как «вдохнуть» жизнь в сотворенный вами предмет. Это отдельная тема и мы к ней еще не раз вернемся, изучим строгую очередность действий, поговорим о наиболее благоприятном месте и времени проведения ритуала, строго согласованном с лунным циклом. Разберем часто совершаемые ошибки, дабы вы обошли их стороной. Я не буду возвращаться к вводной лекции. Пропустившие ее, самостоятельно восполнят пробелы в знаниях, а сейчас поговорим о шаге первом. Выбор основы, материала для амулета. Речь пойдет про исключительно натуральные материалы: глину, дерево, металлы. Итак, начнем с глины...

Я взглянула на худощавого парня, которому преподносимая информация была необходима как покойнику галоши. Он, на мой взгляд, вообще странный — сидел или, вернее сказать, полулежал, царапая пером на парте короткие линии, которые медленно складывались в спину морского чудовища, хвост и... Этот монстр, не литературно выражаясь, гадил на издевку магов, что была ранее накарябана на парте. Смекнув, что это ответ некроманта на очередную колкость о том, где маги желают видеть лича-недоноска, я едва сдержала улыбку.

Странно, но профиль некроманта невольно приковал взгляд: тонкие, немного угловатые губы, прямой нос, полуопущенные ресницы. На вид жестковатые волосы были распущены и скрывали часть лица, тем самым открывая небольшое скопление родинок на шее, напоминающее созвездие Невыразимой Психеи. Неулыбчивый, замкнутый и уж точно не внушающий доверия.

— Долго пялиться будешь? — в лоб спросил он.

Я смутилась и отвела взгляд. Но тут же решившись, склонилась к парню, чем привела его в замешательство, и шепотом попросила:

— Можешь мне один листик вырвать, пожалуйста. Мне писать не на чем.

— Дам тетрадь, если отсядешь, и чем дальше, тем лучше, — безо всякой надежды ответил некромант, скривив губы в презрительной улыбке.

Я обернулась, за нами еще один пустующий ряд и заманчиво светлое место у широкого окна с деревянной рамой, тронутой временем и последствиями неисчерпаемой жажды подростков к экспериментальной деятельности.

— Идет, — на порядок громче, чем намеревалась, выдохнула я.

Некромант упер музыкальные пальцы в тетрадь и придвинул ее мне, я благодарно приняла и, улучив момент, когда профессор стоял спиной к группе, мышкой шмыгнула к окну. Видимо, скоро исполненная с моей стороны часть договора и слишком легкое отступление, нехарактерное для Роиль, побудили парня повернуть голову в мою сторону. Под равнодушным взглядом изумрудных глаз я потянулась к корсету и вытащила магическое перо, которое лишь на мгновение рассеяло холодное безразличие во взгляде некроманта. Осознав, что его реакция не укрылась от милой толстушки, парень отвернулся и продолжил заштриховывать контуры. Я открыла тетрадь и со всей серьезностью дела принялась конспектировать лекцию, выводя на чистом листе ровные каллиграфические буквы.

Спустя час я пребывала в пленительном состоянии замкнутой сосредоточенности. С глиной не возникло никаких проблем, и теоретический аспект я не только кратко зафиксировала в тетради, но и запомнила; с деревом пришлось попотеть и расписать все дотошно, потому как названия пород, особые свойства, подходящие для разных целей, инструмент для резьбы и полировки с которым мы будем работать — все было новым.

Я и не подозревала, что береза — мощный источник женской энергии с мягкой древесиной, легкой в работе. Осина оберегает от зловредного влияния и сама по себе является источником защитной силы. От обилия нужной и увлекательной информации кружилась голова.

Перерыв между сдвоенными парами прошел для меня словно на одном дыхании, я вновь и вновь пробежала глазами по ровным строчкам, не обращая внимания на шепотки и указывающие в мою сторону мимолетные взгляды и ухмылки адептов.

Одной из модных тенденций нашего времени был элегантный брючный костюм, подчеркивающий талию. Образ дополняли туфли на квадратном невысоком каблуке. В свое время одаренные женщины сделали выбор в пользу комфорта и практичности, считая корсеты и платья пережитком прошлого. Их поддержали многие представительницы прекрасного пола, лишённые магии, справедливо рассудив, что современный ритм жизни диктует свои требования к одежде. Я же в своем мешковатом наряде, утянутом мрачно розовой лентой, напоминала бабу на чайнике. Впечатление сглаживала разве что интересная внешность Роиль (а ведь мы отныне одно лицо): пухлые губки, курносый носик, почти круглое лицо и живой взгляд лазурных глаз. Не сказать, что красивая, но определенно выделяющаяся из общей массы брюнетка.

Вторая лекция по предмету «Магнит благ» посвящалась общему обзору металлов и их свойствам. Профессор дотошно прошелся по железу, цинку, алюминию, серебру и золоту, латуни с редкими защитными характеристиками, даже про жезлы из титана упомянул. К концу второй пары у меня отнимались пальцы и только благодаря уникальному в своем роде перу исписанные страницы оставались по-прежнему без единой пометки. Магическую вещь я оценила по достоинству — хоть какой-то плюс из будоражащего разум пособия под названием бордель.

Получив задание, группа собрала вещи и покинула аудиторию. Я решила следовать за всеми.

Стараясь не отставать, пересекла внутренний двор академии и вошла в главный корпус.

Следующей парой стояла «История Лариусского Королевства». Однако, как только она началась, так сразу и закончилась словами старосты:

— Роиль, тебя ожидает ректор.

Я покидала аудиторию под действующие на нервы шепотки. Будто в тумане, прижимая к груди единственную тетрадь, словно она могла задержать меня на границе отчаяния, я миновала коридор и перед самым выходом в холл остановилась у кабинета ректора.

Отступить было бы равносильно неспетой песни, когда только начинаешь проникаться трепетным завораживающим звучанием, и в один момент мелодия обрывается, угасают слова, оставляя печальную невыносимую недосказанность. Уйти и потерять все или остаться и лицом к лицу встретиться с ректором?..

Сама от себя не ожидала, что дерну ручку двери, даже забыв постучать.

ГЛАВА 14

Зрелая, невысокого роста секретарь окинула меня внимательным взглядом.

— Роиль Чансе, — представилась я.

— Присаживайтесь, — пригласила она и, бодренько отложив в сторону бумаги, с которыми работала, произнесла с улыбкой: — Сейчас мы уладим с вами все вопросы.

Мимолетно бросив взгляд на закрытую дверь ректорского кабинета, я решила, что беседовать с секретарем даже лучше... спокойнее как мне показалось.

— Роиль, раз вы лишились источника дохода, вам будет назначена ежемесячная выплата.

Серебряный и двадцать медных монет в месяц — этого будет более чем достаточно. По окончании пар пройдете к Фелиции — она выдаст положенную сумму, а так же уладит вопрос с общежитием. У госпожи Маттер спросите читательский билет.

— Благодарю.

Какое-то время я неподвижно сидела, слушая шум города за открытым окном. Секретарь занесла меня в списки нуждающихся и постучала пером по столу, привлекая мое внимание.

— Роиль?

Я вздрогнула.

— Я полагаю, вы не откажетесь от беседы со специалистом. Он поможет вам избавиться от неподъемного груза воспоминаний...

Сердце ухнуло в пятки. Какой еще специалист?

— Благодарю, не стоит, — выпалила я и тут же сдержанно пояснила: — Я надеюсь, учебные будни не позволят мне «застрять» в прошлом.

— Роиль, — она отстранилась от бумаг и, с теплотой и заботой посмотрев мне в глаза, произнесла, — я понимаю, насколько нелегко вам пришлось, но не принимайте необдуманных решений. У нас хорошие специалисты, они помогут вам преодолеть горе. Я знаю, что вы очень сильная девочка, но пытаясь держать эмоции в себе, вы остаетесь один на один со своей утратой. Поверьте, иногда просто необходимо выговориться, поделиться своей болью. Мы хотим вам помочь, так позвольте нам это сделать.

Голос ее был тихим, участливым, проникновенным. Признаюсь, в какой-то момент моя уверенность в своем решении пошатнулась и я всерьез задумалась над предложением секретаря, пока слух не резанула последняя фраза. Да если им станет известно кто я на самом деле, они первыми выпишут мне приговор! Да как только правда откроется, их прямая обязанность сдать меня службе контроля! Помочь им!?

— Мой ответ — нет! — разозлилась я, больше не желая ничего слушать.

— Что ж... решать вам, — тактично отступила секретарь. — На этом все. Приказ о вашем восстановлении в качестве адептки «Плавучей горы» подписан и ничего более не мешает вам приступить к занятиям.

— Спасибо, — прижав тетрадь к груди, я встала и направилась к закрытой двери...

— Роиль?

— Да! — бровь вопросительно подскочила вверх.

— Ходит слух, что на безымянную деревню вовсе не кочевники напали... Что над пепелищем и по сей день кружит черная тень, а прах... прах и вовсе не остывает... Более того, тела живых, ступивших на выжженную землю обращаются в пепел... — тихо произнесла секретарь и недоверчиво продолжила: — Конечно, в страхе люди и не такую бесовщину напридумывают, но... что же все-таки произошло с деревней?

— Сгорела дотла, — выдала я общеизвестный факт. — Простите, я не знаю подробностей. Я выехала в город за день до трагедии.

— Да, да, конечно... примите мои соболезнования. Как жаль, что даже всемогущим магам не изменить прошлое...

Я молча кивнула и покинула кабинет секретаря. По уже известному маршруту, проследовала на второй этаж, решив, что до конца пар еще успею выяснить, где мне искать Фелицию и кто такая госпожа Маттер.

Увы, я вновь была вынуждена прервать занятие. Переступив порог аудитории, прошла по ряду и, не задумываясь облюбовала последнюю парту у окна. Слух резанули уже ставшие привычными смешки адептов.

— Продолжим, — призвал к тишине профессор. — Первый король Лариусских земель Дела эль Корсак, он же маг земли, понимает, что отношения его дочери Мулоус эль Корсак с темным магом БегГаром Шампусом больше продолжаться не могут. Он приказывает Шампусу позабыть даже имя девушки. Кого волнуют чувства, когда союз его дочери с Салт де Фиером — влиятельным выходцем из империи обещает обеспечить внешний мир, а семье подарить спокойствие? Все мысли королевской четы занимает подготовка к предстоящей свадьбе. Двор кипит нешуточными страстями. И вот в тронном зале одна из дочерей короля инфанта Мулоус принимает поздравления делегаций от разных народов, сохранивших определенную независимость на Лариусских землях. В распахнутых дверях появляется фигура темного мага — мага, не пожелавшего внять приказу короля...

— Нет чтобы выкрасть свою любовь и умчаться быстрее ветра... — мечтательно произнесла веснушчатая девушка.

— Уж темного никакие горы не остановили бы, да и гнев короля не сбил бы с пути, — взволнованно подхватила ее подруга с пронзительно синими глазами и татуированным браслетом в виде рыб на плече.

Я мысленно усмехнулась. Да-а-а... едва ли этой... Мулоус пришлось по душе все трудности скитаний... когда заснуть в седле мешает злобная мошकारа, когда незнакомые места встречают голодными тенями, когда мерещится всякое под луной и вздрагиваешь от взмаха крыла или хруста ветки. Жизнь в императорском дворце показалась бы ей несомненным благом!

— Чтобы Шампус позорно бежал? После того как вместе с побратимом Корсаком основал королевство? — возмутился парень, сидящий по левую руку от адепки с забавными крапинками на носу и щеках.

— Уверена, в моем случае ему бы повезло больше, — упрямо стояла та на своем.

И тут началось...

— Неужто вы полагаете, БегГар Шампус не обдумал свои действия, прежде чем явиться в тронную залу? — подключился к беседе кто-то еще.

— Видимо, нет!

— Все предусмотреть невозможно! — вознегодовала синеглазка, оправдывая поступок темного.

— Смерть своей возлюбленной он мог бы предвидеть, соответственно и предотвратить!

— Мог бы и не лезть на рожон. Стоило обождать... все взвесить, — вставил курносый парень.

Ох, напрасно он это сделал... некоторые девушки просто не смогли удержаться от восклицаний:

— Ты соображаешь, что говоришь?

— Шампус был безумно влюблен в инфанту!

— Обождать? Когда сердце всецело занято Мулоус? Может еще стоило позволить ей выйти за другого? Детишек ему нарожать? — язвительно заметила синеглазка с татуировкой на плече.

— Вы живете сердцем, думаете им, ставите себя в затруднительное положение, а после вымещаете на парнях свою злость! — припечатал курносый, мгновением ранее имевший неосторожность заговорить о выгоде в вопросах любви.

Краем глаза я уловила, как давится смехом, сидящая во втором ряду блондинка — именно она на первой лекции не позволила мне занять пустующее по соседству с ней место. Стало неприятно... и пусть я ее понимала — уж если рвемся ворошить прошлое нашего короля, то судить его поступки не доросли еще и не дорастем никогда, — но молчаливо приняла сторону большинства. Больно вызывающе и высокомерно повела себя блондинистая особа.

Судя по тому, как вытянулись лица подружек-болтушек, не я одна оценила манеры нашей блондинки.

— Попрошу тишины, — призвал к порядку профессор, но захваченные спором маги даже не думали смолкнуть.

— Господа адепты... — профессор взмахнул рукой и указка, дернувшись, хлестнула по доске, в одно мгновение погрузив аудиторию в гулкую тишину. — Так... я собирался рассказать следующее: согласно официальным источникам БегГар Шампус выражает свое несогласие при полном дворе гостей. Терпению короля приходит конец. Из легенды мы помним: замок вздрагивает, под ногами темного разверзается зияющая бездна, но Шампусу удастся избежать падения и погребения заживо. Тело темного сковывают каменные цепи. Вспыхивают разом все факелы, разъяренный огонь берет его в кольцо и кажется, что еще миг и он испепелит тело мага. Но зал, словно мертвый колодец, затапливает всеильная тьма. Черными лезвиями она

рассекает оковы, с быстротою молнии поглощает пламя, выжигая души стражников. Однако, официальные источники это не подтверждают, — профессор окинул аудиторию внимательным взглядом, неожиданно поджал губы и развел руками.

— К сожалению, подробности роковой битвы имперской делегации с БегГаром Шампусом и сцена смерти Мулоус эль Корсак были украдены временем. Скажу лишь следующее: БегГар Шампус не ставил своей целью свержение монарха. Он отлично знал, что король слабее, более того их слишком много связывало. Но вмешался жених инфанты. Доверенное лицо самого императора Салт де Фиер никогда не отличался спокойствием и рассудительностью. Вспыльчивый и себялюбивый, он навлек страшную смерть на себя и всю имперскую делегацию. По одним источникам тело его напоминало сваренную овцу с распоротой брюшиной, по другим — превратилось в прах, от которого ветер не оставил и следа...

— Вот и отстоял честь своей невесты! Имперский увальень! — вновь шепнула подруге веснушчатая девица.

— Будь де Фиер умнее — не стал бы претендовать на инфанту, — украдкой ответила синеглазая.

— Верно подмечено. Держался бы подальше — остался жив... — вставил еще кто-то.

Лекция по «истории Лариусского Королевства» прошла мимо меня. И, вроде, слышала, о чем вещал профессор, но смысл сказанного растворялся в нестихающей болтовне адептов. К концу пары, на фоне девственно-чистых страниц тетради фраза профессора про устный опрос повергла меня в легкий шок. Как ни крути, а «другом» я обязана обзавестись, хотя бы для того чтобы переписывать лекции.

Озадаченная мыслью, кого же выбрать себе в закадычные товарищи, я прошла в столовую, следуя за стайкой девиц, в числе которых были адептка с жемчужными контурами рыбок на плече и ее веснушчатая подруга. Без малейшего стеснения они обсуждали некую девушку с нашего потока по имени Аливе. Как я успела выяснить, блондиночка сохла по старосте факультета «боевой магии огня» в конкурирующей академии «Поющая стрела», адепты которой обещали устроить грандиозное шоу на свое столетие! Занятно!

Чем именно Аливе разозлила завистниц я так и не смогла понять, но когда столкнулась нос к носу с «Мисс очарование», то без колебаний разделила их мнение.

— С дороги, деревенщина, — приказала мне Аливе.

Девушка со светлыми волосами, убранными в низкий плетеный пучок, нагло втиснулась в очередь из деревянных подносов, приберегая извинения за отдавленные пальцы моей ноги. Выразительные черты ее лица не оставили меня равнодушной, безупречный костюм оттенка фуксии с широким поясом и платиновой застежкой в виде кленового листа поведал о немалом достатке ее семьи. Красивая и богатая...

Борзая! Я прикусила губу, оставляя комментарий невысказанным.

— Ты плохо слышишь? — участливо поинтересовалась она, пока я пыталась привязать ее ангельскую внешность к кипящему необоснованной злостью содержимому.

Отступив, я предоставила возможность блондинке набрать овощной салат. Удивительно, но это «прелестное создание» питалось постной травкой, а не мясом с кровью...

Мой обед был более разнообразным: гуляш, легкий салат из капусты, ломоть хлеба и компот из сухофруктов в граненом стакане. Желудок одобрительно заурчал в предвкушении трапезы, однако с этого момента что-то пошло не так...

— Роиль! Воробушек!.. — я вскинула голову. У меня действительно проблема со слухом или у кого-то трудности с восприятием действительности?

Ты кого воробушкой обозвал, индюк незрячий?

— Не верю своим глазам! — жизнерадостно вскричал парень, не стесняясь прилюдно выказывать свои чувства.

— И правильно делаешь, — проурчала себе под нос, сбитая столку подобным вниманием. Незнакомец вскочил из-за стола.

Не успела я сделать и нескольких шагов от раздаточной, как ко мне буквально подлетел высокий, хорошо сложенный шатен с довольной улыбкой и горящим взглядом. Приблизиться вплотную не позволил поднос.

Я вопросительно вскинула брови.

Парень склонился и, не медля ни мгновения впился своими губами в мои. Я имела неосторожность удивленно их приоткрыть. В тот же момент в мой рот собственнически проник

влажный язык и начал вытворять не пойми что... Едва я успела забыть про поднос, как незнакомец ловко придержал его, уберегая ценный источник сытости и хорошего расположения духа от встречи с полом.

Осознав, что все происходящее не сон и не плод моего одуревшего воображения, я сомкнула зубы и раздраженно уставилась на наглеца, которого подобная реакция заставила поспешно ретироваться.

Потрясение быстро себя исчерпало и на фоне борделя даже не поколебало мое нравственное воспитание, благодушно позволив воспользоваться даром речи и потребовать объяснений.

— Что это значит? — сквозь зубы прошипела я, игнорируя первое впечатление от первого поцелуя.

Свой первый поцелуй я представляла иначе. В картине, рисованной моим сознанием, преобладали романтично-розовые цвета. В столовой же, под многозначительные смешки девчат, свист и нетерпеливые подбадривания мужской половины — это просто стыдоба и мерзость какая-то! Хотите зрелищ — могу указать направление!

— Я так рад!

На провокацию светловолосой сучки, которая в виду синдрома собственного превосходства держала на почтительном расстоянии всю группу, я не повелась. Стерпела. Сейчас же я злилась на толстуху Роиль, которая все уши прожужжала своей академией и ни слова не сказала про парня. Она что, сглазить боялась? Видимо злость на Роиль придала мне смелости.

— Послушай, милый, я тебе не воробушек и к пернатым никакого отношения не имею, — выпалила я и схватила поднос, который не спешили отдавать, опасно испытывая на прочность мое терпение. — Более того, впредь попрошу держать себя в руках, — намекнула на то, что между нами все кончено. Заявить прямо побоялась, может, мы не встречаемся, а так... просто спим вместе.

Вместо бесплатного шоу с бурным выяснением отношений случилось следующее.

Незнакомец позволил мне забрать многострадальный поднос, однако не преминул воспользоваться моментом и вновь накрыл мои губы своими, демонстрируя мысль: «ты в своем уме бросать такого, как я?»

Да что ты себе позволяешь?!

Дернув на себя поднос, я зашипела и отскочила как ошпаренная. Салат из капусты щедро сдобренный компотом был первой проблемой свалившейся на мою голову. Второй и самой неприятной — стало неожиданное столкновение спины с чьим-то подносом. Звучный грохот бьющейся посуды и взгляд, обжигающий затылок, заставили вжать голову в плечи и медленно обернуться.

— П

у

гало... неприкаянное, — задушено пискнула я.

Взгляд уперся в рубашку некроманта, стоявшего за моей спиной. Я заморожено следила, как горячий (плохи-мои-дела) кофе пропитывает ткань, и как отваливаются с нее комки (мне-бы-сквозь-землю) тушеного лука и моркови. На вернувшемся в горизонтальное положение подносе овощи не спеша воссоединялись с мясной кашей.

— Оригинальное ругательство, — мрачно выдавил некромант.

— Прости.

— Плюнуть и растереть! — ответил пострадавший и в какой-то степени был прав, для полного «счастья» именно этого и не хватало! — Выйдем, побеседуем...

— Сразу, как только я поем, идет? — с надеждой спросила я и виновато улыбнулась.

Пусть мой салат был испорчен, но гуляш так и просил его отведать.

— Лучше натошак, — некромант выдавил улыбку, от которой меня передернуло.

Не то чтобы я была трусихой, просто мне рисовалось два варианта развития событий: либо вернусь на обед восставшим мертвецом, либо не вернусь вообще. Липовый дар водника исключал возможность сопротивляться и в качестве единственного оружия оставлял мне истощенный визг. И это против создания, умело балансирующего на границе между жизнью и смертью, и потому обладающего властью как над живыми, так и над мертвыми!.. Испытывать на себе возможности некроманта совершенно не хотелось, ставить в противовес свою силу было нельзя, искать защиту у преподавательского состава — трусливо, воспользоваться помощью бывшего парня... Я умоляюще посмотрела на некроманта, но не добилась никакого проблеска добродетели в прямом и безучастном взгляде зеленых глаз. Не долго думая зло сунула поднос бывшему, которого моя реакция порядком озадачила. А чего он ждал? Что буду его умолять, пообещаю дюжину поцелуев за услугу? Мог бы и сам проявить инициативу!

Подхватив пухленькими пальчиками подол платья, я прошла к дверям. К утвердившемуся чувству гадкого утенка добавилось ощущение, будто иду на виселицу. Страх, что угроза реальна, будоражил кровь. Мысли, заставляющие прибегнуть к иллюзии жалили, словно змеи. Одно необдуманное действие и я буду вынуждена бежать, только на сей раз из академии... Черта-с два!

Шаткой поступью я пересекла внутренний двор, затем повинуюсь жесту некроманта, вошла в старинное здание мужского общежития, миновала холл, что в дневные часы утопал в естественном свете. Желание разглядывать интерьер отсутствовало. Допытываться куда ведут и зачем — не стала из принципа. Перед узкой лестницей, ведущей в подвальные помещения, я помедлила, но, не видя иного выхода, уступила необходимости.

Брезгливо касаясь перил, спустилась в запыленный коридор с облупленным потолком, спутанной паутиной и комьями пыли в углах.

Я встревожено шла вперед, разглядывая старые, разбухшие понизу двери заброшенных комнат. Чувствовать за своей спиной некроманта, слышать его твердые шаги и не трястись от липкого страха, было тем еще испытанием.

— Направо, — скомандовал он и я неуверенно толкнула дверь, в считанные мгновения избавляясь от беспокойства, навеянного женскими предрассудками.

ГЛАВА 15

Комната была средних размеров, мрачной, но чистой. Мое внимание приковала картина, рисованная черной пастой прямо на стене. Посреди неясных очертаний, окутанных туманом, и странных форм, не поддающихся осмыслению, было изображено мертвое низкорослое дерево. Его высушенные корни словно бились в агонии, вспарывая голую, обескровленную землю. Пара жутких горбатых птиц на изломанных ветках «рассматривали меня» с нездоровым интересом. Ужаса и реалистичности рисунку придавали трещины и облупившиеся, местами выщербленные участки стены.

Между невольным желанием раскрыть рот от восхищения и порывом передернуть плечами, отдаваясь власти жутких ощущений, я выбрала первое.

— Слово самый чудовищный кошмар вырвался из самых темных глубин сна. Истерзанная земля несуществующих теней и ее недремлющие вороны. Все как в легендах... Это впечатляет, тревожит... и гипнотизирует. Я... я в восторге! Такие странные штрихи, будто дрожащие от холода! И туман, что хранит свои тайны... У меня мороз по коже! С ума сойти! Что же надо было чувствовать, создавая все это? — я медленно провела пальцами по крылу горбатого стража и, обернувшись к некроманту, спросила прежде, чем встретилась с его взглядом и смутилась:

— Сколько времени занял этот акт творения?

Вопрос и удивил, и озадачил парня, даже не знаю что больше, но он довольно скоро совладал с эмоциями.

— Никак не ожидал увидеть в твоем лице столь искреннее восхищение. Я редко принимаю гостей и не привык к подобной реакции, впрочем, неважно... — некромант вдруг без всякого

стеснения принялся расстегивать пуговицы своей рубахи. — Ты действительно хочешь знать ответ?

— С тобой сложно быть откровенной, — процедила я, отворачиваясь от него к картине. Его действия начинали тревожить меня, в голове стала твориться какая-то чертовщина. — Я тоже рисую... но мои рисунки не такие целостные по настроению. И вроде та же четкость и точность, но до такой степени задевать за живое... Наверное, для этого необходимо пробудить в себе нечто опасное, дать ему выход... полную свободу действия... а не искать в искусстве лекарство от скуки.

— Скука... в моем случае именно она правила мной, была моей покровительницей и музой... — признался парень и, шагнув ко мне, понизил голос. — Стоит взойти луне и пролить серебристый свет на стену как картина оживает: туман окутывает выжженную землю, обретает дыхание, а вороны... Вороны это отдельная тема. В такие мгновения хочется говорить об ужасе, овладевающим грешными душами.

— Не упускаешь возможности запугать меня? — недоверчиво спросила я, развернувшись и скрестив на груди руки в защитном жесте. Взгляд против моей воли прошелся по обнаженному торсу парня.

— Не пропадать же времени даром! — непонятно чему усмехнулся некромант и вложил мне в руки свою рубашку.

Я удивленно вскинула брови.

— Пятна лучше отстирывать сразу, — выделяя каждое слово, пояснил он причину своего стриптиза.

Я закрыла глаза и пристыжено кивнула. Все верно. Хотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть его ухмыляющуюся физиономию.

— Как твоё имя? — спросила я, услышав удаляющиеся шаги.

Под пристальным взглядом изумрудных глаз, брошенным в пол-оборота, виновато пожалла плечами и добавила, — запомняла, стресс и все такое...

— Фицион, — сказал он, распахивая дверцы шкафа.

— Фиц, так сколько времени ушло на картину?

Некромант дернулся как от пощечины, сжал кулаки — на руках проступили синеватые вены. Отвратный скрип дверцы стенного шкафа и непонятная мне заминка с ответом отрицательно действовали на мою нервную систему. Я задала такой простой вопрос, что его так перекосило? Сдавленно выдохнув, я поняла, что ничего хорошего ждать не следует и поспешила развеять возникшее между нами напряжение шуткой:

— Штаны тоже снимешь? — я указала пальчиком на сливающиеся с темной материей пятна в области, черт, той самой. Стыдливый румянец вновь окрасил щеки, благо у некроманта хватило ума не язвить.

— Не трясись, раздражает... — опомнился он и потянулся за чистой рубашкой. — Расскажи, где достала перо?

— Приняла в дар от одного философа... — послушно ответила я, украдкой изучая бледную, немощную на вид спину, усеянную короткими шрамами. Парень натянул рубашку, оставив ее расстегнутой. Его руки потянулись к завязкам на штанах. Я тут же отвернулась и, терпеливо оперев взгляд в разрисованную стену, дожидаясь протянутых для стирки штанов.

— И что же ты сделала этому философу, что он не поскупился на столь щедрый подарок?

— Кое-чему научила, — улыбнулась я (долгих лет жизни попугаю).

— Девушка с опытом, говоришь? Я бы не сказал, судя по той сцене, невольным свидетелем которой стал.

Небрежно брошенные слова резанули слух, однако свое рассуждение, где я желала бы видеть его умозаключения относительно моей просвещенности, я приберегла.

— Возьми. Буду ждать здесь.

Без штанов? И не надейся! Отстираю, развешу сушиться и свалю по-тихому... Ух, ну и манеры у этого повелителя мертвых!

Я приняла штаны и, не оглядываясь, вышла. Едва я успела сделать несколько шагов по направлению к лестнице, как меня окликнул некромант.

Нашел девочку на побегушках! Плод своей неосторожности я согласна исправить, но со всем остальным, путь катится...

Выказывая явное недовольство, я вернулась и, сердито уставившись на Фица, поинтересовалась:

— Забавляешься?

— Тебе в другом направлении, — завязывая шнурок на штанах, пояснил он, даже не глядя в мою сторону.

Я хмыкнула, демонстративно развернулась и пошла в «другом направлении», одной рукой прижимая скомканные вещи к груди, другой дергая ручки запертых дверей.

— Не можешь найти? — усмехнулся Фицион у самого моего уха, вынуждая с испугу подскочить на месте. Едва не вскрикнув, я обернулась и устремила гневный взгляд на наглеца. Искривленные в улыбке губы некроманта поведали о явном интересе парня к происходящему, пагубном для меня интересе.

— Могу — не могу, мне как-то не в досуг бегать по подвалам мужского общежития! Если бы не этот инцидент, я в эту мерзость и не сунулась бы! — раздраженно выплюнула я.

— Во всем есть свои плюсы... — спокойно отозвался некромант, но был грубо перебит.

— Что именно ты считаешь плюсом? Запущенность или полумрак? Может общество членистоногих? — ехидно полюбопытствовала я.

— Оно поприятнее неуклюжих адептов будет, — расплатился Фицион той же монетой.

— Неуклюжие адепты себя не навязывали! — отрезала я.

— Не спорю, паутина и ни на что не годный хлам не производят приятного впечатления, но я не подлинный аристократ, а ты не дева голубых кровей. Так что тебя не устраивает?

— У меня нос не перестает чесаться! Тут куда не плюнь — везде пыль!

Парень безразлично пожал плечами. Но в тот момент, когда я раскрыла рот, намереваясь потребовать, вернее будет сказать, предложить наглецу вернуться и подождать в комнате, Фиц шагнул ко мне и вскинул руку.

Пришел мой черед дернуться, избегая прикосновений.

— Потрудись объяснить, что ты делаешь?! — зашипела я отступая.

— Стой и не дергайся!

Я немедленно повиновалась. Нет, не потому что прониклась угрозой и уж тем более не из-за проснувшегося голоса разума, призывающего проявить предельную осмотрительность. Злую шутку со мной сыграло воображение, нарисовав за спиной ужасающего змея, готового в один момент обвиться вокруг тела и с силой сжать кольца, по капле выпивая мое сопротивление. Я подчинилась в страхе за свою жизнь.

Фицион сократил расстояние между нашими телами до критического минимума, протянул руку к моим волосам и с самым безучастным видом снял маленького, на вид ну совершенно безобидного паучка. Злость подхлестнула к подтруниванию над таким проявлением... чего? Заботы? Некромантского юмора?

— Ох, как хорошо, что ты был рядом! Столь храброе спасение моей жизни достойно самой сердечной благодарности.

— Мне не нужна твоя благодарность. Достаточно и того, что мы «наслаждаемся» обществом друг друга, — с язвительной насмешкой проронил Фиц.

В мягкой тьме, наполнившей углы, мы стояли, схлестнувшись взглядами, и вдыхали застоявшийся воздух ощутимо пропитанный сыростью.

«И чего тебе в этой жизни не хватает»? — подумала я и отступила под тяжестью его взгляда.

— Стирай вещи и убирайся, — велел Фиц.

— Ну и где мне искать купальню?

— Здания мужского и женского общежития идентичны...

И тут я полностью осознала всю серьезность моего положения. Я ведь ничего не знаю!

Абсолютно ничего! Я вообще обманом попала в академию! А этот тип, словно издеваясь, не дает прямых ответов.

Я повернулась к своему «мучителю» спиной. Решив прибегнуть к дедуктивному методу, по протоптаным в пыли следам устремилась в самый конец коридора и нашла-таки нужную дверь. Он проследовал за мной и первым нарушил тишину:

— Ты похудела.

— Сомнительный комплимент для девушки.

Отложив штаны на соседнюю раковину, я прополоскала рубашку под струей холодной воды и, взяв толстый кусок мыла, принялась тереть пятна с остервенением, достойным похвалы.

— Волосы отрастила и... завила...

Я смахнула с пальцев пену, обернулась и окинула парня недовольным взглядом.

— Подарок родителей к новому академическому году. Всегда мечтала о кокетливых кудряшках, — скрывая волнение, ответила я.

Звук льющейся воды усилился гулким эхо и как только он стих, некромант продолжил:

— Ты стала предметом обсуждений местных сплетниц... и не только их. Будем откровенны, Роиль? Как тебе удалось избежать смерти, когда вся деревня погребена под слоем пепла? Это действительно очень странно и...

Я швырнула мокрую рубашку в раковину и уперла ладони в места проржавевший металл. По всему выходило, Фиц решил воспользоваться ситуацией, делая ставку на неумение Роиль держать язык за зубами. И это принесло бы свои плоды — не будь я на ее месте.

— Со всеми вопросами советую идти в бездну!

Я надеялась, что наша беседа на этом кончится. Однако не тут-то было.

— Бросила парня, едва переступив порог академии, а ведь могла найти утешение в его объятиях. Ты так боялась спугнуть свою любовь. Прошло не многим более двух месяцев, а ты встречаешь Анеста так, словно вы незнакомы...

— Я и не догадывалась, что некроманты настолько любопытны!

Склонившись над раковиной, я замыкала пятна на штанах, радуясь только одному, что простые безотчетные действия скрывают мою нервозность и настороженность.

— Молчишь?..

Я уронила голову на грудь и прошептала:

— Последние две недели показали мне совершенно иную сторону жизни. Я привыкла к... спокойному ее течению, наполненному теплом и заботой. В один миг этого не стало, пшик и все! — я шелкнула пальцами, роняя с локтя мыльную пену, и обернулась к некроманту. — Уж прости, если не уделяю должного внимания отношениям и кажусь странной... Ты считаешь, я не имею на это право?

В угрюмом молчании я закончила отбывать свое наказание. Слабо отжала вещи, подошла к подпирающему подоконник Фицу и без малейших угрызений совести прижала мокрый комок одежды к его груди.

— И не тревожьтесь за мою сохранность, господин «не подлинный аристократ», в главный корпус я найду дорогу сама! — высокомерно окинув его взглядом, вышла вон, оставляя за спиной порядком ошеломленного парня, которому впору вновь менять одежду. Я же в свою очередь отправилась на вторую лекцию по «истории Лариусского Королевства». Невероятно голодная и злая.

Первый учебный день, а я опаздываю на третье занятие из четырех. Группа была в восторге и не стесняясь обсуждала одну не в меру упитанную адептку!

Как можно быстрее я постаралась занять свое место. Решив не поддаваться отчаянию, я открыла тетрадь и с головой окунулась в конспектирование, старательно не обращая внимания на косые переглядывания девчонок и их перешептывания, так напоминающие шипение гадюк. Остаток пары ознаменовался страницей исписанной бесчисленным количеством фраз: «я не сдамся!», «я не отступлю!» Это хотя бы поспособствовало уверенности, запала которой хватило ровно на две оставшихся пары по «Магическому анализу». Фелицию, заведующую учебной частью, которая с видом особого снисхождения выдала мне причитающийся серебряный и двадцать медяков, а также ключ от комнаты на четвертом этаже общежития со всей ее напускной добродетелью хотелось охладить в ледяной воде! Да где ж ее взять в такой духоте? Я поблагодарила старушку, которая «не зомби, но и не пойми кто» за документ, открывающий доступ к источнику знаний, а именно — в местное хранилище книг, и, устало улыбнувшись, направилась в общежитие. На сей раз — женское.

Ключ не понадобился, потому как дверь под номером «141» была приоткрыта. Три койки, две оставшиеся на меня девушки-водницы, одна из которых больше напоминала красавицу из борделя, а вторая... вторая — колючку довольно часто встречающегося растения вида «вали».

— Чего надо? — бросила та, недовольно усаживаясь на скомканное покрывало и подгибая под себя ногу.

Меня посетила пренеприятная мысль, что делить помещение еще с двумя старшекурсницами и оставаться неразоблаченной я при всем желании не смогу. А чего, собственно, я ожидала?

Персональной комнаты? Почему-то вспомнилось поддельно сопереживающее лицо Фелиции, от которого невольно затошнило.

— Должно быть, я ошиблась, — ответила я, прикрывая дверь.

— Смотреть надо! На двери номер прибит, ошиблась она, — полетело мне вослед.

— Это наверно та самая девушка, про которую половина потока судачит... Может, ее к нам определили? А ты так грубо с ней обошлась... — досадливый голос призвал ершистую соседку быть терпимее.

Чем закончился их диалог я так и не узнала. Собравшись с силами для последнего броска, напрямик устремилась на поклон к Фелиции. Женщина как раз намеревалась покидать рабочее место, как была неприятно удивлена моей необоснованной настойчивостью в просьбе о смене комнаты...

— У нас нет свободных комнат и мы не можем предоставлять помещение в персональное распоряжение адепта! — дамочка теряла выдержку и все чаще на ухоженном лице мелькало раздражение.

— Мне необходима отдельная комната, пусть самая маленькая и невзрачная, — взмолилась я. Ключ с брелком в виде капли, на которой была выгравирована цифра «141» опустился на поверхность стола, приковывая взгляд женщины. — Пожалуйста, поймите.

— Я бы и рада сделать для тебя исключение, но не считаю разумным ставить одних адептов над другими. У нас обучаются дети магистров, торговцев, судовладельцев наравне с детьми рабочего класса. Условия для всех одинаковые! — Фелиция на порядок громче, чем намеревалась, захлопнула стеклянную дверцу шкафа, в который мгновением ранее поставила несколько увесистых папок и чернильницу.

— Да мне хоть на чердаке, хоть в каморке под лестницей! — не унималась я.

— В чем проблема? Ты девочка умная, постарайся избежать конфликтов...

— Госпожа Фелиция, может в подвал меня?

— Извини, мой рабочий день закончен!

Я тут же выдавила скупую слезу, желая во что бы то ни стало добиться своего, и под суровым взглядом продолжила:

— После всего случившегося я искренне надеялась, что академия станет тем уголком, где я найду спасение. Я не вымаливаю привилегий, нет, но если вы действительно испытываете хоть каплю сострадания, то позвольте мне, лишившейся семьи и дома, найти утешение в одиночестве...

— Ну, довольно! Избавь меня от слез.

Я нарочито громко шмыгнула носом.

— Хорошо-хорошо. Будь по-твоему, — нехотя уступила Фелиция. — Я не разделяю твоего желания жить бок о бок с призраками, но, как говорится, дело хозяйское...

Наверно, мне следовало испугаться, но с детства столько слышав о привидениях, я ни разу их не видела и считала бесплодный дух лишь оригинальной выдумкой взрослых, призванной посредством запугивания влиять на нерадивые чада. Да и какой вред может принести призрачный сгусток энергии?!

Дамочка, утомленная спорами не менее моего, вновь открыла дверцу шкафа и достала с нижней полки деревянную коробку. С минуту покопавшись в металлическом хаосе, она вынула парочку ключей нестандартной формы и протянула их мне.

— По месту посмотришь, какая из комнат более пригодна для проживания.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — я была готова расцеловать Фелицию от переполняющего меня счастья, принимая ключи-загогулины из ее рук.

Радуясь прохладе металла в ладони, я выскочила из кабинета. Встав посреди коридора, победно подпрыгнула, вскинув руку с ключами вверх.

Своя комната! Ур-ра!

ГЛАВА 16

Милостивые духи! Не-е-ет, такого ругательства я не знала! Ладно, полумрак и едкая пыль — с этим можно разобраться, раздобыв кристаллический светильник и сделав генеральную уборку;

но как мне, такой слабой и хрупкой девушке, быть с этой горой кровати, которые угрожающе навалены друг на друга... Как назло, этот металлический гигант, откидывающий мрачные тени к моим ногам расположился в единственной комнате, где от звучного чихания не летела на голову побелка.

Ни одного из заявленных приведений я не обнаружила! Мое любопытство разочарованно удалилось, оставив мне разгребать этот неподъемный хаос в желанном одиночестве...

— Как бы мне сейчас пригодилась помощь, лучше, конечно, грубая мужская. Напрасно я так рано ухажера отшила, хотя с другой стороны, на кой мне парень, который с такой легкостью отказался от отношений? Защитничек... слов нет! — бурча себе под нос, я вцепилась в ближайшую к выходу койку и глубоко вдохнула, намереваясь рывком тянуть ее на себя. Судорожный кашель прервал все мои добрые начинания.

— Поганая пыль!

Обтерев руки о подол платья, оставляя мохнатые комки на серой ткани, я вновь ухватилась за металлическую раму.

— Бегала за ним значит? Боялась спугнуть свою любовь? Ну и дела! Да от такого... индюка бежать без оглядки надо! — я зло рванула металл на себя.

Страдальчески скрипнув, кровать нехотя поддалась. Рывок, еще один и я едва успела отпрыгнуть и зажмурилась, когда с оглушительным грохотом машина встретилась с полом, заполнив комнату невообразимой пылью. Стойкий запах сырости и плесени стали еще одним разочарованием, увы, не последним, так как отвратное гроыхание не привлекло ни одного желяющего узнать причину шума. Сгину тут под завалом, и вспомнить обо мне будет некому. Одним духам ведомо как сильно мне хотелось избавиться от бесполезного металла! Увы! Лимит моей прочности был исчерпан. Я свалилась без сил едва солнце начало клониться к горизонту, превращая пространство в сумеречную зону. Уставший мозг нудно пытался отключить сознание. Энтузиазм сгорел, как головешка. Даже простое открытие форточки стало непосильным делом. И было уже не до суеверий, связанных с ночевкой в темном подвале. А ведь впереди меня еще ожидал визит к комендантше...

Я поднялась на первый этаж. От пота мои волосы прилипали к лбу, кожа зудела, но вряд ли хоть одна из беззаботно снующих адептов догадывалась, чем я занималась.

Десяток свечей, цветной комплект постельного, ведро с тряпкой, веник и кусок мыла входили в стандартный набор для вновь прибывших адептов. На этом «щедрость» комендантши себя исчерпала и на простой вопрос: «не завалилась ли у вас расческа?» женщина, разменявшая шестой десяток посмотрела на меня с таким презрением, что я, сгорая от стыда, поспешила скрыться с глаз.

Прохладная вода взбудрила тело, приглушила тянущую боль в мышцах, но от урчания в животе не избавила. Желание бросить в рот хоть пару черствых сухарей завладело всеми моими мыслями. Хотя нет, еще одна мысль покрывала некроманта такой отборной бранью, что его уши, наверняка горели красным пламенем.

— А нечего было срывать мне обед!

Едва заняв пустующий столик, я налетела на ужин как коршун на цыпленка. Рыба в подливке, каша, две четвертинки яблока и компот. Лишь окончательно опустошив содержимое тарелки, я, умиротворенно вздохнув, позволила себе расслабиться и наконец-то оглядеться вокруг.

Организация внутреннего пространства девятигранной обеденной залы была на уровне.

Дневной свет имитировали раковины с зазубренными краями, панцири которых украшали сюжетные композиции. Вместе с костяными ножками они составляли единую конструкцию, превышающую мой рост в полтора, два, а где-то и в три раза. Последний экземпляр вырос из черноты пола, словно цветок света, обретший жизнь в самом центре застывшей лавы...

Отдаленно соответствуя общему стилю, все девять стен заслоняли угрожающих размеров картины. И вот что странно, что-либо увидеть на этих многовековой засолки полотнах было сложно, а где-то и вовсе невозможно.

С недоверием и опаской я вмастривалась в картины, пытаюсь понять столь необычный подход к живописи. Ближайшее полотно омывали лучи утреннего солнца, обрисовывая контур старинного города с улыбочивыми прохожими и детворой, играющей вокруг животворного родника. Все здесь дышало молодостью и силой, счастьем и умиротворением. Другой гигант с оправой из костяного скелета змья, разжигающего адово пламя, утопал в темных разводах,

словно размазанных рукой. Сквозь эти угнетающие потеки с трудом проглядывался мрачный погреб с гнилыми бочками и битым стеклом.

— Б-р-р-р.

Картина под номером три напоминала разбитое зеркало и вообще исключала возможность что-либо разглядеть. От центра картины расходились ломаные лучи, разделяя поверхность на куски разных размеров. Казалось, лишь чудо удерживает мозаику в вертикальном положении, не давая ей осколками осыпаться к ногам. Странно все это. Зато орнамент понятен и говорит сам за себя. Среди кладбищенских оградок сама смерть держала жертву когтистыми лапами...

— Эти черепа так возбуждают аппетит! — съехидничала я и потянулась к ближайшему гиганту, желая коснуться его рукой.

Его поверхность оказалась идеально гладкой и холодной, подтверждая мою догадку. Никакие это не картины — это зеркала! Как же я сразу не догадалась!

Четвертое — если закрыть глаза и прислушаться к себе, то возникает странное чувство, будто паришь в воздухе, словно птица, забывая о времени.

Переполненная необычностью момента я вгляделась в уникальный массив оправы и только сейчас провела параллель с магами воздуха, которые повелевали ветром и были непредсказуемы словно ветер.

Следующие три оправы соответствовали стихиям. Еще одна — друидам. А последняя — девятая напоминала паутину с пойманными в ловушку музами и духами и, видимо, олицетворяла медиумов. Покусывая кусочек яблока, я с интересом разглядывала одну из высеченных крылатых дев, утративших свободу. Слово единственную драгоценность она прижимала к груди флейту, бросая молящий взгляд в зал на равнодушных адептов, среди которых был и мой бывший... А он времени зря не терял! На его коленях уже сидела улыбчивая девчонка. Парень о чем-то болтал с ребятами, обнимая чуть ниже талии объект своего утешения.

«Зря стараешься!» — подумала я, решив, что сцена предназначена Роиль. Мне же ты незнаком и безразличен.

Почему-то от мысли, что Роиль бегала за этим самовлюбленным индюком, стало горько. Да, симпатичен, хорошо сложен, но ничего особенного. Может, у меня ракурс неудачный, а может, я просто не в состоянии увидеть то, что привлекало в нем Роиль.

В толпе адептов, поглощающих ужин, повинуясь порыву, известному одним духам, я отыскала некроманта, который сосредоточенно сверлил взглядом моего бывшего и его новоиспеченную пассию.

Ну и какое до них дело Фицу?

Девушка шатена заметно поежилась и обернулась в поисках раздражающего спину взгляда. В это самое мгновение я попала в капкан изумрудных глаз некроманта; доедать четвертинку яблока тут же расхотелось. Поджав губы, я схватила поднос и не оборачиваясь поспешила к выходу.

* * *

Тусклый огонек свечи осветил причудливую сеть трещин, захватившую стены коридора, придав белесым разводам солей мягкое золотое сияние. Эхо звонких шагов отскакивало от пола словно горошины и, заполняя пустоту, которой не было конца, растворялось в ней, чтобы через мгновение вновь прорезать ее призрачным звоном. В первом часу ночи, высушенная словно сухофрукт, я наконец-то покончила с уборкой. Поставив на пол носатую плоску со свечой, удобнее перехватила готовый выскользнуть объемный сверток матраса с подушкой и принялась застилать кровать, жалея лишь об одном, что запертое насмерть окно мешает мне вдохнуть прохладный ночной воздух.

Сердце тревожно сжалось, когда тишину прорезал скрипучий голос:

— Ее излечит только хорошая порка! Розгами! До наливных синяков на ее толстой заднице.

— Брось, порка не прибавит ей ума! — усмехнулся второй твердый голос.

— Зато в следующий раз она подумает, прежде чем лезть в подвал.

— Храбрая девочка...

— Пустышка неуклюжая! — проскрипел призрак, очертания которого начали постепенно обрисовываться, являя скрюченного старика в длинной мантии. Ткань, стянутая под горлом, придавала его фигуре еще большую горбатость, подавленность, немощность.

— Ну наконец-то! Дождалась! — с облегчением выдохнула я и, присев на матрас, уставилась на возникающие из-под пола белесые фигуры, которые своими телами недурно осветили комнату. Они были веселее моего тусклого огонька свечи.

— И где же вы раньше-то были? — беззлобно упрекнула призраков.

— Я буду настаивать на том, что девочка все-таки храбрая, — сказал громила, контуры которого так и остались смазанными.

— Как можно принимать за храбрость неспособность продумывать последствия своих решений? — негодуяще возмутился старик.

— Да пока все продумаешь, необходимость к действию отпадет!

— Это мы еще поглядим, что у кого отпадет... — многозначительно буркнула седая голова в мантии.

Видимо, рановато я записала старичка в ряды немощных. Хотя... мне свойственно ошибаться в людях, что уж там говорить о призраках?!

— Господа, — вклинился бархатный голос, обладатель которого напоминал аристократа с благородной лендой в движениях. — Она еще не знает, что ее ждет. Когда поймет, как бывает подчас невыносимо трудно жить в безлюдном подвале, тогда мы поглядим, как быстро она сдастся.

— Так на чем мы остановимся?

— Выбор в нашу пользу храбрый, но дико неудачный, — громила повернул ко мне лицо и расплылся широкой улыбкой.

— А мне вообще чихать на бесхребетных барышень, — пробасил прокуренный голос прямо мне в ухо. Я отпрянула и нервно обернулась, уткнувшись носом в добротное пузо. Вкинула голову и застыла как замороженная.

К этой мужской фигуре, стоящей посреди койки, мой взгляд словно приклеился. Дорогой костюм, массивная цепь, выставленная явно напоказ (которая в прошлой жизни была отлита не иначе как из высокопробного золота), внушительная эфемерная трость, рукоять которой идеально ложилась в ладонь, прожигающий презрительный взгляд, — столько пафоса в маленьком бездыханном призраке, что в голове не укладывается. Он поднес трубку к губам и, склонившись, выдохнул мне в лицо густое облако, испытывая полный букет наслаждения.

Я взмахнула руками и только после поняла, что никакого запаха табака нет.

— Господа, вы безусловно правы! Каждый по-своему. Но заметьте, в любом случае, и храбрый, и глупый человек должен уметь быстро бегать. Случаи ра-а-азные бывают... — пропел женский голос, за которым спустя мгновение проследовала дама в сюртуке, сшитом на женский манер. Словно издеваясь надо мной, она оставляла на полу белесые следы, которые немногим погодя начали таять, подобно податливому свечному воску.

— Да вы только взгляните на нее, — кивнула в мою сторону старческая поганка и вот чувствовала я, что спор затянется и гости нескоро освободят помещение.

Каждый из присутствующих в комнате критично меня осмотрел и каждый проделал данное действие в непринужденной, присущей только ему манере. Под взглядом курильщика я ощутила себя бракованным товаром, место которому на помойке. Сцепив зубы, я мысленно пообещала этому... пузатому облаку в штанах, что придет время и мы непременно сочтемся. И «барышню бесхребетную» я тебе припомню! Все припомню!

— Ее живот говорит, что бегать он ей не позволяет, — заржал смазанный.

— Как можно носить такое тряпье?! — курильщик скривился и с отвращением сплонул.

Меня накрыла волна злости, хотя я и понимала, что его желеподобная помесь слюней с соплями исчезнет, просто выглядело это уж очень по-хамски. Он же видел, что я здесь все надраила!

— Ее платье вызывает у меня тошноту! — согласно кивнула эта «благородная» дама. — Да и по шее никому не надаешь, так чтоб не сверкнуть панталонами.

— Господа, — удивился аристократ, — выбор, сделанный в пользу платья — это следствие не потемненного страстями ума. Разве подобное можно ставить девушке в вину?

— В первую очередь она маг, а все остальное мелочи, не достойные внимания! — тут же рассудила старческая поганка.

Повернув голову ко мне, «благородная» дама не преминула дать чисто женский совет:

— Деточка, ты просто обязана следить за своим весом! Еда не должна быть важнее красоты! А лень не должна руководить тобой!

Шаткую плотину моего терпения прорвало:

— Я вам не деточка! Бегаю я быстро, особенно, когда есть стимул, а лишние килограммы жить мне не мешают. И знаете что? Не желаете ли вы вернуться в потусторонний мир? Длительные беседы утомляют, особенно в вашем возрасте...

— А не занять ли тебе комнату этажом выше? — оскорблено воскликнула дама.

— А не пойти бы вам... эфирных бабочек ловить!

К моему разочарованию никто никуда не пошел. Эфирные тени расселись на претерпевшей изменения железной куче и недовольные пренебрежительным к себе отношением предпочли заняться обсуждением новой проблемы. Пытаться заснуть, когда призраки спорят о морали и нравственности молодого поколения, задача не из легких, скажу я вам.

Наши отношения как-то сразу не заладились, но зато я получила ответ на вопрос: почему адепты избегают подвала. Совсем не из-за страха перед призрачными болтунами, а из-за отсутствия возможности заниматься и элементарно высыпаться.

Сегодня именно этого меня и лишили.

— Изверги!

ГЛАВА 17

Беден ли человек, богат ли, вовек ему не стать добродетельным и счастливым, если волей фортуны он окажется не на своем месте.

Вовенарг

Солнечное утро следующего дня лениво проплывало мимо.

Подперев кулаком щеку, я сонно зевала, вполуха слушая профессора по предмету «Нематериальное начало». Молодая женщина, опрятная и невероятно красивая, с белоснежной улыбкой и игриво завитыми локонами генерировала мечтательность, излучая счастье и любовь. Она светила, словно чашечку утреннего кофе заменил коктейль из росы и солнечного света. Подобное состояние ненавязчивой отрешенности от канители монотонных будней являлось для нее нормой, я же была далека от этой «феерии чувств». Сложно оставаться в чужом образе самой собой, сложно демонстрировать счастье, тем более, когда оно отсутствует в твоей жизни. Неудивительно, что у меня и близко не было желания постигать искусство радоваться каждому мгновению. Мои мысли на ближайшее будущее сводились лишь к тишине, темноте и здоровому сну.

Просто и в то же время нереально.

— П

у

галы прибудные... — сорвалось с моих губ ругательство в адрес призрачных соседей по комнате.

С последних парт обернулось несколько человек. По их довольным ухмылкам и веселому блеску в глазах стало понятно, что слухи по общежитию разносятся с завидной скоростью и мой выбор в пользу подвала не остался без должного внимания. Я закатила глаза и страдальчески уронила голову на парту, но непривычная тишина заставила меня выпрямиться.

— Роиль, мы вам не мешаем? — любопытствовала мадам Шилла.

— Извините, — только и смогла выдавить я из себя.

Словно решив поиздеваться надо мной, профессор плавно сменила тему и весь академический час мне пришлось слушать про мирное сожительство с призраками... И это после того, что я вытерпела сегодня ночью!?

Конспектировать лекцию совсем не хотелось и я лениво зевала, но когда профессор завела речь о закрытой библиотеке старого монастыря в Дастое, я перестала мечтать о кровати и с интересом стала ее слушать.

— Уважительное отношение к призракам обеспечат вам спокойную жизнь на одной с ними территории. Конечно, если речь не идет о таких аномальных зонах, как Дастой. Стоит зажечь в главной зале монастыря лампадку и прочесть молитву, как стеллажи, сплошь заставленные старинными фолиантами, заслонят собой голые стены, а вокруг вас появятся множество сундуков с редчайшими книгами и ларцов с уникальными свитками. С первыми лучами солнца лампадка погаснет, и призрачное видение начнет тускнеть, пока не исчезнет вовсе...

— Звучит заманчиво, однако, если бы монастырь был богат древней библиотекой, от желающих постичь тайные знания не было бы отбоя, — засомневалась «Мисс очарование».

— Люди покинули Дастой, считая, что эта земля не для живых, и местность пришла в упадок.

— Людей можно понять. А как же маги?

— Маги были первыми, кто решил забыть о существовании Дастоя. Ведь чтобы читать на незримом языке нужно самому стать призраком. Когда один за другим сильнее маги, шагнув за грань, забывали кто они и не могли обратно вернуться в свои тела, было принято решение стереть Дастой с карты Лариусского королевства.

Я подняла руку.

— Роиль?

— Неужели не было тех, чья душа воссоединилась с телом.

— Были, — достаточно резко и сухо ответила госпожа Шилла и после незначительной паузы продолжила лекцию.

Не услышав должного ответа, я вновь подняла руку, но профессор предпочла этого не заметить, и я набралась наглости ее перебить.

— Кто они? И что с ними стало? — громко спросила я.

— С кем? — сделала вид, что не поняла госпожа Шилла.

— С теми, кому удалось пережить ночь в библиотеке.

— Они связали свою жизнь с деятельностью Совета, — ответила она туманно.

Или Совет связал их по рукам и ногам. Вероятнее всего, им не раз приходилось, повинуюсь приказу, нарушать покой монастыря шелестом листов. Умирать, каждый раз испытывая свою судьбу, чтобы искать ответы на чужие вопросы...

— И во сколько Совет оценивает смерть своих подданных? — с вызовом вдруг выкрикнула я.

— Роиль Чансе, ваша бестактность не допустима! — возмутилась мадам Шилла, смерив меня убийственным взглядом.

— Извините... еще раз, — словно очнувшись пролепетала я, смущаясь под многочисленными взглядами адептов.

— Я продолжу! — и она продолжила рассказывать о высшем долге каждой семьи перед бестелесными колобродниками, о могуществе и знании духов, об уважении к ним и о том, что недаром в каждом поместье старинного рода имеются родовые святилища, так называемые «Врата ожидания»...

Адепты вернулись к своим записям, когда Фиц обернулся ко мне и бесшумно заплотировал. Видимо своими вопросами я попала в точку. И хотя повышенный интерес к моей персоне напрягал, но одобрение некроманта было столь неожиданным и столь приятным, что захотелось нарисовать Фица, передать в рисунке пронзительный взгляд зеленых глаз. Получится или нет? Вслед за мыслями перо скользило по бумаге.

Мы с Фиционом такие разные. Я боюсь магов, он смотрит на них с презрением. Мне лучше одной, ему проще с мертвецами. Мы не верим в искренность слов, не ждем понимания. Мы не такие как все. Нет, я не вбила себе в голову иллюзии относительно своей исключительности, да и Фица сложно назвать надменным, но мы оба возвели невидимую, неприступную стену между собой и всем миром и в этом мы с ним похожи...

Я не заметила, как пролетело время и звонок на перемену заставил подскочить от радости.

Аудиторию накрыл шум собирающихся адептов.

— Задание к концу месяца, — осадила нас госпожа Шилла. — Вам необходимо заручиться доверием одного из призраков, проживающих на территории академии и узнать знаменательный момент его жизни или смерти. Особо изворотливых вынуждена предупредить:

вся литература, где есть упоминания об известных личностях, обитающих на территории академии на месяц будет запрещена к использованию. Дерзайте! Только не вздумайте прибегать к жертвоприношениям и ритуалам на крови. Тем, кто справится, зачет в полугодии поставлю автоматом, но это не освободит вас от посещения лекций. Свободны.

Я захлопнула тетрадь, дождалась, пока аудитория опустеет и направилась в столовую. Это надо же было так непредусмотрительно послать призраков прошлой ночью!

Едва подошла очередь выбирать блюда, как неожиданный укол в плечо вынудил меня опрокинуть поднос. Резкий металлический звон привлек внимание адептов, заинтересованные взгляды которых не могли не подействовать на меня раздражающе. Я сердито уставилась на знакомое лицо.

— Ах, какая жалость! — поравнявшись со мной, протянула девица — помесь дивной красоты и чудовищного характера.

Ах, если бы вместо дара иллюзии я могла испепелять взглядом...

— Проголодалась? — резко бросила я. — Налетай!

Отодвинувшись, я дала возможность Аливе приступить к выбору выставленных блюд.

— Только не ешь слишком быстро, а то поправишься! — дерзко добавила я.

— Ты последняя к кому бы я прислушалась! Ни красоты, ни вкуса, ни здоровья! Ты больше похожа на мешок, набитый конским волосом, чем на мага! — с брезгливой жалостью сказала блондинка. — Ума не приложу, что Анест мог в тебе найти?

«А он и не искал, он просто не выдержал осады», — мелькнула мысль, но тут же была раздавлена пониманием, что я действительно с изъясном, и под какой бы оберткой я не скрывала себя настоящую, мне никогда не стать магом. Я не способна нанести кому-либо ни физический вред (слишком слаба), ни магический, не способна создать и не способна разрушить. Более того, я так и не смогла избавиться от дрянного браслета из можжевельных бусин, который уже подвел меня однажды...

Наверное, я бы погрязла в своих недостатках и промахах, навесила на себя ярлык неудачницы, а после разревелась горькими слезами, но злость и голод запретили мне быть слабой. Я схватила горячий пирожок с повидлом, демонстративно положила его себе на язык и, жуя, рявкнула:

— Зато я ни в чем себе не отказываю! А ты можешь пожевать спаржу — заешь горечь недовольства, вынуждающую тебя вторгаться в мою личную жизнь!

Судя по тому, как блондинка поджала губы и полыхнула взглядом, удар достиг цели. Мы квиты, Аливе! Выяснить бы, в чем я перед ней провинилась?

Выбор тощей девицы несколько меня не удивил, я же отдала предпочтение выпечке, — видимо, организм по сладкому соскучился.

Немногим позже я сидела за столиком и, скрестив на груди руки, смотрела на некроманта, который сверлил меня взглядом, не сводя с лица мрачную улыбку. Вот дух неприкаянный! Еще один повод для головной боли и упаднического настроения... Да сколько можно?! Пришлось мысленно вклеить себе пощечину, успокоится и покинуть столовую, проиграв дуэль взглядов. День прошел, как говорится, на одном дыхании. Правда на последнем уроке по плаванию вышла неприятная заминка — ну откуда мне было знать, на что способны маги воды?

— Роиль, почему не в купальнике? — сухо поинтересовалась тренер.

— Я плавать не умею, — попыталась оправдаться я, провоцируя едкие комментарии адептов.

— Роиль, да будет Вам известно, последнее, что может сделать маг воды — это утонуть! Живо переодевайтесь!

Пришлось отбрезаться, что настали те самые дни. Усевшись на каменистый берег, я наблюдала, как моя группа рассекает океанскую гладь, готовясь к какому-то соревнованию. Два академических часа под лучами палящего солнца — не самое удачное решение тренера. Наконец, дали добро на отдых и шлепая к раздевалкам, адепты громко выясняли, кто более достоин стать капитанами их команд.

Провернув ключ в замочной скважине, я толкнула дверь и разместила под кровать стопку книг из библиотеки. Койки мне особо не мешали, вот только пыль на них раздражала, но от мысли убить еще один вечер за уборкой передернуло. Я решила потратить время с пользой, взяла одну из необходимых к прочтению книг о духах и улеглась на кровать.

Когда комнату заполнил неприятный полумрак, я оторвалась от увлекательного повествования одного из экспертов в области заблуждений, наполняющих невидимый мир, и взглянула на жалкий огарок в носатой плошке. Самое время навестить в лавку за масляной лампой.

Даже не пытаясь ловить удачу с комендантшей, я покинула главный корпус академии. Вызнав у одного из прохожих необходимую информацию, решила совместить покупки с неспешной прогулкой по вечернему портовому городу, живущему своей тайной жизнью.

Солнце скрылось за гребнями черепичных крыш, забрав с собой стесняющую дыхание жару. «Лунные змеи», овивающие кованый металл столбов, осветили городские улицы. Я удобнее перехватила потертую котомку. Лампа оказалась совсем недорогой и продавец оставил о себе приятное впечатление. Я свернула в проулок, обошла зарешеченную повозку с пустующими козлами и остановилась. С противоположной стороны распахнулась дверь, свет очертил силуэты мужчин, спешно покидающих таверну. Двое плечистых стражей впихнули в повозку бузилу в рваной рубахе и драных штанах. Лязгнул замок, хлестнули вожжи, скрипнули колеса, увозя пьяного арестанта.

«Да уж, не повезло кому-то...» — подумала я и поспешила, чтобы не опоздать к ужину. Но стоило ступить на порог общежития, как нездоровое оживление в холле, тщетно скрываемые смешки старшекурсниц под прицельным взглядом вспыльчивой комендантши — заставили меня насторожиться.

Да что происходит-то?

Нехороший клубок предчувствий свернулся внутри, когда, едва не сбив меня с ног, одна из второкурсниц, что-то прижимающая к груди, скользнула на узкую лестницу, ведущую в подвал. Озираясь, я ступила следом.

Это был удар под дых. Представшая моему взору картина, заставила опустить зад на одну из двух злосчастных ступеней, которые я была уже не в силах преодолеть. Они! Все! Вся женская половина второго курса в моем подвале!

«Призраков приманивают...» — дошло до меня.

Я устало поднялась. Огибая разгневанных адептов, решающих вопрос острой нехватки места, я не сдержалась и заглянула в раскрытую дверь одной из комнат. Небольшая стайка девиц, что-то бессвязно бормотала, взявшись за руки вокруг раскрытого деревянного сундука. И хватило же сил притащить сюда такую тяжесть!

В другой комнате тоже решили действовать сообща: поставили зеркала напротив друг друга и мычали, покачиваясь в такт. Да-а-а, что-то я в этой жизни не понимаю!

В третьей что-то варили, в четвертой — курили, в пятой — распивали и только в шестой... меня послали. Знала бы, что дверь настолько скрипучая — обошла бы ее стороной. Поспешно закрытая дверь изолировала шум, словно ножницы рассекли атласную ленту.

Звучно чихнув, я в ту же секунду кинулась к своей комнате, охваченная смутными сомнениями. Каждый нерв был натянут словно струна. Ох, не приведи духи, добродушной Фелиции доверить ключи от моего убежища этим чумазым сорвиголовам в неприлично обтягивающих задницы штанах. Пальцы легли на ручку и нервно дернули. Дверь не поддавалась. Ха!

Вставив ключ в замочную скважину, провернула загогулину и в бессознательном простодушии толкнула дверь.

Как не заорала — не знаю! Чудом! Чу-дом!

Темноту заливал свет. Множество белесых фигур теснились в маленькой комнате как селедки в бочке. Лишенная дара речи, я была раздавлена, разрезана бесчисленным количеством невозмутимых глаз, заставивших почувствовать себя на этом празднике жизни ничтожным червем! Даже эфирная псина и та стрельнула в мою сторону мутными, напоминающими два жемчужных агата глазищами.

Тебя-то что удерживает на грани — кость недоеденная?

Не сговариваясь эфирные головы отвернулись и духи продолжили оживленно обсуждать, кого из них желают видеть соплячки-адепки и кому какие почести воздают:

— Госпожа Шилла вновь удочку закинула...

— Каждый год одно и тоже... и каждый год ни одного зачета.

— Мы уже тысячу раз это обсуждали! — проворчал один из призраков, непонятно как умастившийся на узком подоконнике.

— Это не главное! Главное то, что госпожа Шилла умеет создать настроение многоуважаемым господам — это ж какая благоприятная почва для беседы!

— Почва-то старая, а вот семена новые. В девятой красotka коровье копыто притащила и сидит заговаривает.

— Подумать только!/?

— Бреешь! — не выдержал «колобок» на подоконнике и, насупившись, отвернулся.
— Не веришь — сходи и сам убедись. Такая милашка... глядишь, при виде тебя еще больше рвения проявит.
В комнате одним привидением стало меньше.
— Надо же, копыто!
— И где сумела достать?
— Хоть какое-то разнообразие среди зеркал, свечей, красных лент и магических дощечек. И не бояться же...
— И вроде бы знаешь, чего от них ждать, ан нет! Год на год не приходится.
— А ты чего уставилась? Хватит истуканом стоять! — бросил мне курильщик и заржал, хлопая себя по пузу.
— Как мило с вашей стороны, что позволили мне войти! — трогательно протянула я, переступая порог.
— Вы что, все... рехнулись! У вас что, другого места для посиделок не нашлось? А ну пошли вон из моей комнаты! — выпалила я на одном дыхании, не отрывая взгляд от мужских сапог на моей подушке.

— Господа, мне кто-нибудь объяснит, что это сейчас было? — откашлявшись, прохрипел курильщик.

— Нас гонят?!
— А глаза у нее нехорошие! Того гляди кровью нальются...
— Нельзя так напрягаться, деточка! — очередной совет от дамы.
— О! Совсем забыл, в мужском общежитии куриные глаза используют, не желаете взглянуть? Призраки переглянулись, но с места белесая шелуха даже не сдвинулась.
— Когда ж эти дети повзрослеют?
Многострадально захныкав, я завалилась на матрас.
Это было невыносимо!

ГЛАВА 18

Не так я представляла свою академическую жизнь.
Первые пары я благополучно проспала.
Нет, еще одной такой ночи мне не пережить! Но и академию я не оставлю, не оставлю, даже если она всеми силами возжелает от меня избавиться.
На паре по «Магниту благ» я спать не решилась, зевала и то украдкой. Старичок устроил небольшой опрос по теме прошлых лекций, дотошно прошелся по форме амулета и мы, наконец, приступили к практике. Интересная, кропотливая работа стала прекрасным средством для поднятия настроения и уже к концу второго занятия в печи запекались три десятка глиняных «блинов».
— Господа адепты, мы встретимся с вами в пятницу вечером и зарядим ваши первые амулеты. Занятие окончено, — лысый дедок жестом указал нам на дверь.
Я шла, тихо улыбаясь, мысленно я все еще работала с глиной, руки отчетливо помнили ее податливость и успокаивающую прохладу.
Светлые чувства смазал спортивный костюм размера... Батюшки! Вот что это за чувство юмора у судьбы?! Но шутки на этом не кончились: чертовски обаятельный, занимающий первое место в мыслях девчат, тренер по боевым искусствам встретил нас сногшибательной улыбкой и словами:
— Десять кругов для разогрева. Бегом — марш!
На уровне разума я понимала, случись что, мага в последнюю очередь будут спрашивать, хорошо ли он спал? Готов ли к бою? — в моем случае с десятью километрами, но мое тело не принимало насилия. Оно вообще жило своей жизнью, подчиняясь одному ему известному ритму, и «разогрев» в его планы не входил.

— Чего вы ждете, Роиль? Особого приглашения? Догоняйте!

— Прекрасно! Отлично! Счастлива как никогда раньше! — проворчала я подчиняясь.

Штаны висели на мне мешком, неустанно вынуждая их поддерживать. Нет, со стороны все выглядело прилично — я все-таки спец в своем деле! Да и не планировала я показывать достойный результат, просто не хотелось становиться объектом насмешек: героически преодолевать четвертый круг, когда лидеры группы зашли на десятый — это приговор для мага. В числе первых оказался некромант, парень в который раз обогнал меня, как легкое парусное судно в ветреную погоду обходит рыбацкую посудину.

Пять кругов стали моим пределом. Судорожно глотая воздух, я едва доползла до финиша и упала без сил.

Хреново было мне одной. На лицах девчат, продолжавших упражняться на газоне внутреннего двора, читалось явное веселье, в то время как тренер соображал, что делать со мной. Красавчик-садист недовольно поджал губы и что-то чиркнул себе в журнал.

— Как самочувствие? — склонившись надо мной, излишне вежливо поинтересовался он, провоцируя вспышку девичьего смеха.

— Выживу, — прошипела я сквозь зубы.

— Вот и хорошо. Так, молодежь, разбиваемся на пары! Роиль, Вас это тоже касается!

Не прошло и минуты, как адепты в безликой серой форме стояли парами друг напротив друга и ждали дальнейших указаний, я осталась не у дел — мне попросту не хватило пары.

Никому не нужная, с колотящимся сердцем в груди и дрожащими ногами, сижу в надежде, что меня не заметят и оставят в покое. Ан нет.

— Маг, какое бы направление не выбрал, от силовых структур до сферы обслуживания, должен защищать себя, семью и королевство. На одной стихийной силе не протянешь (и прямой взгляд на меня). Нужно уметь вести бой! А без должной физической подготовки боевое искусство превращается в нелепый танец. Для тех, кто еще не понял, самое время уяснить, что мы здесь собрались не попами крутить. Роиль, вставайте! Ваша пара Фицион!

— Нет! — взвизгнув, наотрез отказалась я.

Вышагивающий по рядам тренер остановился и спокойно поинтересовался:

— Что нет?

— Не встану! — заупрямилась я, зрительно уменьшаясь в росте при виде ядовитой некромантской ухмылки, обещающей похоронить мое светлое будущее.

Мой расчет сводился к тому, что за прошлый год Роиль всех настолько достала, что никому и в голову не придет подходить ко мне и, скажем, дружески обнимать за плечи. Да с первым же захватом некромант поймет, что дело нечисто! Ладно, столовая, там я при помощи подноса, якобы прижатого к животу, могу создать нужные формы там, где их нет и следующий за мной, толкнув в спину в нее и упрется, когда со стороны груди... а кто захочет лапать мою эфемерную грудь?!

— Можно я откажусь? — в голосе прозвучала глубокая мольба.

— Зачем вы тогда явились на мое занятие? Для чего поступили в академию? Сидели бы дома, супы варили, салфетки плели, стригли газоны в домах господ!

Покраснев от стыда, я принялась оправдываться, спотыкаясь на каждом слове.

— Прекратите этот балаган! — приказал тренер.

Я заткнулась, мысленно коря себя за несдержанность.

— Продолжим занятие.

Со стороны тренера шла информация по стойке, в которую один из партнеров должен был встать, а поскольку я не особо вслушивалась, лелея злость и обстоятельно обдумывая варианты осторожного отступления, то стойку принял Фиц, тем самым возвращая меня в реальность.

Я должна была... схватить некроманта и потянуть его на себя! Его ответные действия были до безумия просты и до невероятного недопустимы. А что может помешать Фицу с силой отбросить меня в направлении моей тяги и немного вниз, а после провести заднюю подножку?

— ...и рывком бросаете противника к своему левому носку, — закончил тренер. Все понятно?

Милостивые Духи! Я, блин, совершенно не намерена валяться под парнем, я вообще создание нежное, ранимое, вдобавок ко всему не выпавшееся!

— Поздно отступать,
воробушек

, — обласкал меня зеленоглазый упырь с зачатками ментальной телепатии.

Ох, зря ты со мной так, некромант! Зря!

— Если все понятно, Кнот, покажем, — тренер кивнул одному из адептов.

Мужчины встали в стойку. Кнот потянул тренера на себя, я едва успела моргнуть, как тренер повалил обидчика, замер, распрямился и, рывком возвращая парня в вертикальное положение, продолжил наставления:

— Заднюю подножку можно исполнить и падая вместе с противником.

«Это конец!» — подумала я и беспомощно усмехнулась.

Озадаченный моим весельем, Фиц мельком нахмурил брови:

— Что тебя так развеселило?

— Да я тяжелее тебя раза в два буду!

— Не волнуйся, не оплошаю, — с каким-то ненормальным удовольствием протянул некромант. Он украдкой раскрыл ладонь, по которой пугающе и завораживающе с одного пальца на другой скользнуло несколько лент, окрашенных зловещими химеричными переливами.

Фицион, Фицион, касаясь своей сути, ты даже не представляешь, какой механизм запускаешь, ведь не рассчитав силу, ты чего доброго умудришься лишить меня дыхания, а вместе с тем и судорожно удерживаемой иллюзии. Что тут тогда начнется — страшно представить...

Атакованная мыслями одна ужаснее другой, я достигла той точки кипения, когда отбрасываешь страхи. Мне хватило наглости украсть чужую жизнь и примерить ее на себя, словно поношенное платье. И чтобы это платье не пошло по швам, а этот день не остался в памяти как последний день в академии, я вынуждена была прибегнуть к не совсем честным методам.

— Приняли стойку, — скомандовал тренер.

Приняли.

— Схватили противника.

Схватили.

— Потянули.

Сдавленный хрип разнесся по округе, некромант упал на колени, уткнувшись лбом в газонную траву. Обнявшиеся пары так и замерли, повернув в нашу сторону головы с одинаково ошалевшим выражением на лицах. Ну, хоть картину пиши! Била я от души, так, чтобы наверняка. А что мне еще оставалось делать?

— Роиль. Что. Это. Значит? — убийственным тоном потребовал объяснений тренер.

— Он меня... схватил... э-э-э за грудь!

Услышав такое объяснение, некромант, не разгибаясь, рвано выдохнул, но опровергать мою ложь не стал.

— К ректору! Оба!

Гора с плеч! Хух, я развернулась и гордо пошла прочь, некромант был не в состоянии передвигаться, оно и понятно.

Получив разрешение секретаря, я вошла к ректору.

Встретил меня залитый светом просторный кабинет. Сделав шаг, я опустила взгляд и замерла.

Как зачарованная я смотрела на пол, всю площадь которого занимала карта города Табел с прилегающей к нему территорией. Под моими ногами, будто за стеклом, своей жизнью жил волшебный мир, где по синей глади, словно улитки, тянулись корабли, и если присмотреться, то можно было разглядеть спущенные паруса. Портдовый город представал бесчисленным количеством черепичных крыш, оплетенных паутиной дорог. Я скользила взглядом по районам, щедро разбавленным хлопьями сочной зелени и зарыбленными прудами, придающими городу особый колорит. Внимательно присмотревшись, я удивилась отсутствию всяких одушевленных объектов на улицах, переулках и площадях. Взгляд упал на отрезок реки, берущей свое начало в неприступных скалах, купающихся в густом тумане... Проскользнула мысль, что не мешало бы прикрыть рот и вернуться в реальность, потому как вполне может статься, что в прошлом учебном году Роиль уже входила в эту дверь. А раз так, то столь явное удивление с моей стороны, тесно перемежаемое с восхищением явно излишне.

К слову о двери, ее велели закрыть, пройти и сесть.

Внутренне сжавшись, я переплела пальцы и взглянула на ректора, восседающего в кресле напротив. Это был крупный мужчина с серьезным выражением лица, ценитель эстетики и вместе с тем практичный человек.

— Представьтесь.

— Роиль Чансе — адептка второго курса.

— Что у вас, Роиль?

Причину своего появления на пороге его кабинета я объяснила сухо, не вдаваясь в подробности произошедшего недоразумения. Ректор неодобрительно покачал головой, на что я выдала: «издержки воспитания, нечего покушаться на чужое добро!» Выговор меня более чем устроил. Извинившись за то, что отняла ценное время, я распахнула дверь и лоб в лоб столкнулась с некромантом.

Под буравящим взглядом изумрудных глаз меня пробрал лихорадочный озноб, но успокоив себя тем, что при свидетелях он не посмеет совершить убийство, я поспешила в общежитие. Заперев за собой дверь на два оборота (был бы шкаф и его бы придвинула к двери, не знаю как, но... нашла бы силы!) я стала ждать.

Попытка отвлечься и прочесть, к примеру, теорию сопротивления стихиям с треском провалилась. Как можно постичь смысл значения сопротивления, уменьшающего или увеличивающего вред, произведенный атакой стихии, когда в голове они скелеты бегают и костями гремят...

Дверь содрогнулась, но не открылась, да, ждать меня не заставили.

— Роиль, открой, поговорить надо, — неожиданно дружелюбно просил некромант.

— Уходи, я себе не враг!

— Я понес наказание за преступление, которого не совершал! Как думаешь, справедливо будет открыть мне... причину твоей лжи?

— Может и справедливо, только я не готова открывать ни дверь, ни правду!

— Обещаю, что не причиню тебе физического вреда.

— Я тебе не верю! — мы людей по себе судим, что уж там про нелюдей говорить...

— Роиль, будь умницей, в твоих интересах не затевать войну, в которой ты заведомо обречена на поражение.

Если я не имею возможности продемонстрировать врагу свою силу, это не значит, что я заведомо в списке проигравших!

— Хорошо,ждемся ужина.

На ужин я благоразумно не пошла — уж лучше я останусь голодной. Кто знает, какую отместку он мне уготовил! Выходить по нужде тоже боялась, терпела, пока меня совсем уже не придавило. Пулей метнулась в уборную и несясь обратно поймала себя на мысли, что стоило бы подружиться со своими призрачными соседями, хотя бы для того что бы знать, не стоит ли кто у меня за дверью.

Завалившись на кровать, я впервые за несколько часов расслабилась и с облегчением глубоко вздохнула. Как мало мне нужно для счастья!

Еще бы убрались все эти наивные барышни со своим бормотанием.

Некромант успокоился.

Приведения рассосались.

Да окно открыть и койки лишние оттащить, да... в общем, здесь все ясно.

Из вяло текущих мыслей меня вывело журчание. Самое натуральное журчание! В моей комнате в углу, задрвав заднюю лапу, метила территорию наглая псина.

Мне не понять их чувства юмора!

Я вскочила с кровати и разъяренной фурией бросилась на несчастного ссыкуна, благополучно ускользнувшего сквозь стену. Видимо, сыграли инстинкты... у пса, разумеется!

ГЛАВА 19

Сытый зевок вызвало у меня очередное повторение истории одной из адепток, как призывая графа Суре де Литиона, та едва не лишилась чувств, когда из стены на нее кинулся огромный злощный — презлющий пес. Я сбилась со счета, сколько бутербродов умяла, пока слушала

ужасно страшную историю. Это ведь было так... так... забавно! А слушателей все прибывало и прибывало...

— Тебе повезло, ты хоть кого-то смогла призвать, а я до двух ночи просидела и ничего! Потом волосы устала расчесывать! — прозвучал первый сонный голос.

— И у меня ничего, — поддержал раздосадованный неудачей второй.

— А так хотелось зачет получить...

— Глупышки, — эффектная блондинка приблизилась и уложила бедро на угол стола, собирая недоуменные взгляды, — прежде чем спускаться в мерзкий подвал и пыль волосами мести, поинтересовались бы у старшекурсниц, было ли у них такое задание и кто с ним справился!

— Аливе, что ты хочешь сказать? — воскликнула одна из девушек и закашлялась, подавившись ломтиком сыра.

— А нечего тут говорить, — сочувственно рассматривая побагровевшую бедняжку, пояснила Аливе: — за последнюю пару лет ни один призрак не явился на вызов! Ни к кому!

— Самая умная, да? — завелась тоже белокурая с пушистыми волосами. — Где же ты раньше была?

— Ты ставишь мне в вину наличие ума? — сдерзила Аливе.

Умеют блондинки найти общий язык...

— Прекратите, мы сами виноваты! Ринулись толпой грязь месить! — оборвал еще один девичий голос.

— Ладно, девушки, хоть кому-нибудь призыв удался?

Хор раздосадованных голосов стих и в столовой повисла тишина.

— Ко мне призрак пришел, — прозвучал не слишком убедительный голос.

Все обернулись на адептку, так апатично обозначившую свою победу. Бледная, с худым утомленным лицом и растрепанными волнистыми волосами она не смела поднять и взгляда.

— Что ты сказала?

— Я сразу поняла, что здесь не все чисто и использовала запрещенный метод... — равнодушно начала она, помешивая ложкой остывшую кашу.

— Подробности, Рита!

— Мы жаждем подробностей!

— Я бы рада, но боюсь вас разочаровать, — вся столовая превратилась в один огромный орган слуха, даже раздатчицы и те замерли, не смея прервать «еле живой» рассказ. — Я стащила с бойни копыто коровы и вот, призрак пришел. Только... он глухонемым оказался. Уже вторую ночь мы пытаемся понять друг друга, но кончается все тем, что обессилев, я засыпаю прямо на грязном полу... А сегодня с утра, вот, раздражение на коже, — совсем бесцветным голосом закончила девушка, пальцами касаясь нездоровой кожи щеки.

И тут я не выдержала! Заливистый смех ударил по ушам собравшихся, как звон колокола пререзает тишину молчаливым туманным утром. Не поймите меня не правильно, если история с собакой немного развеяла и подняла настроение, то эта парочка, разыгрывающая глухонемых — заставила мои эмоции взлететь до небес. И самое главное, я, наконец, выпустила из головы неподвижно сидящего некроманта, который все утро не сводил с меня глаз.

— Веселишься, Роиль? — прошипело сразу несколько девушек, почувствовавших себя набитыми дурами.

— Конечно! — не стала лукавить я и отшутилась: — ни что так не поднимает настроение, как глухонемое привидение!

Мой хохот не оценили даже ребята, взглядами приказывая мне заткнуться.

— Роиль, ты у нас совершенно не знакома с чувством такта?!

— Какой спрос может быть с деревенщины? С детства расти в бескультурии и грязи, подумайте сами! Свинья, выведенная в общество, остается свиньей! — с улыбкой бросила блондинка, в попытке окончательно размазать меня по стенке.

— Что Аливе, вновь пытаешься скрыть свою несостоятельность за оскорблениями? Не надоело, спица костлявая? — прошипела я, приподнимаясь со стула.

— Вижу, у нас на субботний вечер дуэль намечается. Надеюсь, хватит смелости явиться вовремя! — с улыбкой проворковала блондинка.

Я вытянулась в лице — разве такое... практикуется в академии?

Кажется, я напрасно озвучила свой вопрос, на что маг огня (капец мне полный!) поспешила отреагировать:

— Что за детский лепет?! Разумеется, дуэли разрешены! А как иначе? На второй площадке, скажем в шесть вечера? И прихвати секунданта, он тебе понадобится.

— Зачем секунданта?

— Дотащить твоё тело к целителю, бестолочь! — с усмешкой пояснила Аливе и эффектно виляя бедрами удалилась.

Опустившись на стул, я как затравленный зверек с минуту просто смотрела на откусанный бутерброд. Я и помыслить не могла, что эта кобылица окажется настолько строптивой, а ведь Яспер говорил как-то, что маги предпочитают выяснять отношения с позиции силы — так быстрее и проще донести свою правду до оппонента.

— Да она места мокрого от тебя не оставит! — веселясь воскликнула девушка, что ранее подавилась сыром.

Объединенные и сплоченные предвкушением дуэли, адепты вышли во внутренний двор на лекцию по «управлению магическими изменениями». Я старалась держаться толпы, всячески избегая встречи с некромантом.

— Сегодня в нашем списке дел значатся следующие заклинания в радиусе пяти километров, — начал профессор, напоминаящий облытый бобовый стручок, дождавшись, пока мы выстроимся в шеренгу. — На прошлом занятии мы изучали теорию простейших эфирных плетений и практиковались на опарышах. Сейчас каждый из вас выберет животное и повесит на него петлю слежения, влив частичку своей энергии. Роиль, я работаю с вами лично.

— Н-не надо! — поспешно выпалила я, боясь разоблачения, — я умею эти... простейшие петли. Я со всеми!

— В таком случае, не будем терять время! — профессор хлопнул в ладоши и группа устремилась в распахнутые двери удлиненного строения с покатою крышей, где навскидку проживало десятков шесть представителей животного мира.

Нас встретила взвесь пыли и тяжелый преобладающий запах псины, который заставил недовольно закрыть нос. По мере продвижения вглубь здания в основной фон врезались запахи корма, сена и опилок, впитавших испражнения.

— Берем животное, цепляем отслеживающее заклинание и отпускаем. На «все про все» десять минут, — коротко обозначил профессор повышенным тоном.

Пока адепты выбирали животных, руководствуясь не совсем понятными мне принципами, я решила осмотреть все многочисленные вольеры. К металлической решетке, где ютилось несколько разномастных кошек, прильнула та самая бледнолицая миляшка, что стащила с бойни коровью ногу. Выбором спицы стал пушистый манул с приплюснутой мордой. «Сырная» девочка взяла себе в подопытные черноногого мангуста, демонстрирующего исключительную покладистость...

А я растерялась.

Взять желтопузую безногую ящерицу? — но как я ее отыщу в зарослях травы.

Кота? — так не приведи духи его с веток снимать, куда мне в таком платье.

Псину? — так она припустит так, что не догнать.

Мелкорослую псину? Я остановила взгляд на слюнявом уроде высотой в полторы ладони с поросычьим хвостиком и кривыми лапками. Вот... мерзость редкостная! Далеко не убежит, но заляпает все платье. Стать счастливым обладателем сопливого наряда и убить целый вечер отстирывая вязкую слюну — гадость! Я передернула плечами и пошла дальше по ряду. Есть же у кого-то желание содержать все это разношерстное безобразие?!

Фиц выбрал белоснежного кота с зелеными холодными глазищами и серым пятном на ухе.

Меня пробрало любопытство, как он планирует на него цеплять следилку, ведь сила некроманта, в отличие от стихийников, имеет иную основу?

Губы парня растянулись в улыбке. Он проколол палец о выпирающий прут решетки.

Неторопливо.

Напоказ.

Рубиновая капля, в стремлении обрести свободу, прочертила кривую линию. Казалось, он не испытывает боли или она стала настолько неотъемлемой его частью, что утратила свое значение.

Я смотрела, как раскрываются и закрываются его губы. И хотя не слышала ни слова, понимала, что это прямое обращение к своей сути, неестественной, безжалостной, рвущейся из груди, к силе, задыхающейся в оковах железной воли.

Прочертив вертикальную полоску на белом лбу и легко подчинив сознание кота, некромант вновь приоткрыл свои возможности заинтересованному зрителю.

Фиц вскинул голову. Короткое мгновение и он уже шептал мне в ухо. Я стояла, как парализованная и ловила каждое его слово:

— Ты увидела то, что большинству жалких себялюбивых магов никогда не понять. Я удовлетворил твое любопытство? Теперь твоя очередь. Или придется платить за удар ниже пояса.

— Время на исходе, господа адепты. Торопитесь! — крикнул стоящий в дверях профессор. Не желая объясняться, я отступила. Время поджимало и какой смысл ломать голову над угрозой, когда на повестке дня другая проблема. Выбрать бы хоть кого-нибудь. Не в состоянии определиться с четвероногим партнером, я остановилась напротив последнего вольера. Огромное косматое чудовище смотрело прямо на меня, вывалив язык, вздрагивающий при каждом вдохе.

— Жарко? И мне...

Осененная внезапной мыслью, я возликовала:

— Это хорошо, что жарко!

Далеко не убежишь! Да и отыскать красавца-волкодава будет гораздо проще, чем любого другого зверя.

— Ну что, лентяй? Ты мой! — воскликнула я, отвлекая соседей от работы.

Петлю или эфирное плетение, я скопировала быстро. Вопрос был в другом: следилка есть, но связи с ней нет и какое бы расстояние псина не преодолела, я обречена искать ее дедовским «аукающим» методом. Я не обманывалась и понимала, что придется искать иголку в стогу сена, вот только времени не хватит перебрать каждую соломинку. Я осмотрелась — в здании практически никого не осталось — и распахнула дверцу вольера.

— Вставай, чудовище, и чеши куда-нибудь под дерево.

Пес размером с пони нехотя поднял свой зад и потрусил к выходу.

Не теряя времени, я взобралась на одну из пустующих клеток и, припав лбом к высокому окну, отыскала спину своего волкодава. То, что я собиралась сделать, казалось невероятным. В детстве я много экспериментировала со своим даром, но удерживать иллюзию на расстоянии в несколько километров мне не доводилось еще ни разу. «Попробую и посмотрим, чем это кончится», — решила я, и пока волкодав не затерялся среди деревьев и кустов, окрасила серую шкуру в солнечный цвет. Это гарантировало мне, что пес не останется незамеченным среди прохожих.

Спустя десять минут над опустевшими клетками появился шар, выполняющий функцию песочных часов, только вот стеклянного корпуса у него не было. Багряные крупицы отделялись от общей массы и растворялись в воздухе. Рассмотрев диковинку, я покинула питомник и последней стала в строй.

— У вас ровно четыре часа. План действий вы знаете. Накрываем характерным модулированным «кличем» близлежащую территорию и считываем информацию о месте нахождения объекта. Оценку получают все, кто справится с заданием и вернет зверя в клетку до восемнадцати сорока. Неудачники в воскресенье будут мести внутренний двор, так как животных придется собирать дворникам. Вопросы?

— А что будет, если мной хорек, вернее хорячка или хорченка. В общем, хорек — сука, — пояснил один из адептов, — пересечет черту в пять километров?

— Не волнуйтесь, никто из зверей не покинет обозначенный предел. Еще вопросы?

— А если мой кот попадет под колеса телеги?

— Неси тушку — накормим опарышей.

Меня чуть не стошнило, воображение нарисовало прожорливых монстров, вгрызающихся в окровавленную тушку.

— Да, вот еще что, — профессор задумчиво потряс указательным пальцем в воздухе и обратился к некроманту, — Фицион, магия подчинения или проявил фантазию?

— Первое.

— Задержись, а остальные, можете приступать к поискам!

Только когда внутренний двор академии опустел, профессор повернулся к скучающему парню:

— Фицион, верни зверя в клетку, нечего над животным измываться. Хотя оценка будет поставлена незаслуженно...

— Я могу проследить за кем-нибудь из ребят?

— Хорошая идея. После доложишь. Только питомца не забудь и про таймер не забудь, — кивнул на часы профессор и удалился в блаженную прохладу здания.

Некромант спустился в подвал мужского общежития.

Тем временем я обследовала округу и, опрашивая горожан, удаляясь все дальше от стен академии. Время стремительно ускользало, а пса и след простыл.

— Скажите, вы необычного волкодава не видели? — в который раз спросила я у очередного прохожего, пересекающего широкую поляну, некогда бывшую парком.

— Сам битый час ищу, — отмахнулся тот и направился прочь по одной из проторенных дорожек.

Окинув взглядом растрескавшиеся от жары стволы деревьев, вздыбившуюся плитку тротуаров и сколоченные вкривь и вкось скамейки, я бессильно прикрыла глаза руками, скатываясь в объятия обреченности и уныния.

Хотя, чего я волнуюсь? В субботу меня поджарят до хрустящей корочки, в воскресенье проведу в госпитале, будучи освобожденной от усердного махания метлой. А уж после, может быть, моя жизнь войдет в привычное русло...

— Да куда ж ты подевался, треклятый?!

В то время как я ополаскивала ноги в небольшом поросшем осокой водоеме, сокрушаясь убогости своего дара, послышался настойчивый лай собаки. Второпях завязав ленты башмачков и подхватив подол, я побежала в сторону звука. Моему разочарованию не было предела — незнакомая дворняга стояла на задних лапах и отчаянно лаяла на кого-то скрывающегося в густой кроне дерева.

— Вот непруха! Чтоб тебя...

Недовольно поджав губы, я вернулась к воде, запруженной листьями.

Под аккомпанемент неутраченного лая огромных размеров кот апатично прошелся по ветке, выпустил когти и неожиданно прыгнул прямо на клыкастую морду, существенно меняя тональность взятых псом нот. С позором удалив противника с поля боя, победитель потрусил к покатоному берегу, и только кончик его хвоста изредка мелькал над покровом высокой зелени. Больше трех часов на солнце! Я была выжата словно лимон, к платью пристала дорожная пыль, вьющиеся короткие волоски прилипли ко лбу, язык присох к небу. Хотелось с головой окунуться в воду.

— Что за невезение?! Потеряла! Ни мышонка, ни лягушку, волкодавскую зверушку!

Я присела на корточки и тут же на мгновение ослепла — блики солнечного света, упавшего на водную гладь оказались слишком яркими.

— Он должен быть где-то здесь! — проморгавшись, я подняла увесистый камень и словно пытаюсь отыгаться за все напасти, запустила его в водоем, едва не вывихнув плечо.

Отзеркаленный свет обеспокоенно поколебался, вновь приводя глаза в напряжение. Тут же трепыхнулась трава, и я увидела золотистую морду. Вот, черт! Эта сволочь притаившись в кустах, совершенно спокойно наблюдала за моими мытарствами. Схватив за шиворот волкодава, я поволокла его на псарню.

Ровно в шесть часов вечера и тридцать четыре минуты я уже стояла у клетки. Стоило втолкнуть в вольер серого волкодава, как последняя багряная бисеринка, зависшая в воздухе, взорвалась и исчезла. Дыхание зашлось, ноги подкосились и я рухнула на пол, перегородив своим телом выход. Жадно пьющий воду пес и не думал покидать вольер.

В питомнике кроме меня никто так и не появился. Лимит времени был исчерпан, бисеринки осветили пустующие клетки багряным светом, это означало, что больше десятка человек (и некроманта в том числе) ожидало воскресное дворометение. Такой расклад поднял мне настроение и придал сил. Я расхохоталась и, весело подпрыгнув, побежала купаться.

Забравшись на крышу, не отбрасывай лестницу.
Кароль Ижиковский

Окрыленные положительным результатом рискованных действий мы подчас теряем бдительность и забываем про осторожность, что зачастую оборачивается лавиной напастей, способных не то что нервы пощекотать, нет! — похоронить заживо...

— Аливе, Великая сила! Что с вами?! — эмоциональная реплика принадлежала женщине, начавшей устный опрос по предмету «Этические принципы магического искусства».

Группа дружно повернула головы в сторону нахмурившейся девушки, смущенной таким количеством внимания.

— Вам не о чем беспокоиться, профессор, я в порядке! — заверила Аливе.

— Нет не в порядке! Если вы больны, нанесите визит целителю!

— Я прекрасно себя чувствую!

— Милая моя, сильная сыпь может быть заразна!

— Нет, не может! — огрызнулась «красавица».

— Не смейте мне перечить! — сверкнула светлыми, как медовая глазурь радужками полноватая особа, по счастью имеющая пунктик на счет всякой заразы.

— Но! У меня уже была такая сыпь в детстве! — возмущенно выпалила Аливе.

— Тогда объясните мне природу ваших пятен? — судорожно глотнув воздуха, потребовала женщина и, не дождавшись ответа, продолжила:

— Живо покиньте аудиторию, и не появляйтесь до полного их исчезновения.

Аливе бросила растерянный взгляд на свои руки. Спешно собрала писчие принадлежности и, не поднимая головы, вышла в коридор.

Мои губы растянулись в довольной ухмылке. Всеми силами я пыталась оставаться безучастной, но эмоции были выше меня. Нет Аливе — нет поединка! «Ур-ра!» — кричала моя душа, в то время как тело дрожало от смеха.

Стоило некроманту обернуться и прожечь меня подозрительным взглядом, как моя душа притихла, затаилась. Конечно, моя реакция не укрылась от Фица и я сочла забавным послать ему воздушный поцелуй. И уже спокойно придвинув к себе тетрадь, будучи уверенной, что меня сегодня не спросят, сделала набросок несчастной блондинки.

Сильная сыпь! — это надо же было заболеть перед самым поединком! Ай-яй-яй! Добавим пятнышек на лице и шее... ну просто расчудесно!

Спицу этим днем мы тоже больше не видели ни на парах, ни в столовой, ни в общежитии. На обеде кто-то бросил, что у нее постельный режим... посочувствовали, посопереживали и забыли.

Вечер пятницы подкрался незаметно и уже ничто не могло омрачить мое настроение.

— Не наделенный силой амулет — лишь бесполезная безделушка в ваших руках, — вещал профессор Хидден в неизменной мантии цвета пожухлой листвы. — Постепенно я раскрою вам все тайны магического ремесла, расскажу, как применять к амулету стихийную магию. Но начнем мы с простого — вы наполните амулет своими эмоциями, это обеспечит вашу с ним энергетическую связь.

Практическая часть урока проходила на территории внутреннего двора. Адепты подставляли самодельную вещицу колдовскому лунному свету и шептали, напевали, бубнили — у кого на что фантазии хватало, некоторые даже пальцы прокололи и кровью обмазали глиняные кругляши. Если бы не профессор на своем примере, я бы во всю эту муть не поверила, да я и так не верила! Я же ни на йоту не стихийник!

— Крабли-грабли-бум и дырка от бублика, — воскликнула я, зажимая медальон в зубах, руки мне нужны были для таинственных пасов, после которых группу словно парализовало на время. Несколько адептов покрутили пальцами у виска, некоторые даже пороняли свои амулеты и схватились за бока, задыхаясь от хохота.

Серьезно, ну на кой мне стараться? С моим даром иллюзии эта безделушка будет выглядеть именно так, как я того пожелаю!

Ладно, шутки в сторону, я стала центром внимания, в то время как профессор предупреждал, что отвлекаться нежелательно — пагубно для процесса! Да уж, процент заваливших свое

первое творение будет как никогда высок — ох уж эта месть... порожденная хорошим настроением!

Выплюнув глиняный кругляш с вдавленным очертанием дракона на ладонь, я тоже подставила его лунному свету. Свободной рукой развернула бумажку, на которой ранее набросала пару строк, и стала читать проникновенным голосом:

— «Средь зыбких мыслей кутерьмы направь меня видением,
хранимый тайною луны, ты лжи позволь увидеть отражение».

Вся эта затея казалась мне пустой тратой времени! Я рассматривала амулет только с позиции художественного исполнения. Надеяться, что у диковинки после моего колдовства обнаружатся магические свойства — было самообманом.

Однако я просчиталась, но не буду забегать вперед.

Когда у меня, естественно, никакого чуда не случилось, я с любопытством проследила как амулеты «оживают» под холодным светом восходящей луны у других. Глиняные кругляши «загорались», пронизывая ладони магов тончайшими светлыми, хрупкими, разлаженными, нечеткими нитями. Связь мага с амулетом была нестабильной, однако у них все получилось, а остальное дело практики.

Понимая всю «серьезность» поставленной перед нами задачи, я окружила амулет тусклыми нитями и с чистой совестью направилась отдыхать. Некромант нагнал в считанные секунды. Его пальцы сомкнулись на моем запястье, вынуждая остановиться и едва ли не согнуться пополам.

— Да что с тобой, Фиц? — взвизгнув от боли, я уронила амулет, который по совету профессора намеревалась положить под подушку. Вещица упала в траву и при мимолетном осмотре не пострадала.

— Самое время расставить все по местам, — тихо, с иронией произнес он.

— Вот уперся в забор дышлом! Не расположена я сейчас. Может завтра? (а может никогда!)

Скажем на завтраке? А сейчас извини, — сказала я и дернула рукой, но тут же была вынуждена признать, что его предложение не лишено смысла, хотя и таило в себе злобные оттенки личной мести.

— Хорошо. Хорошо! Твоя взяла!

— Не здесь, — обозначил Фиц и кивнул в сторону мужской общаги.

— О-о-о, а вот уединяться с тобой я совершенно не намерена! — заявила я и вновь постаралась избавиться от захвата, но безуспешно.

— А придется, — стоял на своем некрмант. Подхватив амулет, вдруг дернулся и замер, словно остановившаяся стрелка часов.

Я непонимающе уставилась на мучителя. Раздраженная его напористостью, находящей выражение в применении грубой силы, я уже была готова послать его далеко и надолго, но сделала над собой усилие и удивительно спокойным голосом поинтересовалась:

— Фиц? Может, отпустишь или до утра так стоять будем?

Некрмант пришел в себя и отступил, разрывая захват. Он раскрыл ладонь и посмотрел на амулет, где рассеянным звездным сиянием был охвачен силуэт дракона. Воспользовавшись моментом, я выхватила вещицу и, не особо вникая в причинно-следственные связи, рванула в здание женского общежития.

Фицион.

Совершенно абсурдное видение предстало моему взору. Призрачная тень хрупкой девушки, спрятанной в ином теле, словно в паутине кокона, что неохотно пропускал лунный свет, поразила меня. Такая необъяснимая раздвоенность не укладывалась в сознании. Эта искаженная реальность выходила за пределы моего понимания, потому-то я и упустил момент, когда она с неожиданным проворством выхватила амулет. Видение угасло, а девушка вновь приняла образ Роиль.

Я смотрел вслед убегающей толстухе и улыбался.

Несколько секунд, подарившие смутное воспоминание, вызвали острое желание завладеть уникальной вещицей. Какой удачный шанс! Она так неосмотрительно раскрыла себя, стала безоружной, беспомощной, чем непременно стоит воспользоваться. Девушка отдаст амулет в обмен на обещание моего молчания и я даже оставлю ее в покое. На время. Если она играючи создала талисман с неестественной подкупающей способностью обнажать действительность посреди всеобщего заблуждения, то каким будет результат, когда она подойдет к делу со всей ответственностью? Когда же она обретет опыт и достаточно знаний я «попрошу» более качественного исполнения.

— Что за уникальные способности разума?

Да и разума ли? Кто ты? Ты не плод большого воображения! Ты можешь затуманить мой рассудок, перехитрить зрение, но... История с желтым волкодавом, поднявшим на уши общественность, окончательно развеяла все сомнения. Только если раньше я думал, что в тело Роиль вселилось нечто, обладающее силой и знаниями, способными подчинить разумное существо своей воле, то сейчас...

— Мне во что бы то ни стало нужно заполучить этот амулет!

Роиль.

Опасаясь преследования, я повернула ключ на два оборота и с головой укуталась в одеяло. Сон не шел. Полоумные призрачные соседи во все горло орали, обсуждая (что бы вы думали?) длину моих волос. Под этот неутрачивающий гам я пыталась себя успокоить, но успокоение не приходило. Что, если Фицион окажется смысленнее, чем я думаю? Оправдано ли будет мое дальнейшее пребывание в стенах академии?

— Боюсь, это уже невозможно!

Уснула я только под утро после того, как приняла непростое решение затеряться на улицах портового города, оставив осколок жизни «Роиль» в прошлом. Промелькнул, было, второй вариант: по-тихому прикончить Фица и как ни в чем не бывало продолжить обучение, но одно дело таракана задавить и спать с чистой совестью, другое дело — человека, третье — некроманта...

«Небесные старцы! О чем я думаю?! Нет, я так больше не могу! Хочу вернуться назад... в тихий, свободный и привычный мир. Вернуться домой к маме...» — было последней мыслью перед тем, как я провалилась в сон.

ГЛАВА 21

Настоящая красота не та, которой любишься с удовольствием,
но та, на которую смотреть так же трудно, как на солнце.

Этьен Рей.

— Ну-ка, покажи, что там у тебя получается? — улыбнулась Катарина, пытаясь заполучить вязаное начало салфетки из нити, тонированной отваром листьев березы в ярко желтый цвет. Солнечный кусочек размером с ладонь, ловко спрятался в моем кулачке за спиной.

— Не-е-ет. Ни за что на свете! — я расхохоталась, радуясь забаве.

— Ну же, покажи, — снова попросила Катарина и потянулась ко мне. Я извернулась и взвизгнула, неудачно задев бедром рабочий стол, на котором опасно зашаталась расписная высокая ваза для сухоцветов и глиняный горшок под молоко.

Не сговариваясь, мы кинулись спасать посуду и, убедившись, что ни один кувшин не разбился, с облегчением выдохнули. Едва я заметила на полу брошенный вязаный мотивчик, как его тут же подхватила Катарина. Все еще обнимая вазу, я смотрела как она разглядывает мое плетение и качает головой. Да уж, мы с халтурой на одной ноге! А что поделать, если совершив ошибку,

мне лень распускать целый ряд, а маскировать — опыта не хватило. А если ошибок не две и не три?..

Я улыбалась во сне. Каким-то непостижимым образом мама привила мне любовь к своему дару, научила быть внимательной к мелочам, подчеркивать их естественную красоту и не лениться. Катарина...

Кривая ее судьбы затянулась смертельной петлей. Милый сердцу уголок обернулся загробной обителью. Мама больше не смеялась. Она смотрела на меня с затаенной болью и дрожащей влагой в глазах. Ресницы сомкнулись. Она отвернулась к окну, беззвучно оплакивая радость нашей встречи. Встречи, призванной стать последней...

Я потянула к ней руки и... на мои ладони опустился серый пепел.

Вдруг, резкий удар в стекло создал острое ощущение, что я совершаю непростительную ошибку, что открываю дверь, которую следовало держать закрытой. Страх иглами вонзился в тело. Тень, просочившаяся сквозь стену, оплывала мамины плечи, подрагивая ключьями черного тумана.

Стены, круглый столик и пол — все со скоростью ветра покрылось черной коркой и пыхнуло грибными спорами. Желтой сукровицей растекалась вязаная салфетка. Глиняные кувшины изошли трещинами и осыпались пылью. Уродливой плесенью заросла печь, тело маленького паучка вывернуло наизнанку. Отовсюду сочилась черная муть. Струющийся по полу непроглядный липкий туман все ближе подбирался к моим ногам и, собираясь в единое целое, обретал форму мужского тела. Странное месиво, словно потешаясь над моим бессилием, мигнуло змеиными глазками и обожгло своим дыханием.

— Ты виновата в ее смерти, — затрещал проклятый мрак, так что зашевелились все волосы на моем теле.

— Нет, — ужаснулась я.

— Если бы не ты, твоя мать была бы жива. Ты виновна в ее смерти.

В подтверждение его слов каркнул ворон, сидящий на плече Катаринины, которая чистым видением с высоты опустилась в глухую и чуждую ей бездну.

— Нет. Нет, — кричала, отказываясь верить его словам. — Это не я. Это не моя вина!

Вскрыв мою душевную рану, заполнив сердце болью, а разум сомнениями, демон преисподней, крещеный кровью бесчисленных жертв, темный Лег, имя которого я знала, но боялась озвучить, с легкостью обрел надо мной власть.

...Келлах.

— ...я могу ее вернуть.

По воле кукловода, умело вплетающего в сон нити грез, Катарина улыбнулась своей любящей улыбкой и протянула ко мне руки, желая покрепче прижать к сердцу.

— Это так просто, — мрак затрещал и отступил в сторону, позволяя мне без помех шагнуть к маме и упасть в ее объятия.

Грудь словно сдавило тисками и я тяжело выдохнула. Так нестерпимо захотелось почувствовать ласку маминых рук! На миг мне показалось, что только в ее объятиях я смогу обрести спокойствие. Больше не придется никуда бежать, прятаться, бояться. Исчезнет бессмыслица, переполняющая мою жизнь, и все будет как раньше...

— Как раньше уже не будет, — эхом вторила я своим мыслям. — Ведь даже самым сильным магам не повернуть время вспять.

Лег рассмеялся каким-то ненормальным ядовитым смехом.

— Все еще думаешь о хорошем? Ты никогда не найдешь покоя в этом мире. Ты обречена на вечные скитания. Травля, которую тебе устроит Совет, измотает твое тело, неизвестность сведет с ума, отчаяние разорвет сердце. С каждым следующим шагом ты будешь опускаться все ниже и ниже, пока не окажешься на самом дне пропасти и вот тогда ты пожалеешь, что отвергла мой дар. Ты обо всем пожалеешь, когда попадешь в лапы жестокого и расчетливого Совета. Но... пока тело твое чисто, а душа подобна белой лилии, я даю тебе шанс...

Он не успел договорить. Неожиданно уродливый мир взорвался и осыпался. Нечто необъяснимое стерло отвратную картину, выдергивая меня из мерзкого сновидения, и в ужасе я распахнула глаза. Уродливыми ветками по стене расплзались трещины. Оглушенная и охваченная ужасом, я вскочила с кровати и тут же раздался второй, более мощный взрыв. Все здание общежития задрожало. Взвизгнув, я свалилась на пол. На голову посыпалась побелка,

глаза резанул едкий порошок. Сердце ухнуло в пятки. Я, как была босиком и в ночной рубашке, рванула к двери, кутаясь в образ толстушки.

Плохо соображая, я что было силы навалилась на дверь, но она так и осталась закрытой.

Нащупав в замочной скважине ключ, я трясущимися руками провернула его и настежь распахнула дверь, вываливаясь в коридор.

— С дороги!

Не успела я опомниться, как силач-тренер впихнул меня обратно. Я было открыла рот, как устремившись в конец коридора мимо меня пронеслись ректор в одних штанах и профессор Хидден в ночном колпаке и полосатом халате. За ними, шаркая летающими тапочками, бежала госпожа Шилла.

— Здесь сиди и не высовывайся! — грубо приказал тренер, поднял руку и пригладил растрепанные волосы.

— Да что за чертовщина здесь происходит? — в страхе завопила я.

— Печать сработала! Дважды. Кто-то пытается своей кровью открыть двери в иной мир.

Болваны, не думаете о последствиях... — упрекнул меня красавчик-тренер, будто моя вина в том, что кто-то решил нарушить запрет госпожи Шиллы, и поспешно скрылся из виду.

Выходит этот некто своей бездумной выходкой спас меня — оборвал кошмар, в котором я тонула.

Я тихо опустилась на пол и словно пьяная нервно расхохоталась.

* * *

Состояние сонливости не отпускало все утро. Ужасно хотелось спать, вот только лечь в кровать я боялась. Плеснув в лицо прохладной воды, я немного избавилась от тяжести в голове. Промокнув влагу полотенцем, бросила взгляд на зеркало, где отражение полноватой розовощекой красавицы Роиль скрывало неотдохнувшую Элин.

— Вот и пришло время прощаться. Прости, что использовала твой образ и... попробуй меня понять, — не зная, что обычно говорят в таких случаях, прошептала я.

Оставив полотенце на раковине, я подошла к двери.

И надо же было Фицу подловить меня выходящей из купальни! Почему не ушла ночью?

Наивная дуреха! Сердце болезненно пропустило удар, из горла вырвался тихий всхлип, «красноречиво» поведавший некроманту о безнадежности моего положения.

— Зачем ты здесь? — дрожащим голосом спросила я.

Зеленые глаза парня лукаво сверкнули.

— Фиц, — я нервно дернула ленту, стягивающую свой широкий пояс, никак не планируя ее развязывать. Выругавшись, затянула узел обратно, и подняла рассерженный взгляд, — Что тебе от меня нужно?

— Будем выяснять это здесь? В коридоре?

— Да.

— Считаешь это разумным?

— Да! — я едва не сорвалась на крик.

Парень схватил меня за локоть и потянул к двери моей комнаты.

— Открывай!

Милостивые Духи! Я совершенно не собиралась впускать его к себе. Одна только мысль об этом вызывала во мне отвращение. Видимо это отразилось на моем лице.

— Нет? — угрожающе протянул он.

— Фиц, мне безумно жаль, что ты пострадал тогда и...

— Серьезно? — не тронутый моим раскаянием, усмехнулся некромант.

«Нет! С удовольствием бы двинула тебе еще пару раз!» — подумала я, энергично махая головой в подтверждение своих слов.

— Ключ! Или хочешь, чтобы я рылся в твоих юбках?

— Что?! Совсем спятил?

Упреждая удар ниже пояса, Фиц в одно мгновение прижал меня лицом к стене и заломил левую руку за спину. Шершавая поверхность царапнула щеку. Я взвизгнула больше от неожиданности.

— Безумно жаль, говоришь? Ключ!

Мгновением погодя я буквально влетела внутрь. Фицион запер дверь, обернулся и окинул комнату с горой металла неодобрительным взглядом.

— Как ты можешь здесь жить?
— Будем обсуждать мою комнату? — раздраженно выпалила я.
— Нет, я здесь не за этим, — Фиц прошел мимо и по-свойски уселся на неубранную кровать, повертел ключ в пальцах и демонстративно швырнул его на подушку.
— Прежде, чем мы начнем, я хочу видеть тебя реальную. Я не сторонник сделок с фантомными образами! Разоблачайся и мы поговорим серьезно.
— Н-не понимаю о чем ты!?! — обмерла я от такого заявления.
— Ты ведь не думаешь, что в случае отказа я буду руководствоваться рыцарским кодексом чести? И полагаю, что ты боишься огласки. Должна бояться, — сказал Фиц голосом, насквозь пропитанным угрозой. Он поднялся и начал наступать, вынуждая меня шагнуть к двери. — Знаешь, я все еще числюсь в учениках у одного непредсказуемого, ужасного, изрядно потрепанного жизнью и отвергнутого этим миром безумца. Я бывал свидетелем его рассуждений на... странные темы.
— Мне должно быть это интересно? — беспомощно отступая, спросила я.
Фиц приблизился, заставив меня упереться спиной в дверь, склонился к моему лицу пугающе близко и спокойным, уверенным голосом продолжил:

— От него я узнал про иную силу, проникшую в наш мир, — пояснил Фиц. — До вчерашнего вечера я скептически относился к «иным». Считал вас искусственной проблемой, выдумкой Совета, призванной заручиться доверием народа, внушив ему страх.

— Я тоже считаю их выдумкой, — отмахнулась я со всей беззаботностью, на которую была способна.

— Теперь я вынужден признать истину в параноидальных бреднях своего наставника. Сбрось личину и прими мое условие, а после можешь продолжать обучение, прятаться в академии от всего мира или зачем ты здесь... — выдохнул он почти в губы, сковывая меня холодом смерти и напоминая, что он некромант, не знающий жалости ни к себе, ни к другим.
— Цена вопроса покажется тебе смешной на фоне того, что с тобой может произойти, — заверил он.
Времени взвесить все за и против некромант мне не предоставил. Что делать? Открыться? А после бежать! Бежать! Сразу как только избавлюсь от назойливого общества Фициона, но он не уйдет не получив своего. А если получит... что потребует взамен?
— Это смешно! — дыхание сбилось. — Ты вообще себя слышишь? Ты...
— Значит, перенесем завтрак на кладбище.
— З-зачем?
— Сделаю из тебя зомби и ты покорно мне все расскажешь. Но для начала придется тебя умертвить.
— И не дрогнет ничего?
— А должно?
— Да ты сумасшедший! Я буду кричать! — заорала я.
— Тебя не услышат, — глядя прямо в глаза, Фиц сдавил мне горло. Уверившись, что я не собираюсь так просто сдаваться и раскрывать себя, сжал с такой силой, что я захрипела и, схватив его руку, неистово забилась. Перед глазами замелькали, затанцевали цветные пятнышки и комната поплыла.
— Стой, — выдавила я и захват ослаб.
С шумом втянув воздух, я уставилась на Фициона, уже не сомневаясь в том, что он способен причинить мне боль.
— Продолжить?
Я мотнула головой и развеяла образ Роиль.

Фицион.

На фоне привычных объемов Роиль и не блещущих умом голубых глаз, ставшая моей узницей девушка в невинном свете раннего утра показалась запретно прекрасной. Подростковая угловатость форм и тонкая «прозрачная» кожа, хрупкость запястий и мягкий цвет медных волос создавали образ испуганной прелестной нимфы, сотканной с нежностью и осторожностью, — воплощенная мечта скульптора. Я словно попал под чары колдовского взгляда серых глаз, в котором смешались боль и презрение, несмелая надежда и признание моей победы.
— Условие, — с горечью прошептала она, выводя меня из пленительного полусна.
— Ты будешь встречаться со мной, — вырывалось из глубины моей души.
Впору усомниться в собственном здравомыслии...

Роиль.

— Этого еще не хватало! — возмутилась я, смело тыкая пальчиком в каменную грудь. — Не ты ли говорил, что условие — сущий пустяк? И что, из-за острого желания продолжать обучение я должна дать согласие? Это же неправильно! И ненормально! И где гарантии, что ты сохранишь мою тайну?!

Фиц не сдвинулся с места, внимательно слушая все мои бессвязные восклицания.

— Мне не зачем предавать тебя, — с непривычной мягкостью заверил он и, меняясь в лице, холодно спросил: — Твой ответ?

— Нет!

— Почему нет?

— Ты хотел моей смерти!

— Я блефовал.

— Я так не думаю, — оттолкнув его руку, я потеряла свою шею, пытаюсь унять болевые ощущения.

— Я тебе противен?

Фицион вызывал у меня разные чувства. Своими противоправными действиями он сломил мою волю и заставил сбросить иллюзию — ощущение удушья до сих пор не прошло, — его условие возмутило и испугало меня, и самое главное, я действительно считала, что он проклят. Я его боялась! А этот жестокий, расчетливый некромант, способный управлять миром мертвых, приперев меня к стенке, молча ждал ответа...

«Только посмей ляпнуть, что я тебе противен, и это станет последним, что ты скажешь в своей жизни», — говорили его глаза, и я нехотя выдавила:

— Нет.

— Тогда не вижу проблем.

Признаться, его прямолинейность обескураживала.

— Проблема в том, что я даже близко ничего подобного не ожидала...

Это был тот случай, когда у меня не возникло ни одной мысли как разрешить ситуацию, ведь своего козыря я лишилась! Взывать к его совести — смешно! Принять условие? А что если некромант не захочет довольствоваться малым и пожелает видеть в моем лице ручную обезьянку? Попытаюсь освободиться от навязанных мне отношений и... Что тогда? А тогда летальный исход, и конец моей трагедии под названием «борьба за выживание», ведь надо быть полным идиотом, чтобы после разрыва не сдать меня Совету, отказавшись от права на привилегии. Я медлила, все глубже утопая в сомнениях. Внутренне смятение, усиленное страхами, овладевало мной и разобратся во всем этом вихре чувств, мыслей, под аккомпанемент бьющего сердца, просто не представлялось возможным, впрочем, одно я знала наверняка: я не хочу покидать академию.

— Твое решение? — поддельно спокойным голосом потребовал парень.

— Не уверена, что у нас что-то получится...

Комната погрузилась в напряженную тишину. Фиц молча сверлил меня взглядом. Ни возразить, ни оттолкнуть некроманта я не могла, все, что мне оставалось — это в очередной раз соврать. Я

столько раз прибегала к обману, что было бы обидно не воспользоваться этой возможностью сейчас.

— Хорошо, я принимаю условие! Хотя считаю, что ты поступаешь... впрочем, уже неважно. Я могу быть уверена, что ты сохранишь мою тайну?

— У нас много общего. Рассуди сама, необычность и чуждость твоего дара обрекает тебя на вечное преследование, сила мертвого знания поставила меня в одну линию с отверженными. И в твоём и в моём случае публично сжигают на костре.

Порывисто выдохнув, я тряхнула головой. Емко, черт возьми!

— Фиц, есть еще один момент... думаю, ты будешь не вправе рассчитывать на нашу близость.

— Солнце мо-ё!

Мои щеки залил стыдливый румянец и я тут же потупила взгляд.

— Мы еще вернемся к этому вопросу, идет?

Я кивнула. Некромант поднял руку и легонько коснулся моей щеки, пальцы скользнули к губам и подарили почти невесомую ласку. Я натянулась, словно струна.

— Имя свое назовешь? — выдохнул некрмант в мои губы.

— Нет.

Опасаясь поцелуя, я поспешно создала между нашими губами расстояние и, стучаясь затылком о дверь, болезненно поморщилась.

— Нет, позволил бы хоть немного свыкнуться с ролью, прежде чем осваивать новую территорию! — проворчала я.

Лицо его расплылось в хищной улыбке.

— Ладно, идем, а то останемся без завтрака, — Фиц отстранился, подхватил с подушки кривую загогулину и открыл дверь. Вновь став толстушкой я продефилировала мимо, услышав «Хм...» и последующее за ним развеселое эхо.

Останавливаться и дожидаться я не стала. После бессонной ночи, напряжения и поспешно принятого решения, с которым я пыталась смириться, голова была ватной, настроение скверным, а перспективы неясными.

Спустя мгновение Фицион нагнал меня, обнял за талию и легко надавив, прижал к своему бедру.

— Не надо меня обнимать, тем более неожиданно и не приведи духи при свидетелях! Смотри, чем это закончится!

Остановившись посреди пустого, купающегося во мраке коридора, я сердитым взглядом указала на мужскую руку, утонувшую в широком поясе, словно в кармане. Парень выгнулся и уставился на свое обрубленное запястье. Секундная заминка и глухую тишину прорезал восторженный смех.

Весело ему! Такими темпами я очень скоро пойду ко дну.

— Не желаешь отказаться от лишних килограмм? — отсмеявшись, предложил наглец.

— А потом задорого продавать рецепт новомодной диеты? — сострила я, немного отпуская ситуацию.

Мы пересекли внутренний двор академии с адептами, окрыленными свободой выходных.

Большинство из них разъехались по своим домам еще накануне. Остались лишь те, для кого поездку в родное гнездо делало невозможным расстояние, финансовая составляющая, отсутствие дома как такового и несчастные, зажимающие в руках метлы, на чьи головы лег гнев профессора.

— Перенять образ Роиль... смело! Смотри, ведь никто не заподозрил подмены! — неожиданно сказал некрмант и усмехнулся, бросая на меня довольный взгляд.

— Кое-кто мне не поверил... Где я прокололась, Фиц?

— С виду вы как две капли воды. Будь спокойна.

Его ответ не очень-то меня и устроил, в воздухе висела некая недосказанность, но давать верное обоснование Фицион почему-то не спешил. Стоило проявить сдержанность, но меня одолевало нехорошее предчувствие. Если иллюзию смог разглядеть один, то найдется второй... и третий...

— Фиц, постой... Ты хотел знать, как я избежала смерти? — придержав за локоть, я вынудила парня остановиться. — Я расскажу. Мы с Роиль выходцы из одной деревни. Я знаю, кто уничтожил наши дома, но ты не поверишь мне. Что стоят слова какой-то девицы, поставленные в противовес Совету с его репутацией?! — я потупила взгляд и замолкла.

— Что тебя беспокоит, Солнце моё?
— Мне важно знать, что меня выдало?
— Я же сказал, внешне вы как близняшки, твоя работа не имеет изъянов. Что же касается соответствия вкусов и предпочтений: то весь первый курс Роиль слепо меня ненавидела, а вначале второго встретила застенчивой улыбкой, что заставило присмотреться к тебе. Последующие же радикальные перемены в твоём поведении привели в полнейшее недоумение и усилили мой интерес.
— Собрал истину по кусочкам?
— Вроде того. Так кто стоит за гибелью твоей деревни?
— Тени.
— Солнце?
— Что? — усмехнулась я, уже догадываясь, какой будет реакция Фица.
— Ты говоришь вещи из ряда вон...
Я пожала плечами и мы, как ни в чем не бывало, продолжили неспешно преодолевать пространство между корпусами.
— Призраки шептались о чем-то таком, но никто из нас, естественно, не поверил.
— Понимаю...
Следующая фраза парня стала для меня полной неожиданностью.
— Мне будет достаточно, если ты скажешь, что видела их... Хотя и зрение порой нам изменяет, — глядя на меня, прибавил он.
— И все?
Короткому утвердительному кивку я не поверила, просто не смогла.
Фиц распахнул двери и пропустил вперед стайку девчат, возвращающихся с прогулки. Они украдкой обменялись многозначительными взглядами при виде негармоничной пары и, неумело скрывая смешки, удалились. Я ограничилась коротким «видела своими глазами» и переступила через порог, посчитав, что сейчас не время для разговора по душам.

ГЛАВА 22

В столовой, куда не повернись, везде шли обсуждения ночной трагедии. Как выяснилось, двое adeptок с нашего потока едва не распрощались с жизнью, решив соединить свою кровь и привязать к себе вземную сущность, которую неумело вызвали. От необратимых последствий магичек уберегла печать, которая не одну сотню лет служила защитой от подобной самодетельности. И все же взорванное заклинанием железное блюдо, на котором девушки раскуривали благовония, осколками вонзилось в их тела, а смоляные капли, спаявшиеся с кожей «породнили» несчастных с божьими коровками. Говорят, выжили, вот только останутся со следами своего приключения на всю жизнь.
Все время пока мы наполняли подносы, некромант намеренно был рядом со мной.
— Фиц, ты не планируешь скрывать наши отношения? — спросила я, стоило ему присесть за мой стол.
— А смысл? — несколько не удивленный вопросом, парень продолжил трапезу, а меня пробрало любопытство.
— Но, ведь я такая специфичная! — широко улыбнувшись, я ударила чайной ложкой по скорлупе яйца, сваренного всмятку, наслаждаясь податливым треском.
— Зато я нормальный!
Не выдержав, я расхохоталась.
— Чувство юмора — это прекрасно! — на блюдо полетели скорлупки неправильной формы.
— Давай лучше поговорим о смене твоего гардероба? — серьезно начал некромант, окинув взглядом мое безвкусное платье мышинного цвета.
Я поднесла к губам ложку с частью белка, купающегося в густой жиже солнечного цвета и, проглотив содержимое, отрицательно замотала головой. «Согласие сделает меня зависимой, а не хочу быть ничем тебе обязанной» — мысленно ответила я.
— Чего ты боишься?

— Фиц, нет! — заупрямилась я. — Не усложняй жизнь ни мне, ни себе. Это вопрос принципиальный.

— Хорошо, тогда как на счет прогулки по городу?

— С удовольствием! — воскликнула я.

— Может, пройдемся по набережной?

— А давай выберем другое место? — теряя запал, попросила я.

— Может, махнем на кладбище? Покажу тебе заброшенный склеп, окутанный вечно густым мраком, с дивным запахом разложения и множеством мертвых тел. После этого привидения наших подвалов покажутся тебе забавными чудиками.

Вытаращившись на некроманта, я нервно закашлялась.

В завораживающем блеске изумрудных глаз, несмотря на бесцветный тон, которым была произнесена фраза, читался явная издевка, плавно перетекающая в участливую обеспокоенность моим состоянием.

— Да уж, к твоему юмору мне еще придется привыкать, — отодвинув тарелку от себя подальше, я положила руки на колени. — Кажется, я наелась...

— Тогда идем.

Сидящая за бюро задушевная старушка в старомодном костюме и с брошью костлявой ящерицы на груди проводила нас взглядом. Мы пересекли холл, со всех сторон увешанный портретами великих магов, и вышли на улицу.

— Почему тебя не устроила прогулка по набережной? — первым нарушил тишину Фиц.

— Наблюдательный огневик. Мне не хотелось бы снова с ним встретиться.

— Я не был первым?! — улыбаясь, протянул парень.

С Фиционом было по-особому интересно. Его чувство юмора временами заставляло искать глубокий смысл там, где его совершенно не было. Мы болтали, ели мороженое, смеялись. Не упуская возможности, я поинтересовалась, что это за старушка наблюдала за нами.

Фиц отвел в сторону склоненные в печали ветви ивы и пропустил меня вперед. Мы присели на скамью, оказавшись в прохладе тени на берегу спящей озерной глади, в которой словно в зеркале отражалось легкое колебание освобожденных ветвей.

— Это лазар.

— Лазар? Что это?

— Это знание считается запретным вот уже сотню лет. Сам процесс настолько сложен, что немногие из нас, некромантов, способны овладеть им в совершенстве. Суть проста: умершего в кратчайшие сроки возвращают к жизни. Как результат: душа не покидает тело, объект не утрачивает свободную волю, что исключает всякое управление воскрешенным.

— Выходит, душа — это ключ к свободе?

— Отчасти так. Не менее важно sobлюдить совокупность определенных алгоритмов, которые ограничат лазара некими запретами, — туманно пояснил Фиц, и пока я не засыпала его вопросами, продолжил:

— Госпожа Маттер стояла у истоков создания «Плавучей горы». Академия — дело всей ее жизни, ее дитя! На закате лет она заключила сделку с некромантом. Понятия не имею, какую цену ей пришлось заплатить... После недолгого отсутствия, она вернулась в родные стены будучи уже воскрешенной. С тех пор сменился не один ректор, а она и по сей день на своем месте и в прекрасной форме. Я не совру, если скажу, что академия «Плавучей горы» единственное в городе заведение, открывшее свои двери некромантам. Волей госпожи Маттер мы так же не имеем четкого разделения по стихиям.

— Это сильно! Не каждый решится на такое.

Фиц утвердительно кивнул, откинулся на спинку скамьи и закрыл глаза. Какое-то время мы молчали, позволяя друг другу насладиться умиротворенным дыханием дня. Я с удивлением отметила, что преследующие меня страхи и тревоги растаяли как осколки льда. Ушла настороженность, и как подснежник пробивается сквозь промерзлую чернь земли, я почувствовала, что вновь свободно дышу. Мне хотелось запомнить это чувство, чувство которое я успела забыть. Движимая всей необычностью момента, я вдруг спросила:

— А если душа уже покинула мертвое тело? Тогда...

— Тогда мы получаем безвольного, разлагающегося зомби, — не открывая глаз, Фиц озвучил мою догадку.

Смахнув упавшую на глаза прядь, я как бы невзначай поинтересовалась: — А тебе по силам создать своего лазара?

Фицион устремил на меня пытливый взгляд.

— Вопрос, конечно, интересный...

— Дело в правосудии?.. В нехватке знаний?.. Сил? — начала гадать я, впервые за последнее время испытывая острую потребность в собеседнике.

Фиц покачал головой так, словно в трех уравнениях с тремя неизвестными не нашел решений.

— Я поняла! — смеясь, воскликнула я. — Всею виной общественная мораль!

Фиц отозвался смешком и неожиданным предложением:

— Давай найдем какого-нибудь бедолагу и проверим, чем все обернется?

Идея провести столь необычный опыт мне безумно понравилась.

— А давай! Есть у меня на примете одна блондиночка, — улыбаясь, заявила я.

— Подозреваю, это Аливе?

— Не понимаю, чем я ей не угодила в прошлой жизни?

— Не ты одна. Вся академия!

— А конкретнее?

Наш диалог все сильнее увлекал меня.

— Аливе должна была перевестись на второй курс в одну из элитных академий, но что-то не срослось. Слышала про «Поющую стрелу»?

Я утвердительно кивнула.

— Так, а я причем?

— Эта история сплошь состоит из зависти и злости. Ничего достойного твоего внимания здесь нет, — он махнул ладонью и отвел взгляд в сторону.

— Это становится интересно! Так что за история?

Фицион слегка поморщился. Было видно, что ему неприятна эта тема, но он все же продолжил:

— Аливе никогда не выходила за рамки словесной перепалки. Довольствовалась нелцеприятными эпитетами в адрес толстухи, да обидными прозвищами. Униженная Роиль, в свою очередь, пускала провокационные слухи о личной жизни Аливе и подставляла ее.

Однажды на зельеварении подменила траву и вместо зелья Аливе сварила яд. В итоге, вместо того, чтобы облегчить коту мартовское обострение, Аливе отправила его на тот свет. Месть не заставила себя ждать. Зная о симпатиях Роиль к Анесту, она заперла эту парочку в наполненном льдом погребе. Рассчитывала, что Роиль не выдержит и признается в своих чувствах, а он их отвергнет. В итоге, месть обернулась для Роиль неожиданным подарком.

— У Роиль получилось очаровать Анеста?!

— Мало заполучить объект своего влечения... — сказал Фиц и тише добавил: — и едва ли это можно назвать победой.

— Но ведь Роиль убила двух зайцев: утерла нос блондинке и самое главное — заполучила парня своей мечты. Не это ли важно?

Фиц нежно коснулся моей волнистой прядки и легким движением убрал ее за ухо.

— Их отношения были обречены на разрыв.

— Неужели из-за полноты Роиль? Парни, которые судят о девушке только по внешности — недалекие тупицы! — раздраженно бросила я.

— Не в наружности дело, Солнце, а в... характере Роиль.

Я выдавила штатную улыбку и отвернулась. Уставившись на плотный занавес зелени, сквозь который пробивался солнечный свет, я постаралась сдержать свои эмоции. А ведь уловки Аливе и со мной сработали. Осознание того, что я с легкостью приняла ее правила игры, вызвало неприятный привкус разочарования, который я попыталась скрыть за сарказмом: — Выходит своим разрывом с Анестом я обрекла его на скучную жизнь. Как же он без меня, беденький?

— Оставь парня в покое, а лучше вообще забудь про него. К тому же, нам пора возвращаться.

— С радостью забуду! И Анеста и его поцелуй. Вернемся по аллее, мне там понравилось, — делая в сторону шаг, попросила я, но вынырнуть из-под водопада остролистной зелени, мне не позволили.

Сердце тревожно замерло в груди, когда Фиц сократил расстояние между нами, вынуждая меня вскинуть голову и окунуться в изумрудный омут его внимательных глаз. Именно этот взгляд побудил меня нарисовать его портрет. Кончиками пальцев я коснулась щеки и уголка его губ

прежде, чем усомнилась в своей торопливости, и прежде, чем я смогла это осознать, ответная реакция уже последовала. Прикосновение его губ к моим было почти невесомым и настолько нежным, словно он боялся спугнуть бабочку с цветка. Это было ново для меня.

— Такой мягкий, холодный аромат... и соблазнительно-нежная кожа... Ты словно призрак весны, глоток свежего воздуха, — шепнул он и вновь прильнул к моим губам.

Сердце волнующе заколотилось. Опустив руки на грудь Фица, я позволила себе насладиться трепетной лаской, вкусом мужских губ, неудержимым полетом мысли. И все в этом моменте было так естественно и так прекрасно.

Тонкие пальцы ласково скользнули по моей шее, плечам, легли на талию, бездумно круша иллюзию пышных форм. Несмотря на то, что его внимание было приятно, Фицион обнажал несоответствие моей фигуры с объемами Роиль, тем самым разоблачая мои способности. Позволять ему проявлять чувства дальше было рискованно, да и удерживать иллюзию становилось все сложнее. Это заставило меня вынырнуть из тихого прекрасного мира зелени напрямик в жаркие солнечные объятия.

К ужину мы, наконец, освободили мою комнату от громоздкого металла. Фиц распахнул настежь окно, что позволило нам насладиться вечерней прохладой. Еще одним приятным моментом была несостоявшаяся дуэль и вот какой вопрос меня занимал: нашелся ли во всей академии хоть один желающий провести Аливе?

— Ты как-то странно улыбаешься, Солнце, — оборвал поток моих мыслей Фиц. — О чем задумалась?

Он полулежал на моей кровати и лениво подпирал щеку кулаком. Я устроилась рядом, стараясь не стеснять гостя.

— Вчера я заметила одну странность. Скажи мне, в чем причина твоего ночного... ступора? Ты был, мягко сказать, неадекватным...

Небольшая заминка говорила о том, что Фициону вопрос не понравился, однако вопреки моему ожиданию ответ имел место.

— Амулет, который ты зарядила своей энергией позволил увидеть твой образ сквозь личину Роиль.

— Иллюзию, — машинально поправила я, меняясь в лице.

Я вдруг поняла всю катастрофичность своего положения: амулет действительно работает и при контакте изобличает иллюзию. Интуитивно я соскочила с кровати, схватила под подушкой глиняный кругляш и швырнула его в стену с такой силой, на которую вряд ли когда-нибудь буду способна.

Тишину прорезал звук бьющейся керамики. От неожиданности Фиц сорвался с кровати вслед за мной.

— Что ты наделала? — Фиц бросил на меня сердитый взгляд.

— Так надо! — выпалила я. — Никто не должен знать о моих способностях. Никто!

Неожиданно его лицо смягчилось, он взял меня нежно за голову и прижал ее к своей груди, пропустив пальцы сквозь мои локоны.

— Хороший повод для очередных насмешек. Я провалила задание профессора Хиддена, — прошептала я, упершись взглядом в осколки.

ГЛАВА 23

В воскресенье некромант отсутствовал, что было странным, поскольку положение дел обязывало его взять в руки веник и мести территорию внутреннего двора наравне со всеми неудачниками, завалившими задание по отслеживанию зверей. Я была предоставлена сама себе, а потому благоразумно посвятила время истории. Что толку стоять на пороге неиссякаемого мира знаний и несмело сжимать ключ от двери, которую уже открыла?! Вперед и с песней!

Начнем наш экскурс в историю образования Лариусского королевства.

Северо-западные народы Загорья под предводительством истинного мага земли Дела эль Корсака и его правой руки, мага, избравшего мир Тьмы, БегГара Шампуса, чье происхождение остается тайной и по сей день, не зная сна и усталости, прорубили тоннель в неприступных скалах. Щедро спонсированные империей, подготовленные отряды магов, хлынули на новую

землю подобно полноводной реке. Они заселили южную территорию, потеснив коренное население. Надо сказать, что местные жители сопротивления не оказали и на подобное соседство отреагировали с невозмутимым спокойствием.

Как бывает в любой истории, девушки привлекли внимание оголодавших на ласку мужчин. Красавицы пленили сердца захватчиков своей свежестью и мягким характером. Не обошла стороной любовь и Дела эль Корсака. О чувствах предводителя мы можем узнать из песни о юной мечте, имя которой Леола (надеюсь, петь нас не заставят на паре, в противном случае... вот смеху-то будет! Но я отвлеклась).

Отцы и братья, женихи и сыновья девушек не посмели выступить против чужеземной силы. С тех пор надолго установились постоянные сношения. Но любовь — не сплошь радость и захватчики все чаще вступали в новую должность — должность молодого родителя. Увы, не всем стало по силам обжиться на новой земле, выбор между бастардом и родным домом, между женщиной, согревающей тебе постель и семьей, оставленной по ту сторону туннеля, нелегко. Многие возвращались к себе на родину.

Шло время. Все жили мирно и счастливо, платили подати, строили порты, возводили дома и замки, торговали, осваивали новые ремесла. По укрепленному в скалах туннелю шло сообщение с Себрийской империей.

Объединенные южные земли соглашались с навязанной империей политикой, но выдерживать ее давление становилось все сложнее. Трудно сказать, что послужило искрой: может, союз Корсака с местной красавицей и рождение двух замечательных дочерей, может, вынужденная необходимость — но так или иначе, королевство было создано и Корсак вступил в должность короля Лариусских земель. Королевство росло и крепло, оставаясь обязанным доставлять империи вспомогательные отряды, пополнять казну голодного до золота императора и следить за беспрепятственным передвижением по туннелю в скалах себрийской аристократии, которой южные земли приглянулись своим теплым летом и мягкой зимой.

Под грамотной и твердой рукой эль Корсака креп дух Лариусской земли. Королевство более не нуждалось в покровительстве империи, но все также продолжало исполнять свои обязательства во избежание кровопролитных войн.

Росли две очаровательные и в то же время разные, словно солнце и луна, день и ночь, пламя и лед наследницы. И если одна могла согреть лишь взглядом, прельщала чудесным даром красноречия и открытым сердцем, вторая, Мулоус, восхищала своим хладнокровием и самообладанием. Все чаще закрывалась она в библиотеке, находя утешение в тишине и полумраке, постигая запретные знания. И все бы ничего, но Мулоус стала любовницей БегГара Шампуса. Связь дочери с темным магом не была тайной за семью замками и все больше тревожила правящее лицо.

Тем временем, дворцовая жизнь текла своим чередом, лишь изредка омрачаясь провокациями со стороны себрийской аристократии. Все изменилось, когда красота Мулоус пленила взор доверенного лица императора Себрии. Салт де Фиер возжелал инфанту. Король посчитал такой брак благоприятным стечением обстоятельств и вопреки желанию влюбленных благословил союз, не подозревая, чем его решение обернется в дальнейшем. Увести суженую в империю не удалось. БегГар Шампус, движимый ревностью, стер с лица земли всю себрийскую делегацию, не оставив и пепла от первых лиц могучей империи. В ожесточенном сражении погибла и его возлюбленная Мулоус.

Вспыхнувшая кровопролитная война потребовала от Дела эль Корсака решительных действий. Король собственноручно обрушил тоннель, заживо похоронив в нем своих врагов.

Королева Леола, еще теплившая надежду, что жизнь ее семьи вернется в привычное русло, спустя пару месяцев покончила собой. В народе говорили, что причиной стал БегГар, который переключил интерес на оставшуюся дочь. В итоге, обезумевший король вызвал побратима на поединок и был сражен. БегГар Шампус вступил на трон. Дочь покойного Корсака и единственная наследница короновалась.

В должности королевы она провела, не дотянув до года ровно три дня. Тьма была ей чужда и привела к неминуемой гибели, как приводит к увяданию дивных растений вечный мрак и лютый холод, растворяя одинокий свет надежды в бесконечной пустоте.

С тех самых пор наш король здравствует и ни в чем себе не отказывает. Вернее сказать, ни одна девушка королевства не в праве ему отказать. Попробуй, откажи темному королю, разменявшему седьмую сотню... шкуру снимет и жить заставит. Однако, именно из-за БегГара,

который наделен неподвластной пониманию темной силой, наше маленькое королевство не знает проблем с теньями.

Чтение вконец уморило и, захлопнув книгу, я решила собираться на ужин.

Фица я не видела весь день, не появился он и за ужином. Я не стала забивать голову дурными мыслями, но на душе было как-то беспокойно.

* * *

Утро нового дня встретило беззаботным щебетом птиц, тающей прохладой и тлеющими в душе уголками беспокойства. Прижав к груди полотенце, я прошлепала в купальню. Какое-то время просто стояла под струями прохладной воды, — иначе было не проснуться и не избавиться от тревоги за Фициона, которая начинала меня раздражать. Я неспешно оделась и потянула на себя дверь. Та моментально распахнулась, заставив охнуть и выронить полотенце.

Считанное мгновение понадобилось некроманту, чтобы воспользоваться моим отступлением и с привычной смесью дерзости и осторожности притеснить меня к стене. Я сделала глубокий вдох в намерении потребовать объяснение, как Фиц накрыл мои губы. Его поцелуй, сочетающий невероятную нежность с исключительной настойчивостью, не оставил мне шанса высказаться. Сладкая нега словно покрывалом окутала меня. Сосредоточившись внизу живота, она подчинилась тайному желанию, пробуждая во мне нечто, что заставляло покорно принимать пытку наслаждением и в то же время безумно пугало.

Всего миг свободы и я ощутила горячее дыхание на изгибе шеи. Его губы коснулись чувствительной кожи, прокладывая цепочку поцелуев к ключице, срывая тихий сладкий стон. Пальцы утонули в водопаде медных волос, скользнули по моему позвоночнику, надавили на изгиб талии, вынуждая прогнуться навстречу твердому телу, вторая ладонь легла на тонкую шею, воскрешая в памяти воспоминание, как накануне эти руки меня душили. Я дернулась, желая вырваться из капкана его объятий и обрести хоть каплю свободы. Тяжело выдохнув, Фиц нехотя отстранился.

Трепетный, дымчато-розовый свет раннего утра подчеркнул румянец и придал моим губам насыщенный оттенок, позволяя парню насладиться впечатлением, которое произвел.

— Как выходные? — прошептал он, не желая отрывать взгляд от моих немного вспухших губ.

— За книгами, а вот где ты пропадал? — я склонила голову на грудь Фициона и его руки тут же легли мне на талию. — Тебя не было целый день. Я думала, что ты вроде как будешь...

— Мести двор? — закончил Фиц и, усмехнувшись, заверил: — Только через мой труп!

— Так, где тебя нелегкая носила? — отстраняясь, переспросила я и для пущего эффекта подозрительно прищурилась.

— Выполнял поручение профессора, — отмахнулся он и поинтересовался, беззлобно подтрунивая надо мной: — Волновалась?

— Нет.

— А я места себе не находил, думал, сбежишь, — вновь притянув меня к себе, он нежно коснулся моего виска губами.

Никогда я не доверяла никому настолько, чтобы раскрыть свою тайну. Никогда всерьез не задумывалась над простыми жизненными вещами, о которых так часто судачат девчонки, предаваясь коллективному обсуждению возвышенных чувств, и уж конечно, никогда не мечтала о чем-то большем, чем просто поцелуй. Сейчас «нечто большее» я всеми силами старалась выкинуть из головы!

— Я боюсь потерять тебя, — тихо признался Фиц.

Путаясь в чувствах, которые всецело завладели мной, и покоряясь невидимой воле, заставляющей облечь мысли в слова, я тихо, почти неслышно пообещала:

— Я никуда не денусь.

Фиц отступил, разрывая объятия и оставляя меня в растерянности. Фицион этого не заметил, казалось, он всецело был поглощен своими страхами.

«Денешься!» — неожиданно для себя понял некромант. Рано или поздно, но чистая и тонкая энергии иллюзии войдет в диссонанс с моей темной сущностью и тогда я могу оказаться подставной фигурой в твоём обмане.

Фицион изменился в лице, чем насторожил меня.

— Фи-иц? — я попыталась прояснить, в чем дело, но...

— Идем на завтрак, — с его словами вырвались злость и раздражение.

Я вынужденно кивнула, а на душе остался нехороший осадок. Попытка понять, чем была вызвана смена полюсов его настроения, не увенчалась успехом. Сбитая с толку, я бросила взгляд за свое плечо на отсыревшую стену, которую мгновением раньше подпирала спиной, испытывая необыкновенное, томительное и немного стыдливое чувство. Уродливые трещины на стене и пожелтевшие разводы навели на мысль, которую поспешила озвучить:

— Мне нужно сменить платье.

Очередь кивать перешла к Фицу.

* * *

Наше совместное появление в столовой стало первым в списке горячо обсуждаемых новостей.

— И как им в голову такое пришло? — сдавленно процедил первый голос.

— Слишком нелепая пара! — простодушно согласился второй.

— «Лучшей» замены Анесту ей было не найти! — не удержался от колкости третий.

— А вам не кажется, что они друг друга стоят? — констатировал четвертый голос.

Мы прошли к раздаточной, игнорируя то, как вытягиваются лица адептов, как их головы всецело занимают мысли, которые обретают вес в попытке пристыдить, вызвать чувство неловкости, неправильности. Фицион пропустил меня вперед и с невозмутимым видом принялся наполнять поднос. Казалось, ни один взгляд, призванный донести всю палитру оттенков ненависти, не трогал его, мне же были неприятны прямые злобные взгляды магичек, оскорбленных нашей внезапной близостью.

Не обошел вниманием и «мой бывший», который повел себя чересчур вызывающе. Пока мы стояли в очереди, он подступил к Фициону и кинул ему какую-то глупость:

— Ну как, тебе уже довелось оценить энтузиазм, с которым она берется за «дело»?

На мой недоумевающий взгляд Анест ответил высокомерной улыбкой, — пожалуй, это было единственным проявлением внимания к моей персоне. Он опять посмотрел на некроманта и добавил пару словечек про «инициативу», которую я люблю брать в свои руки. В общем, просветил некроманта, благодарную публику позабавил, а меня вогнал в краску.

Повисшее молчание прервали смешки впереди стоящих девчонок. Я вымученно прикрыла глаза, отчетливо представляя, с каким рвением их услужливые языки разнесут слух обо мне, который так неосмотрительно пустил «мой бывший».

— В любом случае, встряска пойдет тебе на пользу, приятель. Не позволит отсыреть в подвале, — ободрил Анест некроманта, пребывающего в угрюмом молчании.

Вопреки моим ожиданиям, Фиц не бросился на обидчика с кулаками, а лишь похлопал по плечу симпатягу-шатена со словами:

— Тебе следует быть аккуратнее в выражениях... приятель.

И все? Все?! Добродушный мне какой-то некромант попался. Излишне добродушный!

Анест разочарованно пожал плечами и, не сказав больше ни слова, отвалил.

Ни одного стоящего объяснения, почему Фиц не встал на защиту чести своей избранницы, на ум так и не пришло. Задал бы ему трепку, чтобы в следующий раз неповадно было, и дело с концом! Так нет же... Скрывая разочарование, я склонила голову, усиленно делая вид, что занята выбором блюд. Пара ломтиков сыра, долек помидора, сладкого перца, — я вроде как люблю овощи, и зелень люблю, и румяный пирожок люблю...

В отличие от меня Фицион проблем с аппетитом не испытывал. Глядя, как он уплетает, я поинтересовалась:

— Фиц, а на счет склепа... ты не шутил? Там действительно так страшно, как ты рассказывал?

Несколько озадаченный моим вопросом некромант нахмурил брови.

— Это ты к чему?

— Хочу взглянуть, — напросилась я, подозревая, что с мертвецами он будет более смелым, чем с живыми.

Фиц аж подавился, но быстро совладал с собой, уставился на меня, как на безумную. А мне всего-то хотелось проверить его способности и убедиться, что он один из тех некромантов, которые внушают страх и невообразимый ужас всему живому; некромантов, управляющих разрушительной мертвой стихией, бесплодной, безжизненной энергией.

— Как пожелаешь, — протянул он с легкой ухмылкой, от которой повеяло холодом.

Увы, наша экскурсия не состоялась, но обо всем по порядку.

На лекцию по «Магниту благ» я шла, напряженно размышляя: «слоило ли самой рассказать шатену о правилах хорошего тона или дожидаться, пока у Фица проснутся мужские инстинкты?»

Я не обманывалась и понимала, что среди магов каждый сам за себя; да и встречаемся мы всего ничего, но...

Я как обычно подошла к окну. На плечи легли руки и Фицион настойчиво развернул меня к своей парте, разрисованной страшилками. Не сопротивляясь, я присела и окинула аудиторию безразличным взглядом. Половина группы уже заняла свои места, пара девушек о чем-то болтали, стоя в проходе, Аливе листала какую-то книгу о травах, совершенно не похожую на наш учебный материал, «сырная» девочка вытирала доску. И все, абсолютно все они были в брючных костюмах. По мне так девушки в своем стремлении доказать себе и миру идею равенства, уподобились мужчинам, без стыда перенимая их предпочтения в одежде, а заодно и манеры, теряя в туманных перспективах полноценный образ женщины.

Некромант занял свое место и, скрестив на груди руки, задумчиво поглядывал в мою сторону. В кабинет вошел профессор Хидден в неизменной мантии и с посохом. Промокнув лоб платком, он потребовал наши работы. Профессор остался недоволен ничтожно малым количеством действующих амулетов и всю пару решил посвятить «разбору полетов». Я задумчиво смотрела в одну точку на стоящий в углу крючковатый посох, все больше утопая в сомнениях, которые не только не приблизили меня к решению проблемы, но и стали преградой на пути к восприятию материала.

Все было до безумия просто и до невероятного сложно. Существующий стереотип в обществе магов призывал меня ответить вызовом на вызов; воспитание и привитые с младенчества нравы — отпустить ситуацию и она сама себя исчерпает; сомнительная наследственность вынуждала болезненно уколоть некроманта за его бездействие. Понятное дело, лекция прошла мимо меня. Как вытерпела методiku и практику в обучении магии, где пришлось сидеть в позе лотоса среди братьев по силе и тупо медитировать перед чашей с водой, ума не приложу. Нужно было почувствовать воду, но было так жарко и так хотелось пить, что я не могла расслабиться, привести свои мысли в равновесие и подружиться со «своей» стихией, чтобы управлять ее энергетическими потоками. Все мои попытки закончились полным провалом, опрокинутой чашей и нагоняем от профессора.

Перед обедом, прежде чем приступить к трапезе, я подошла к столу Анеста и аккуратно положила между подносов две тоненьких книжки в мягком переплете. Компания с интересом уставилась на красочную обложку верхней, на которой в одной ладони был нарисован целый мир, и притягивала взор надпись: «Сила положительно нравственного влияния». На вопросительный взгляд шатена и последующий вопрос: «как это понимать?» я скромно улыбнулась и вежливо ответила:

— Я считаю наши разногласия несущественными и пустыми. Более того, если я тебя чем-то обидела — прошу прощения и уверяю, твоя дальнейшая судьба мне безразлична. Смею надеяться, это взаимно!

Шатен кивнул, принимая мое извинение. Наблюдая за нашей душевной беседой со стороны, некромант неодобрительно покачал головой. Один из старшекурсников отодвинул в сторону верхнюю книгу, чем заставил отвиснуть челюсти окружающих.

На нижней книге черным по белому значилось: «Как убить в себе осла». Что было в этом труде, я могла судить лишь по выразительному названию.

Столовую накрыла отборная брань, которую можно услышать разве что в портовой таверне, хотя я сужу о вещах, к которым никакого отношения не имею. Слова «закопаю», «нежить позавидует», «родная мать не узнает» я едва успела вычленивать из нецензурных фраз, выплюнутых шатеном.

— Дальше без меня, мальчишки, — уличив момент, бросила я и поспешила за свой столик.

— Мерзавка! Да как ты смеешь?! Да я из твоей козьей морды рагу сделаю! В восемь на первой площадке. Сегодня! — полетело мне в спину.

Дуэль? Снова? Видимо осел в нем все-таки сидел!

— Ты мне за это ответишь! — Анест швырнул в мою сторону книги и направился к выходу, но сделав шаг, вдруг вскрикнул и рухнул на пол. Охваченный судорогами, он бился и корчился так, словно со всех сторон его били ногами, пытался кричать, но не мог издать ни звука, будто в легких совсем не осталось воздуха. Наблюдая за этой жуткой картиной, я зажала ладонью рот, чтобы не закричать.

Наконец, его перестало дергать и Анест отключился. Во всяком случае, мне хотелось верить в то, что парень потерял сознание, а не отправился к праотцам.

— Лекаря, живо! — заорал кто-то. Тут же поднялась суматоха, перед глазами замелькали лица, руки, спины.

Я стояла как вкопанная, пытаясь осмыслить происходящее. Желание Анеста поквитаться со мной и последующий приступ не укладывались у меня в голове.

— Зачем? — сорвалось с губ Фициона, когда он приблизился ко мне.

Я непонимающе уставилась на него, но некромант не счел нужным что-либо пояснять и уже погруженный в свои мысли покинул столовую.

Следующей парой стояли «Последствия применения магии», однако разбор энергетического механизма магического воздействия не состоялся из-за нежданного гостя. В распахнутую дверь аудитории вошел человек, которого я бы уверенно занесла в графу «неудачно удачное прошлое». Представитель закона, с которым я имела неосторожность столкнуться на каменистом берегу, охотник с пронзительным взглядом, огневик, скрывающий свою силу.

Стоит заметить, не каждому магу дано видеть ауру, но все мы умеем чувствовать вихри силы, закручивающиеся вокруг наших тел. Внутренний вихрь Сайроса излучал теплый спокойный фон. Однако, за этим обманчивым ощущением скрывался самый настоящий «вулкан».

Подчиненный воле мага, он никак себя не обозначал, но я знала, что стоит ему проснуться и выпустить огненную лаву на свободу, и она уничтожит все, что способно сгореть на многие мили вокруг.

Мага с таким поразительным самообладанием и выдержкой никакими трудностями не сломить и уж точно не остановить на пути к своей цели. И тут мне стало страшно, ведь его цель вполне может обернуться для меня темницей...

ГЛАВА 24

— Прошу приветствовать старшего дознавателя, уполномоченного на проведение следственных действий... — представил профессор вошедшего.

— Солнце, проблемы? — внезапная перемена моего настроения и попытка слиться с мебелью не ускользнули от некроманта.

Сцепив пальцы, я сосредоточилась на деревянной нити и под прицелом изумрудных глаз развеяла иллюзию на своем запястье. После для Фица пером начеркала на листке короткую строчку: «Он был первым, кто заподозрил». В силу сложившихся обстоятельств я была вынуждена забыть наши с Фиционом разногласия.

Сообразив в чем дело, Фиц перевел взгляд на огневика. Среднестатистический универсум, мужественные черты лица, которые многим девушкам кажутся привлекательными, никаких регалий и никаких перстней с подавляющей магией... А вот это уже странно. Пусть его профессия не представляет особой угрозы для жизни, однако маг, чья работа требует сбор всех необходимых делу доказательств, не будет пренебрегать вещами, оказывающими подавляющее воздействие на чужую волю.

Старший дознаватель внимательно осмотрел аудиторию, задержал взгляд на мне, на некроманте и снова перевел его на меня. Я склонила голову и сделала вид, что не поняла его молчаливого порицания. Я уже успела разочароваться в наших с Фиционом отношениях, однако я была уверена, что стоит мне дать Фицу отворот-поворот, как академия будет для меня потеряна. А что дальше? Бордель? Окунулась уже в мир страстей ума и чувств, хватило с лихвой! И пока Фицион не требует большего, чем поцелуи, которые доставляют мне тонкое, невероятное, ни с чем несравнимое удовольствие, сижу на попе смиренно. Мне некуда бежать и негде скрываться, а осень недолго будет радовать своим теплом.

— Мое имя Сайрос Севере, — представился огневик.

Аудиторию тут же наполнил недоуменный гомон, который под тяжелым взглядом огневика быстро себя исчерпал.

Дождавшись тишины, Сайрос Севере холодно продолжил:

— Я здесь по причине участившихся случаев использования запрещенного вещества — морока. Все мы знаем, что морок мастерски искажает реальность, заставляя поверить в то, чего не существует на самом деле. Явным тому подтверждением стал цинково-желтый волкодав, разгуливающий по улицам нашего города. В сводках новостей мастера пера преподнесли это

событие в реалистично-гротескном образе, лишь подогрев интерес народа к запрещенному веществу. Наша служба принимает все меры для поимки наглецов и возобновления порядка. Моей обязанностью стало помочь вам, молодым магам, понять, как опасно впускать в свою жизнь морок.

Я удивленно моргнула. Так огневик не по мою душу! Облегченно выдохнув, я вдруг осознала насколько напряжение и страх обессилили мое тело. Удобней устроившись, я с неприязнью слушала умозаключения старшего дознавателя, не подозревающего, что причина всех вымышленных бед сидит на одной из последних парт.

— Задумайтесь, к каким трагическим последствиям может привезти ложь? Она развратит ваши умы, изменит вашу жизнь и жизнь ваших близких. Морок, словно ржавчина, неизменно будет разрушать, разъедать, уродовать ваш дух. Вы перестанете адекватно воспринимать события, которые происходят вокруг вас. Будете видеть только то, что хотите видеть, слышать только то, что вам приятно. Отторгая реальность, вы принимаете химеру под названием Безумие, что чревато пагубными последствиями.

Дальше были приведены неоспоримые доводы в пользу того, чтобы узнав какую-либо информацию о лице/месте хранения запрещенного товара, бежать с доносом к уполномоченным на активные действия лицам. Не забыл Сайрос рассказать и о мерах пресечения, связанных с лишением свободы, и про латеритный рудник упомянул, чтобы неповадно было.

За этот час благородная сдержанность и ум, наравне с красивым лицом, статной фигурой, безукоризненным костюмом, пленили взгляды не обремененных отношениями девушек, и все чаще их губ касалась мечтательная тень улыбки. Несмотря на то, что адепткам были известны некие нелюбимые подробности из жизни рода Севере, на это время они предпочли их забыть. Как говорится, встречают по одежке, провожают по уму — и это магички еще не знали про его огненный универсум!

— Стражи закона ожидают от Вас обдуманных и взвешенных действий. Помните, что во лжи легко потерять себя. Едва ли возможным становится покинуть царство вечной тьмы для мага, преступившего закон и выбравшего сторону, противоположную правде, — закончил старший дознаватель, находя отклик в сердцах собравшихся, за редким исключением, разумеется. Некромант с изрядной долей безразличия разрисовывал парту.

Я уставилась на рисунок и тут же передернула плечами от редкой мерзости, ставшей плодом работы смутного и ужасающего сознания.

— Все свободны, кроме адепки Роиль Чансе. С ней я хотел бы побеседовать лично.

Фраза стала для меня настолько внезапной, насколько неожиданным может быть оглушительный раскат грома посреди ясного неба. Мое дыхание прервалось. Я затравленно уставилась на выныривающую фигуру огневика, среди суетящихся спин адептов, складывающих вещи и направляющихся к дверям, возле которых образовался небольшой затор.

— Солнце?

Я вроде услышала краем уха, но отреагировать была не в состоянии. Мне необходимо срочно найти выход, усыпить бдительность дознавателя. Милостивые духи, что же мне делать? Что делать?

Ладонь некроманта собственнически легла мне на бедро, заставляя охнуть и нервно подпрыгнуть на месте. Возмущенная столь наглым и несвоевременным проявлением чувств, я излишне резко скинула его конечность со святого и с укором уставилась на Фица. Неужели он не понимает, что мне сейчас не до него?!

— Солнце, он может тебя узнать? — одними губами прошептал некромант.

— Возможно, по голосу.

Медленно и неотступно страх подчинял мой разум. Я не видела выхода. Выхода не было! Неожиданно для меня, Фиц прильнул к моей щеке. Коснулся ладонью моего горла и коротко поцеловал, невесомым энергетическим воздействием изменяя тембр моего голоса.

Сил противиться Фицу не было. Так, пора заканчивать принимать все близко к сердцу! В любом случае я смогу извернуться и смыться. Вот только ценой вопроса была академия!

Я спустилась к доске и присела на указанный старшим дознавателем профессорский стул. Фиц собрал мои вещи и одним из последних направился к выходу, но был остановлен требовательным:

— Убери.

Парень замер и обернулся. На его лице застыла мрачная тень, тщательно скрывающая удивление и осознание того, что интуитивно он не обманулся на счет огневика. Этот Сайрос определенно сильнее, чем кажется на первый взгляд!

— Не имею права, — с вызовом отозвался парень, а я превратилась в сплошной орган слуха.

— Причина?

— Спор между мной и адепткой Роиль Чансе, господин Сайрос Севере.

— Настолько самоуверен, что даже не задумываешься о последствиях.

— Легкая манипуляция со здоровьем адепки не причиняет ей боли и влечет за собой временную деформацию голоса без последствий. Состав преступления в моих действиях нет. Задержать меня вы можете только по статье «личная неприязнь», — несмотря на свой возраст Фиц держался естественно и уверенно. Украдкой я завидовала его самообладанию.

— Не дороговато ли запросил с проигравшей стороны?

Фиц даже не дрогнул. Не проронив ни слова, парень просто развернулся и покинул аудиторию, оставив меня с дознавателем один на один. Под упрекающим взглядом Сайроса я утратила всякую способность двигаться, дышала и то через раз.

— Роиль Чансе, прежде чем мы побеседуем о том, что произошло с вами и деревней, я вынужден поинтересоваться, вы в отношениях с некромантом?

Я удивленно взглянула на дознавателя. Я понимаю, его работа задавать вопросы, но причем здесь наши с Фиционом отношения? Какое право он имеет лезть в мою личную жизнь?

Почувствовав скапливающуюся внутри злость, я разжала челюсти и нехотя ответила, понимая, что чем покладистее буду, тем быстрее беседа себя исчерпает.

— Да, — сказала голосом, напоминающим придушенное карканье. Ай да Фиц, ай да молодец!

— Насильно? — с непоколебимым видом поинтересовался наглец, нисколько не удивившись.

— Что вы?! — воскликнула я и продолжила невероятно прокуренным голосом, соперничать с которым мог лишь несчастный, пораженный обостренными аллергическими реакциями:

— Вас интересуют подробности той ужасной ночи? Я едва ли смогу приоткрыть завесу событий минувших дней по ряду причин, но не смейте унижать меня столь омерзительными подозрениями!

Каким бы ужасным Фиц не был, а он не побежал с доносом в СКАД, а... м-да, взял и извлек свою выгоду. Ну да и ладно, я вроде как не в обиде.

— Я не получил ответа, — сухо напомнил Сайрос Севере.

Сделав глубокий вдох, опасно скользя по гребню эмоциональной волны, придавшей уверенности перед лицом пристыженного врага, я прохрипела:

— Фиц мне нравится, и давайте не будем об этом. Я понимаю, что вынужденный подчиняться долгу, вы заставите вернуться к событиям, боль которых я отчаянно пытаюсь унять и все же верю, что вы будите милосердны.

Переиграла?! Не-а, вроде ничего так... Главное склонить голову и словно бы невзначай, в сдержанно-возбужденном жесте смахнуть наигранную слезу.

— Перейдем к делу. Где вы были в момент нападения кочевников?

— В дороге.

— Чем вы объясните столь ранний выезд в город? Помнится мне, весь путь занимает от силы четверо суток.

— Верно. Как вы могли заметить, путешествие верхом для меня целая проблема. Бесконечная тряска в седле награждает меня головной болью и убийственной смесью неприятных чувств, вынуждая делать частые остановки, поэтому я пользуюсь услугами возничих. Вот и занимает дорога больше положенного времени.

— Расскажите, как все было?

Если вы мне скажете, что проживая чужую жизнь, я достойна высшей степени наказания — я отрицать не стану. Чувство вины перед погибшей девушкой не отпускало. Я ощущала себя воровкой, и тем не менее, не собиралась раскаиваться, более того — я твердо решила стоять на своем. В глазах промелькнул отблеск спокойного несгибаемого упорства. Ложь с легкостью слетала с моих уст, затрагивая совестливые струны души, которые я сознательно игнорировала, стараясь быть естественной в «своем горе».

Слетающая с моих уст легенда все больше обростала лживыми подробностями:

— Мы уже преодолели половину пути до города, когда весть о сгоревшей дотла деревне долетела до харчевни, в которой мы остановились на ночлег. Я упала без чувств. Придя в

сознание, немедленно приказала воротиться. Ресин — возникший моей семьи, настоял на том, чтобы дождаться нового дня. А поутру его и след простыл, — слова дрогнули, я склонила голову. — Он бросил меня, посчитав, что его служба кончена: раз некому руководить жизнью возникшего, то некому выплачивать ему и жалование. Он забрал с собой кобылу и телегу... видимо, в счет оплаты. Хотела бы я, чтобы все прошло менее болезненно, но... Тогда я возненавидела возникшего, сейчас, задумываясь над его поступком, я пытаюсь его оправдать.

Вымышленному возникшему я пожелала всего хорошего и продолжила повествование, излагая внимательному слушателю свою историю. Я столько времени посвятила искусству обмана, что считала ложь своим верным оружием. Надо ли говорить об успехах на данном поприще?!

— Становится дурно от воспоминаний всех трудностей, с которыми я столкнулась, оставшись брошенной. Мне пришлось останавливаться в «Хромой козе» с бичами, каких свет не видел, в «Сухом треске» с тараканами и клопами, в «Кривой косе» с пьяницами, без стыда и совести лапающими всех женщин подряд. А эти женщины, они... они...

— Довольно, — потребовал дознаватель.

Задержав дыхание, я взглянула на гордый профиль мужчины, устремившего взгляд сквозь закрытое незашторенное окно на островок внутреннего двора. Должно быть, ему непросто искать семена лжи в поле моей неправды?!

Обернувшись, Сайрос Севере посмотрел мне прямо в глаза. Я ответила ясным взглядом, надежно скрывающим ложь.

— Вы безотлагательно направляетесь в город Табел. С чего такая одержимость? Можно было не изнурять себя долгой и трудной дорогой, а найти приют в близлежащем городе. Со способностью к управлению стихией воды сложно пропасть.

«Без нужных рекомендаций даже хорошему магу трудно устроиться на хлебное место, кому как не Вам это не знать» — подумала я, и принимая его условия игры, с легкой тенью растерянности произнесла:

— Оставшись одна, я не представляла, что делать дальше... Довольно быстро пришло понимание, что от моих решений зависит мое будущее. Стало быть, выход один: академия. С образованием все же проще найти хорошую работу, не так ли? Ну а уже после можно будет подумать о детях, внуках, да скромном домике, где все мы будем жить до глубокой старости. По-моему, задумав показать всю постность своего мышления, я неприятно сглупила. Хотелось верить, что излишняя миролюбивость и желание обзавестись внуками в семнадцать-то лет огневик воспримет с некоторой долей иронии, а не примется выяснять, что собой представляет мой внутренний мир. Как-то незаметно мы ушли от деревни и постигшей ее трагедии. Ой, не нравится мне это!

Старший дознаватель подошел ко мне и, придвинув стул, сел напротив. Какое-то время он пристально смотрел на меня. Я же затаенно следила за отсветом солнечных лучей, скользящих по серебристо — пепельным волосам.

— Вам оказывал помощь специалист по коррекции душевной жизни? — неожиданно спросил он.

— Нет.

— Вам были предложены его услуги?

— Да.

— Вы отказались?

— Да...

— Роиль, вы сознаете, что забота о вашем психическом здоровье это необходимость, которой лучше не пренебрегать? — дождавшись моего кивка, дознаватель взялся за старое: — Обоснуйте ваш отказ.

Да на здоровье!

— Разве можно проявлять заботу, выворачивая меня наизнанку?

— Позвольте дать совет, примите помощь и вам станет легче. Вы непременно это почувствуете. Я пропустила его слова мимо ушей. К моему огорчению на этом наша беседа не кончилась. Видимо, смекнув, что кивнула я лишь для галочки, Сайрос Севере обратил внимание на нестыковку в моих словах:

— Ваши отношения с некромантом идут вразрез вашим планам на будущее.

Прочитав в моих глазах удивление, он пояснил:

— Поймите, Роиль, у некромантов иные взгляды. Ключом их существования является мертвая магия. Лучшим мгновением в его жизни будет чья-то гибель, удовольствием станет опустошение и отчуждение. Ему нет необходимости связывать себя узами брака, он не будет вести домашнее хозяйство и тем более мириться с детьми в своих владениях. Я опасуюсь за вас и настаиваю на беседе со специалистом. Дальнейшие разъяснения, думаю, излишне.

— Я услышала Вас, — заверила я дознавателя мгновением погоды.

Уточнив еще пару моментов, Сайрос понял, что ничего нового о трагедии, которая произошла с моей деревней, я не скажу, объявил, что на этом все и я могу быть свободна.

Получив разрешение, я вышла из аудитории, опустошенная и уставшая, но наравне с этим довольная.

Опоздав на лекцию, я прошла к нашей с Фицом парте. Некроманта в аудитории не было.

Учебный день пролетел незаметно, а Фицион так и не появился. К слову, дуэль моя тоже не состоялась, и после занятий я направилась в общежитие с мыслью: «Все, что не делается — к лучшему!»

ГЛАВА 25

Фицион.

— Молчите?!

Я лениво восседал в кресле, немигающим взглядом наблюдая за «уважаемым» ректором.

— Вы преступили черту, подвергли жизнь адепта смертельной опасности! — раздраженно повторил он и без того очевидный факт. — Вы должны понимать, что некромантов не жалуют. Одна единственная академия во всем городе открыла для вас свои двери, в то время как остальные заведения всеми силами стараются избежать адептов с проклятой магией! И что я получаю в ответ? Для кого обустроены специализированные площадки и введена регистрация поединков? Адепт Фицион, вы осознаете всю безрассудность Вашего поступка?

Я был невозмутим.

— Вот что вы за человек? И слова из вас не вытянуть! — с сожалением сказал ректор.

Разговоры о морали всегда меня утомляли. А совесть, как и воспоминания, остались в прошлой жизни. Но вот над чем действительно стоит задуматься, это над своим промахом. Похлопав по плечу Анеста, я с осторожностью влил мертвую энергию в его тело. У парня началась мигрень, которая вскоре переросла в тяжелейший припадок. Я рассчитывал, что он сдохнет по-тихому. Я сводил риски к минимуму — и то, как Анест держался за обедом, еще больше убедило меня, что правда будет похоронена вместе с его телом. Самодовольный болван, неспособный почуять запах смерти. Но тут вмешалась моя девочка и все пошло наперекосяк. Анеста не только скрутило посреди обеденной залы на глазах у всех, но и нашлась старшекурсница, которая смогла погрузить его еще живое тело в некое подобие стазаиса.

Дальше — проще. Профессорскому составу удалось своевременно связать недомогание Анеста со случившимся накануне спором с Роиль Чансе. Причастность Роиль косвенно указала на меня. Зная что искать, лекарю понадобилось лишь время, чтобы подтвердить всеобщие подозрения и приступить к излечению. Анест выжил, однако умышленное причинение тяжелого вреда здоровью адепта поставило мое пребывание в академии под вопрос. Так я оказался в кабинете ректора, который быстро понял, что для меня его выволочка, как мертвому припарка. Так какой смысл продолжать?

— Приказ о вашем отчислении приготовят немедленно. Я не стану придавать гласности правду о несостоявшемся преступлении. Но! С рассветом вы должны покинуть стены академии! Это ясно?!

— Нет, — я впервые подал голос.

— У вас есть другой вариант?

— Общественные работы и возмещение вреда, причиненного здоровью пострадавшего, а также штраф. Это позволит мне остаться в стенах академии и продолжить обучение?

— Вы забыли о публичном раскаянии и извинениях пострадавшему, — ухмыльнулся ректор, зная, что для некроманта это страшнее любого наказания.

— Согласен на все условия, — лишенным эмоциональной окраски голосом, сказал я.

Ректор скептически вскинул бровь, скрестил пальцы и выждал время, видимо давая мне возможность передумать, после приказал секретарю придать дело огласке.

Далее развитие событий было вполне закономерным — я безучастно плыл по течению, в холодном тумане равнодушия вылавливая безликие лица, обстановку кабинетов, ограниченную должностным положением, преодолевающие суетой коридоры, камеру временного заточения. На вопросы отвечал в излюбленной манере, то есть практически не отвечал. Искренность раскаяния выразил своей готовностью к действиям, чем немало позабавил дознавателя.

— Фицион, дружище, что послужило причиной подобной сговорчивости? Девушка? — с усмешкой поинтересовался усатый дознаватель, который во всем случившемся видел тайную подоплеку.

— Знания... дружище, — холодно отозвался я, стирая неуместную улыбку на его розовощеком лице. Сутки задержания подходили к концу и порядком истощили запас моего терпения.

Словно насмехаясь надо мной, мне предоставили не участок, а самую настоящую свалку огромных размеров. Я обвел местность взглядом.

— Да тут собаке негде сдохнуть!

— Вот и постарайся! — неожиданно грохнул дознаватель.

Обозначив границы, он дал инструкции и свалил.

Я прошелся вдоль заброшенных домов, осматривая бесформенные кучи мусора: битые стекла, тряпье, прогнившие части предметов мебели, ветки деревьев, мотки колочей проволоки, ржавые уродливые каркасы, в далеком прошлом несущие не пойми какую функциональную нагрузку. Если дознаватель считал, что меня можно этим испугать, то он глубоко заблуждался; просчитался он и с опасным районом на окраине портового города. Промахнулся и с тем, что именно я буду разгребать это дерьмо!

— Как таких олухов принимают на такую должность!?

Прикинув в уме план действий и необходимое количество низкосортных работников, я принялся искать захоронения. Собаки и битюг со сломанной ногой тоже пошли в дело. Вскрыв вину, используя источник смерти, я воскресил каждого. Приказав слугам вычищать территорию в строго обозначенных рамках, направился в академию. Идти пришлось едва ли не на другой конец города.

— Предусмотрительный гад, рассчитал четко, чтобы полдня на дорогу уходило! — прорычал я, помяная недобрым словом дознавателя.

К тому моменту как я, озлобленный и обессиливший, добрался до мужского общежития, была уже глубокая ночь. Посетив купальню, я переоделся и направился в женский корпус, желая лишь одного — увидеть свою девочку.

Открыла мне двери заспанная женщина, разменявшая шестой десяток. На мою подчеркнуто вежливую просьбу и клятвенные заверения в том, что буду вести себя достойно, она ответила возмущенными возгласами и угрожающим сотрясанием пальца перед моим носом. Эта сука отказалась впускать меня в женское общежитие!

— Уважаемая, вы завещание написали? — рявкнул я, провоцируя бледность ее щек химерическими всплесками мертвой силы в своих глазах.

— Да как ты смеешь!?! — проблеяла та.

— Так поспешите!

Пользуясь полуобморочным состоянием кошелки, я проник в здание.

С трудом дождался, пока моя девочка откроет треклятую дверь. Роиль была явно обескуражена моим ночным визитом.

— Фиц? — вымолвила она.

Темный и призрачный, я сливался с непроглядным мраком, царившим в коридоре общежития. Я понимал, что пугаю ее, но я должен был убедиться, что она не иллюзия, не плод моего измученного сознания! Что все не напрасно...

— Фиц, что происходит? — в защитном жесте вскинув ладони, она отступила.

Моя девочка только и успела что охнуть, как была прижата к стене без права на отступление. Я жадно впился в ее трепещущие губы, с поразительной легкостью выкидывая из головы угнетающий мусор прожитых дней. Ее чистый, словно слеза девушки, и холодный, словно

океанский жемчуг, аромат становился для меня настоящим дурманом. В жарком, воспламеняющем кровь поцелуе, я признавался ей в этом и в безмолвном приказе требовал ответа. Желая, но не смея задрать подол отвратно-серого платья, я забирал ее дыхание и делился своим, упиваясь сладостью ее чувственных губ.

И сколько утешения в одном поцелуе, и сколько боли...

Она прервала поцелуй и тяжело дыша, уперлась лбом в мою грудь. Чувствовать близость наших тел было невероятно приятным, но назойливый страх, что в своем желании я стал непростительно несдержан, что она оттолкнет, сбежит, соврет — не позволил насладиться моментом.

— Фиц, я волновалась, — я едва поверил ее шепоту.

Сбросив иллюзию, красавица вскинула голову; ее дыхание коснулось моих губ. Привстав на носочки, она обвила шею руками, притягивая меня ближе. Во взволнованном действии прослеживалась неуверенность. Несмело скользнув языком по моим губам, тем самым их приоткрывая, она волнительно проникла внутрь и в нежной ласке задела мой язык. Зардевшись, отстранилась. Оставаясь неподвижным, я позволил ей осмыслить свои действия. С легкой улыбкой на губах она предприняла новую, более уверенную попытку. Потрясенный и возбужденный ее расположением, я незаметно перехватил инициативу.

И все же я узнал ее достаточно, чтобы понять, что большего этой ночью не случится, поэтому не посмел переступить грань дозволенного, наслаждаясь ее трогательным доверием.

Не раздеваясь, мы легли на узкую кровать. Обняв свое Солнце, я притянул ее к себе. Она хохотнула и устроилась удобнее. Вдыхая аромат медных волнистых прядок, я скользил пальцами по ее талии, единожды позволив себе опустить ладонь на красивую линию бедра, подсвеченную мягким лунным светом. Она недовольно поерзала и, вжавшись спиной в мое тело, переместила бесстыжую ладонь себе на живот. Пальцы против моей воли успокаивающе скользнули вверх, покоряя дивный холмик льняной ткани. Они нежно накрыли его и мягко сжали. Ее полусонная смешливая улыбка на припухших от поцелуев губах растаяла. Она крепко ухватила мою ладонь и вновь переместила ее на живот, на этот раз ниже пупка. Я вымученно прикрыл глаза.

Это была самая прекрасная и самая сложная ночь.

Утром я снова был в кабинете ректора, внимая нотацию о высокой морали. К чему? В качестве наказания он не придумал ничего лучшего, как на неделю закрыть мне доступ в женское общежитие. Я не имел права досаждать девушке, однако не навязывать свое общество в академические часы и послеобеденное время был не в силах.

К слову сказать, извинения Анесту я все же принес. Хотел было «дружески» похлопать его по плечу, но шатен шарахнулся от меня как от прокаженного...

ГЛАВА 26

— Чушь! — бросил один из адептов.

— Святая правда! — сказала Аливе.

— Ты не можешь знать наверняка! — справедливо заметила еще одна из слушательниц.

— Суди сама: меня исследовали вдоль и поперек несколько почетных городских лекарей, а также колдуны и священники, но никто не нашел причину этих пятен. Ни болезни, ни проклятия, ни вселившегося духа! Ни-че-го! Пятна словно нарисованы были, но при этом не стирались, как я не терла! Даже ведьма и та ограничилась словами: «вижу злой умысел, скрытый пеленой чужого света», — парадирюя умелицу, на пониженных тонах протянула спица, восседавшая на парте перед окружившими ее адептками. — Угадайте, чем закончилось ее задушевное мычание? — заинтриговала она.

— Чем? — заинтересованно спросила одна из девушек.

— Да не томи, Аливе! — поторопила с ответом вторая.

— Ты издеваешься? — возмутилась третья.

— А ничем! — Аливе развела руками. — Сыпь как появилась, так и прошла, не оставив и следа. Намутил кто-то!

— Поразительные дела творятся в нашей академии, — склонившись ко мне, шепнул Фиц. Пользуясь случаем, он скользнул губами по мочке моего уха.

— Ты так напряжена... — довольно ухмыльнувшись, он отстранился.

Опущенные ресницы и плотно сжатые губы были прямым тому подтверждением. Я предпринимала отчаянную попытку, чтобы не расхохотаться. Бедная, бедная спица! В какую круговерть она попала моими стараниями. Увы, сдержать себя не вышло: мои плечи сотрясла мелкая дрожь, что привлекло внимание Аливе. Вернее, она проследила за выразительными взглядами адептов, направленными в сторону покрасневшей толстушки, сидящей за последней партой. Это и сподвигло блондинку обернуться через плечо. Вынужденная отреагировать, она махнула адепткам в жесте «на этом закончили» и направилась ко мне. Вот только никто и не думал расходиться, предвкушая очередное зрелище.

Скинув с парты мое перо и тетрадь, Аливе уселась на уголок, эффектно перекидывая «лошадиный хвост» за спину.

— Скучала? — пропела она.

— Безумно! — улыбнулась я. — Заказала тебе панихиду, а ты не пришла.

— Это очень мило с твоей стороны, — заботливым голосом воскликнула девушка, — не отменяй ее, не стоит! Место то же, суббота, в шесть вечера. Успехов тебе, сокровище наше, — пребывая в хорошем расположении духа, она соскользнула с парты, намереваясь уходить.

— Аливе, — окликнул ее Фиц. — Как на счет обеда в субботу?

Повисла напряженная пауза.

— Напомни, чем я тебе не угодила? — оборачиваясь, насторожилась Аливе.

Фиц на мгновение задумался, и словно издеваясь, протянул, — дуэль доставит мне ни с чем несравнимое удовольствие.

Спица сочувственно расхохоталась.

— А что, больше некому доставить тебе удовольствие? — бросив на меня снисходительный взгляд, эта ехидна продолжила:

— Неужто некроманты настолько слепы в своем выборе, что довольствуются гнилым товаром? — усмеялась блондинка, скрывая уже возникшее ощущение тревоги.

— А вот и повод нашелся, — Фиц обошел разрисованную парту и, поравнявшись с Аливе, ласково произнес: — Ты просто умница.

С открытым ртом я наблюдала за этой парочкой. Спица изменилась в лице. Она как-то по-новому взглянула на Фициона. Враг, опасный силой мертвого знания, независимый, неуправляемый, недоступный и этим пугающий, теперь источал ледящий холод, внушающий угрозу не только Аливе, а всему живому вокруг.

— Откажись от дуэли с Роиль и я не причиню тебе вреда, — протягивая слова, обозначил свою позицию некромант.

Загадочная тень улыбки тронула губы Аливе. С превосходством взирая в лицо опасности, она, вопреки своей манере, нежно прильнула к некроманту и выдохнула едва ли не в самые его губы:

— Жди меня, Фицион.

Противостояние — не с него ли берет свое начало глубокая и страстная любовь? И сейчас, охваченные ненавистью друг к другу, в дальнейшем они потеряют рассудок в испепеляющем пламени чувств... А-а-ай! Для меня чужие чувства — сплошное сумрачное болото. Ни знаний, ни интуиции. И если с первым все более-менее ясно, как говорится, дело наживное, то интуиция должна быть врожденной.

Хищная улыбка застыла на лице некроманта.

Я запуталась окончательно!

— Спасибо, — поблагодарила я Фициона, когда на уголок парты легла моя тетрадь, рядом с тихим звуком опустилось перо.

— Мне нравятся твои рисунки. Создать едва заметные линии пером — непросто, — неожиданно сказал Фиц. — И все же, не стоит бояться делать изломы в правильных линиях, оставляя за штрихом невесомый след раздумья, неуверенности или даже злости. Так твои работы будут казаться более реалистичными.

Я было собралась ответить Фициону, что непременно попробую, но вошедший в аудиторию профессор поприветствовал рассаживающихся адептов и размашисто написал на доске

несколько никому не известных имен. Дождавшись прекращения возни, подчеркнул первое и начал свое повествование.

— Глен Морин — маг с неподвластной большинству стихийной мощью усугубляет свое положение причастностью к сообществу «Оковы боли». В желании раскрыть в себе новые грани запретного огня, он с головой уходит в эксперименты. Его обезумевший разум, идущий путем безжалостного кровопролитного познания, дает жизнь таким заклинаниям как: «Черная дрема» или «Привой к скелету». Первое позволяет отодвинуть в сторону все чувства: злость, сомнение, сострадание и, конечно же, любовь. Второе — куда интереснее! «Привой к скелету» не имеет никакого отношения к скелетам, как может показаться на первый взгляд. Заклинание ложится на тонкий план человека, который пребывает в глубоком потрясении, и прививает носителю одну устойчивую мысль. Настает момент и воин, не представляющий жизни без меча, отрекается от него. Дева, чье сердце наполнено добродетелью, берет клинок и совершает убийство. Или же некто, чью волю не согнуть, вносит изменение в закон, позволяя иному лицу занять доминирующее положение. Обращаю ваше внимание: ничего общего с заклятиями подавления чужой воли здесь нет! Все происходит естественно, поэтому распознать влияние со стороны не представляется возможным. Нет ни одного официально зарегистрированного случая с применением данного заклятия! Однако примеров диаметральной смены мнений первых лиц королевства хватает. Разберем наиболее яркие из них...

Профессор все говорил и говорил. Словно позабыв про время, он знакомил нас с магами, что подверглись гонению, рассказывал про их магические заклинания с диковинными названиями и необычными свойствами. Так что перерыву на обед я была несказанно рада.

— У меня голова трещит по швам! Как все это можно запомнить?

— Могу тебе помочь... — начал Фиц и, завладев моим вниманием, отшутился: — ...на время опроса очутиться в госпитале.

— Спасибо, не надо! На самом деле предмет достаточно интересен, просто такой объем... Как всех этих магов разложить в своем чердаке по полочкам? — пробурчала я и принялась опустошать тарелку.

— Удивительно! Здесь так светло, хотя нет ни одного окна, — лениво покусывая инжир, заметила я.

— Это из-за расположения «раковин», — прокомментировал Фиц.

Вдруг мне показалось что зеркало, возле которого мы сидим, поманило меня. Немного развернув стул для удобства, я отвела руку в сторону и пошевелила пальчиками. Поверхность гигантского стекла осталась слепа к моим манипуляциям. Что за глюк, неподдающийся логике?

— Солнце, что ты делаешь? — поинтересовался парень, наблюдая за моими движениями.

— Пытаюсь хоть чем-нибудь отразиться, — тут же ответила я.

Должно быть, я выглядела смешно, однако Фицион смотрел на своих умалишенных родственников: с долей снисхождения, непонимания, и, конечно же, беспокойства, когда уступая своей одержимости, больной вновь ускользает за грани реальности.

— Ты это серьезно?

Я мило улыбнулась.

— Конечно, нет!

— Тогда поспешим, до начала пары мне нужно успеть решить один вопрос.

Я кивнула, поднялась и, протянув руки к подносу, тихо бросила:

— Я еще до тебя доберусь, зеркало!.. Фиц, ты меня пугаешь! Что у тебя опять с лицом?

Тихим стуком поднос Фициона вернулся на стол, парень приблизился ко мне вплотную и впился взглядом.

— Фи-иц, ты меня пугаешь! — повторила я, утопая в малахитовой зелени его глаз.

Некромант протянул сначала одну руку и коснулся вьющегося локона, потом вторую и медленно развернул меня спиной к себе.

— Что это? — низким голосом выдохнул он.

— Зеркало!

— Это? — он развернул меня к соседнему гиганту.

— Зеркало.

— Хорошо, это? — вновь легкое давление на плечи развернуло меня.

— Ну, и долго ты будешь меня волчком вращать?

— Это... не смешно, — прошипел на ухо Фиц, перекидывая мою копну вьющихся волос на грудь.

— Что же это, если не зеркала?

— Картины...

— Если это картины, опиши хоть одну?

Фиц решил начать с зеркала в оправе из костяного скелета змееподобной твари.

— На этой изображен заброшенный погреб. На стене перекошены рога, на полу осколки и почерневшие пятна крови. Правее: покореженные винные бочки, которые опоясывает ржавый металл. Деталей немного, но каждая из них призвана угнетать и подавлять. Хочешь, я опишу каждую картину?

— Давай, но позже. Сейчас меня интересует только одна, — схватив Фициона за руку, я подвела его к зеркалу, пронизанному сетью трещин.

— Что здесь?

— Серьезно? Ты действительно не видишь? — сводя брови к переносице, спросил некромант.

— Нет...

— Гибнущее дерево, опутанное паутиной. Она преграждает доступ солнца, высасывает из него его силу.

— Фиц, обрати внимание на раму.

— Царство мертвых... Оправа вполне соответствует содержимому.

Взглянув на Фициона, я на мгновение задумалась, как же донести до него то, что вижу я.

— Для тебя это картина, а для меня зеркало. И оно определенно что-то скрывает. Фиц, что бы это ни было, но оно не пустое.

— Я могу коснуться картины силой... — неожиданно предложил Фиц.

— И что это нам даст? — тут же оживилась я.

— Если картина имеет отношение к воскрешению или призыву, я это почувствую, — сказал Фиц и протянул руку к стеклу. При этом он смотрел на меня с насмешливой улыбкой на губах.

— Боишься?

— Нет, — хмыкнула я, складывая руки на груди.

— Кого ты обманываешь? Я с ума схожу от запаха твоего страха...

Я возмущенно открыла рот, но не найдя что сказать, тут же его закрыла. Под ладонью некроманта едва ощутимо задрожал воздух. Незаметный, осторожный всплеск разрушительной энергии мелкой волной прокатился по зеркалу и стих. Фиц опешил. Нечто помешало ему пробить «холст», но отступить он не собирался, наоборот, в его глазах уже зажегся опасный огонек. Мои слова больше не казались ему нелепой выдумкой. Я же все больше убеждалась, что сила некроманта связана с этим зеркалом.

Сделать вторую попытку Фиц не спешил. Он дождался, когда опустеет близстоящий столик и спустя несколько секунд ему удалось, на свою беду, разорвать невидимую защиту. С широко раскрытыми глазами я следила, как гигант поглотил темную энергию. Всего мгновение понадобилось потревоженному духу зеркала, чтобы перекинуть свою армию вездесущих клещей с мертвого дерева на живую плоть. Пальцы Фица окутала липкая паучья сеть, затягивая их в свою толщу. Мельчайшие клещи, неразличимые глазу поодиночке, но пугающие в одной единой массе, стали вбирать в себя силу некроманта. Уродливые раны, испещряющие поверхность зеркала, начали медленно затягиваться, заживать.

Поглощенная невероятным зрелищем, я запоздало заметила, что Фиц уже не в силах сопротивляться этой попытке. Он боролся за каждую каплю своей энергии, уступая древнему и могущественному духу зеркала. Спокойное минуту назад лицо сейчас являло крайнее напряжение. Его челюсти были сжаты с невероятной силой. Губы стали сухими и приобрели синий оттенок. Густые черные волосы уже не скрывали змеи вен проступающие на лбу и висках.

Под действием охватившей меня тревоги, я бросилась спасать Фициона, но наступив на подол своего платья, врезалась лбом в его грудь, напрочь лишая несчастного дыхания. Пальцы вцепились в ремень его штанов, и мы неуклюже рухнули на пол. Мое приземление было более мягким. Лежа на нем, я пыталась собраться с мыслями, когда тело Фициона внезапно затряслось от смеха.

«Вот больной», — подумала я, сползая с некроманта.

Дух, лишившись физической подпитки, более ничем не выдавал своего присутствия.

Пристально, с напряженным вниманием я всмотрелась в наше зеркало. Еще немного и от уродливых трещин на его поверхности не осталось бы и следа, но тогда бы и Фиц был выпит досуха. Опустошение, столь сильное и мгновенное, любого мага привело бы к смерти. Могло ли подобное убить некроманта? — я с трудом перевела взгляд с зеркала на Фициона, однако на труп он мало походил. Удивленная и сбитая толку его привычным видом, я не нашла никаких объяснений столь стремительной метаморфозе.

Фицион помог мне подняться, пригладил волосы и тихо сказал:

— Солнце, ты хоть понимаешь насколько ты особенная?! Для всех для нас это картины, в то время как ты видишь мир без искажений. Даже самая искусно сотворенная иллюзия не стала тебе помехой, — поколебавшись, Фицион все же одарил меня мимолетным поцелуем, чем привел в бешенство заканчивающих трапезу адептов, про которых мы, увлеченные исследованием зеркала, успели позабыть.

По академии еще долго ходили слухи, что наши любовные игрища перешли всякие границы. На пляж мы пришли последними. Тренер как раз объясняла адептам порядок действий, которые им, то есть нам, надо выполнить. Я же мысленно корректировала ее речь.

— Прыгаете с (высоченного) пирса, плывете (черт знает куда) к буйку, после (не пойми зачем) достаете со дна ракушку и возвращаетесь, тем самым передавая эстафету следующему участнику.

Я едва не потеряла свою челюсть. Если какая-то невероятная сила заставит меня сигануть в воду, то до буйка я уж точно не доплыву! Милостивые духи, я плавать не умею! Совсем! Никак! Ни граммулечки!

Да чтоб вас всех океан поглотил! Почему нельзя посещать пары по выбору, ориентированному на личные предпочтения?

— Дистанцию можно преодолевать любым удобным для вас стилем, — завершила тренер и жестом попросила меня приблизиться. Выдав купальник, указала в сторону каменистого пляжа, прогоняя меня к раздевалкам.

На вытянутых руках я держала купальник, которым можно было укутаться с головой. Все еще сомневаясь в правильности своих действий, я швырнула в угол тряпку, нехотя сняла платье и, оставшись в одних панталонах и корсете, накинула на себя иллюзию. Внешне мои бедра были непозволительно открыты, а грудь выразительно подчеркнута. Впору разрыдаться, но слез как назло не было!

Резкий стук в дверь испугал меня. Толкнув дверь, я увидела Фициона.

— Пришел проверить, одета ли я? — насмешливо бросила я.

На вопросительный взгляд Фициона я досадливо махнула рукой. Вдруг он заметил купальник, который лежал у меня в углу и лицо его вытянулось. Я залилась румянцем и отвернулась.

— Фиц, я плаваю как топор... — неожиданно призналась я.

Брови парня стремительно подскочили.

— Ну, и где ты раньше была со своим признанием?

Я нервно закусила губу.

— Ладно, идем, а там я что-нибудь придумаю.

— Что? Какой в этом смысл? — взвизгнула я. — Я ведь глубины боюсь до колiek в животе! Я в воду глубже, чем по колено сроду не заходила!

— Ты маг воды! — холодно напомнил парень, словно полоснул ножом по коже.

— Да не намерена я тонуть всем на радость!

— И не придется! — рявкнул Фиц.

Дернувшись, в отчаянии я попятилась вглубь раздевалки. Не хочу быть магом, не хочу позориться, не хочу плавать! Ненавижу воду!

— Ты не понимаешь! Я не могу! Фиц, пожалуйста, нашли на меня мигрень или болезнь какую-нибудь... — взмолилась я.

— Поздно спохватилась. Делай, что сказано! Ты не утонешь, я об этом позабочусь, — со знанием дела заверил некромант, а по моему позвоночнику пробежал холодок и одно слово запульсировало в висках: «как?»

— Фиц! — крикнула я, когда некромант с легкостью закинул меня к себе на плечо и направился к двери.

— Отпусти немедленно! — визжала я.

Когда мне вернули вертикальное положение, я, ничего не говоря, гордо направилась к двери, но ступив на раскаленные камни, неуклюже запрыгала к пирсу.

Безоблачное небо над головой придавало океанской бездне еще большей синевы. Красивыми лентами набегали на берег волны, в пене которых хрустальными осколками пылало солнце. Застывший душный воздух переполнял желанием погрузиться в спасительную прохладу воды, но только я знала, чем это для меня обернется.

— Сколько там метров? — напряженно спросила я.

— Несколько, — отмахнулся Фиц, значительно приуменьшив глубину проблемы.

— Голубки пожаловали, — встретил нас недовольный комментарий утомленной ожиданием спицы.

— Фициона я себе забираю! — поспешно сказал капитан одной из команд.

— Обломись, Бонар! Он с нами! — осадила девушка, имя которой я не помнила.

— Мирса, не хаами! — сделал замечание Бонар.

— Раз все в сборе, начнем соревнование, — громко оборвала спор тренер.

— Мы с вами, — сказал Фиц, не требующим возражений голосом, и, потянув меня за собой, поставил замыкающей в шеренге Бонара.

Подготовкой к старту послужил шар, по воле тренера отделившийся от водной глади и зависший в воздухе, поражая жемчужными отсветами, которые яркими зайчиками запрыгали с пирса в воду.

Бонар и Аливе открывали эстафету.

Ребята схлестнулись взглядами. Водный шар с грохотом рухнул в объятия зеркальной глади, в одно время маг земли нырнул в воду с магом огня. Парень довольно скоро отвоевал преимущество энергичными, мощными махами. Он доплыл до буйка, задержал дыхание и скрылся под водой. Когда Бонар вынырнул, меня бросило в жар от осознания того, что меня просто не хватит на эти «несколько метров». Едва он коснулся ржавой лестницы, как следующий парень из нашей команды вошел в объятия воды, словно раскаленный нож в масло. Водник демонстрировал впечатляющие возможности владения родной стихией, зрелищно скользя к буйку и назад. Выталкиваемый мощным фонтаном он окатил всех собравшихся бодрящей волной. Внезапный визг плотно сплелся со смехом.

Шутник разжал пальцы, хвастаясь удивительно красивой кремовой раковиной!

К концу состязания наша команда начала уступать лидерство. Желание Бонара подавить моральный дух соперника грозило оставить нашу команду «с носом», опасно подливая «масла в огонь», не на шутку разгоревшегося противостояния.

Подождал очередь Фица. Он повернулся и прошептал:

— Чтобы ты не почувствовала — это дело моих рук. Солнце, главное, не паникуй.

Я неуверенно кивнула, переключаясь с захватывающей борьбы на угнетающее предчувствие большо-ой беды. Когда девица, приманивающая приведенный коровьим копытом, обессилено коснулась лестницы, в воду нырнул Фиц.

Милашка уселась на ступень и склонила голову на металлические поручни, скрывая подступившую к горлу тошноту. В руках у нее не было ракушки. Вот и хорошо, потому что я тоже не собиралась нырять за каким-то там злосчастным моллюском!

Выкинув девчонку из головы и помолвившись небесным старцам, я с визгом прыгнула в воду бомбочкой. Пока мой разум в полной мере осознал всю трагичность ситуации, треть дистанции была за спиной, а я все еще вопила, как полоумная. Захлопнув рот, я прислушалась к ощущениям. М-м-милостивые духи, лучше бы я этого не делала, потому как обнаружить под своим телом немеренное количество трупов океанских обитателей было сильным ударом! Да я седой закончу эту гребаную академию, если выживу! В отвращении сжав челюсти, я делала вид, что усиленно гребу. Гре-е-бу, чтоб вас всех бездна поглотила! Коснувшись буйка, я едва успела задержать дыхание, и поняла, что ТОНУ!

«Сволочь!» — подумала я, перед тем как над головой сомкнулась соленая вода.

Секунда другая и желудок едва не выворачивает от скользких, быстрых прикосновений, настойчиво выталкивающих меня из плена большой воды. Вдобавок ко всему мою руку обвила какая-то дрянь, похожая на змею и просто насильственным образом вдавила мне в ладонь маленькую ракушку. Теперь только до меня дошло, что «я достала» со дна моллюска. Сжав пальцы, я краем глаза заметила, что соперник нырнул за ракушкой.

Глубоко внутри меня хрупкие, словно крылья бабочек, распустились лепестки угольной лилии. Внутренний голос соблазнительно шептал, уговаривая ни за что не уступать победу, это ведь так просто... Всего одно усилие... Подчиняясь неведомому шепоту, я сосредоточилась и окутала своего соперника пугающей тьмой. Замкнутый шар, куда ни глянь! Вверх. Вниз. Всюду сплошной непроницаемый мрак. Воднику ведь сложно утонуть. А я... я наконец-то смогла отключить чувства.

Опомнившись, я смахнула с парня иллюзию.

Вконец дезориентированный водник вскоре вынырнул. Получив словесные оплеухи от своей команды, парень не стал вновь нырять за ракушкой, а бросился догонять меня.

Ему не хватило пары секунд и, да... мы взяли первое место. Вот только бурную радость своей команды я не разделила. В этом мне помогло отвращение к вязкой желеподобной каше, щедро размазанной по моему телу.

— Солнце...

— Знать тебя не желаю! — я прошла мимо некроманта, опустила ракушку в прозрачный сосуд и направилась к раздевалкам. От запаха мертвечины меня всю трясло, к рукам и ногам прилип маслянистый слой трупных разложений с мягкими перьями сгнившего мяса, которые я скрыла завесой иллюзии. Подавляя рвотный позыв, я натянула на себя платье, бледнея с каждой секундой. Шнуровка не поддавалась и, бросив непокорную ленту, я поспешила в женское общежитие, куда Фицу вход был строго настроено закрыт!

В купальне я провела около часа, большую часть которого чуть ли не сдирала с себя кожу. Волнами накатывали смех и слезы, я отчаянно металась и тупо сидела под струями воды, заботливо обнимающими поникшие плечи. Вода дарила чистоту телу, в то время как сознание стонало от мусора, не имея сил избавиться от ненужных мыслей и чувств. Все, что происходило со мной, казалось неправильным: решения необдуманными, а действия разрушительными. Я выбрала тропу лжи и вынуждена была пожимать горькие плоды разочарования...

Я тихо всхлипнула и вдавила в решетку слива глаз неизвестной рыбы, что битый час таранился на меня, но он, как назло, не желал пролазить сквозь металлическую сетку. Да и этот застрявший колючий ус гнилостно морковного цвета...

Зло зашипев я, поднесла палец к губам и слизала маленькую бусинку крови.

— На что я трачу свою жизнь?..

С заходом солнца пришли призраки. Бледные тени пустились в словесную атаку, вновь не давая мне заснуть.

ГЛАВА 27

Наверное, я должна была выразить Фициону благодарность за свое спасение, но стоило мне на него посмотреть, желание тут же пропадало. В сознании вновь воскресали картины засорившегося слива с выцветшими частями океанских обитателей, которые я усиленно старалась утопить. Рот наполнялся горечью, а язык словно немел.

На завтраке мы с Фиционом сидели за одним столом, на лекциях — за одной партой, при этом я не проронила ни слова, да и Фиц вторя моему скверному настроению, все время молчал. В монотонном течении дня, разбавленном практическими занятиями, я поняла, что он ждет от меня первого шага, однако идти на мировую я не спешила.

После занятий я направилась в хранилище книг. Я хотела выяснить, что с зеркалами в обеденной зале, также следовало приготовить доклад о магистре, создавшем уникальную защитную печать, что выжигалась на неодушевленном объекте по типу клеймения и уберегала ценную вещь от кражи или утери. И если о картинах с «зеркальной душой» я не нашла ни словечка, то с этой печатью работы было непочатый край — систематизировать всю информацию и придать ей должный вид за один вечер не представлялось возможным. В общежитие я вернулась за полночь.

Первое время я наслаждалась паузой, взятой в наших отношениях с Фиционом, — я видела в ней спасение, но ощущения скоро стали меняться. Обоюдная сдержанность все больше начинала меня угнетать. Я поняла, что не нахожу покоя в одиночестве и самое время подумать, как прекратить молчанку, которую сама же и начала.

Наступил тихий вечер пятницы. Я возвращалась из хранилища книг, по ходу обдумывая как с позиции мага-среднячка преподнести свой взгляд на уникальную защитную печать, доступную лишь высшим магам. От информации, полученной из книг, гудела голова. В поле зрения мелькнула знакомая фигура, направляющаяся к воротам внутреннего двора академии. Подстегнутая любопытством, граничащим с недоверием, я не задумываясь последовала за Фиционом.

Фиц не единожды пытался остановить бричку, но безуспешно. Возничи будто не замечали или не хотели замечать некроманта. Когда очередная бричка неспешно проехала мимо, парень махнул рукой и направился пешком в неизвестном мне направлении.

Спустя четверть часа я обернула подол платья вокруг талии и набросила на себя иллюзию делового человека. Это позволило беспрепятственно следовать за некромантом. Уберегая себя от разоблачения, я видоизменяла не только внешность, но и природу своего универсума. Так с водника я стала магом земли, после воздуха и вновь земли, но с куда более впечатляющим источником силы.

Спустя пару часов я уже жалела о своем спонтанном решении. Запах становился все тяжелее, а тусклый свет, который встречался несколькими кварталами ранее, исчез вместе с Фиционом. От ледящего душу ужаса пересохло во рту и мурашки уже не сходили с кожи. Даже кричать в этом гиблом месте было страшно, — мало ли кто откликнется на зов...

Я обошла сухую корягу, переступила через дохлого, отвратительно воняющего пса, пряча нос в сгибе локтя, и направилась к перекрестку, рассудив, что если не увижу Фица, буду поворачивать обратно.

Тем временем плешивый пес открыл изрядно подгнивший глаз и повернул голову в сторону удаляющейся девицы. То, что осталось от когда-то здорового и сильного животного, поднялось и неслышно поковыляло за магичкой, припадая разом на обе задние лапы.

Услышав металлический лязг за спиной, а следом суетливый шорох потревоженных крыс, я замерла как парализованная. Вокруг повисла душераздирающая тишина и только сердце стучало в груди словно молот. Напряженно вглядываясь в отвратные горы мусора, укрытые мраком, я осторожно обернулась и едва не сорвалась на визг, когда взгляд приковало нечто, преградившее путь к отступлению.

В слепой надежде на удачу, я неукложе повторила движение мага, призванное создать огненный пульсар и тем самым обратить врага в позорное бегство. Наивная душа...

«Нестабильный сгусток энергии» воде бы получился, но нанести увечье был не способен. Пса только разозлил мой псевдоогонь. Переминая передние лапы, он угрожающе скалился.

Прогнившая в местах натяжения кожа лопалась и обвисала кусками, придавая уродцу зловещий вид.

Забыв обо всем на свете: про пульсар и про жирных жуков, копошащихся в горах бесполезного мусора, про крыс и Бог знает еще каких жителей этих мест — я метнулась к одной из куч и принялась в мучительном упорстве ее преодолевать. Соскользнув к подножию и едва не пропахав носом, я вскочила и изо всех сил снова рванула вверх.

Во мраке неприступных стен заброшенных домов кошмар становился явью, где никто не подаст руку, никто не спасет, где лишь рассеянный серебристый свет луны, скрывающийся за крючковатыми облаками, сохранит память о безвременно сгинувшей душе...

— Еще одна. Ну и что мне с ними делать? Нашли себе бесплатное развлечение.

Собака вильнула хвостом, словно понимая о чем идет речь. Фиц глубоко вздохнул и похлопал пса по морде. Они стояли вдвоем: высокий импозантный некромант и клонивший голову на бок, косивший одним глазом развалюха-пес.

— Уверен, за всю свою жизнь ты не встречал более нелепого огневика, спасающегося бегством. И что это за хрень повисла в воздухе? Пульсар не может существовать, без подпитки мага...

Вот нечистая сила!

* * *

Это был кошмар с ожившими монстрами, омерзительная внешность которых могла соперничать разве что с их трупной вонью. Одни окружали меня, другие бросались из разбитых окон и ковыляли наперерез. Мерцающая в холодном свете луны осколками стекол, словно елочные игрушки, они будто стали плодом чьей-то большой фантазии. Трупы, лишённые сна и покоя, чудовища, в которых помимо оболочки ничего не было. С перекошенными лицами они

протягивали ко мне руки с единственным желанием вонзиться в живую плоть и рвать ее до неузнаваемости.

Словно безумная я пыталась выбраться из этого ада. Легкие горели, корсет казался чрезмерно тугим. Подол платья, который ранее я закрутила вокруг талии и завязала узлом, сейчас путался в ногах, мешая бежать. Раздавшееся за спиной хриплое ржание заставило меня нервно обернуться. Цокот копыт на мгновение затих, а после моему испуганному взору предстала туша тяжеловозного коня, парящая через кучу строительного мусора. Озноб волной прокатился по всему телу, но не успела я опомниться, как битюг, увлекая за собой груды мусора, с отвратным треском ломающихся костей рухнул на оцетинившийся вилами металл.

Судорожно глотая тяжелый воздух, не обращая внимания на разодранное платье, разукрашенное всякой мерзостью, я из последних сил бросилась к торцу одноэтажного здания с обвалившейся крышей и нырнула за угол, врезавшись тут же в чьи-то объятия.

В отчаянном сопротивлении силе, которая брала надо мной верх, я царапалась, брыкалась и извивалась, безумно раздирая горло.

— Прекрати орать! — закричал огневик в самое мое ухо.

Я опешила и тут же была сбита с ног и вдавлена в кучу «дерьма». Стоило взвизгнуть от неожиданности и мой рот накрыла широченная ладонь. Ослепляя палитрой цвета, на смену страху пришло чувство облегчения, и, увидев в ребятах свое спасение, я заплакала.

— Эй, Бром, она ревет! Что делать? — растеряно спросил сидящий на мне парень.

— Не до нее сейчас. У нас проблема посерьезней! — ответил Бром.

— А я-то боялась, что вылазка впустую! — весело подхватил женский голос.

— Рада, что твой страх развеялся! — с сарказмом заметил уже другой женский голос.

В непроглядной зловонной мгле я с трудом различила три фигуры. Парень, бессовестно оседлавший меня, был четвертым. По его телосложению сразу стало понятным, качался он много, и, судя по весу, любил поесть. Сдвинуть с себя эту неподъемную штангу у меня не было сил. Ноги затекли. Все попытки просить захватчика отпустить меня глохли в широкой ладони. Из-за слез, заставших глаза, я не могла рассмотреть его. Вдруг огненная плеть рассекла воздух, осветив больше, чем я хотела бы видеть.

Бродяга, утративший свою жизнь в одном из заброшенных кварталов, склонил голову к плечу, с которого вместе с обугленными кусками ветоши съезжала рука с кочергой. Зомби перехватил железку, с другого конца которой свисала его же конечность, омерзительно зарычал-забулькал и кинулся прямо на нас.

— Наира, заслон! — скомандовал Бром.

Огненная стена, второпях созданная ребятами и призванная сдерживать шеренгу трупов, полыхала, извивалась, шипела, словно оправдываясь в своем бессилии перед мощью невозмутимого зла.

— Их не сдержать огнем! — закричала смуглолицая Наира, запуская клинок в бродягу, прыгнувшего сквозь огненную стену. За ним черными тенями метнулись его неживые собратья.

— Грэм, берегись! — завопила вторая.

Парень отреагировал мгновенно. С силой отбросив меня в сторону, он ловко увернулся от челюстей горящего пса, и вдохнув стойкий запах паленой шерсти, выругался.

Удар о стену лишил меня дыхания. Ноги подкосились и я упала. Картинка перед глазами подернулась и поплыла, но сознание благополучно осталось при мне. Псинопас оскалилась и вновь кинулась на парня, обнажившего лезвие клинка. Сталь под твердой рукой рассекла хребет монстра. Словно по команде невидимого кукловода на смену ему встали двое бродяг, зажимающие в костлявых руках обрубки ржавых труб. С преданной яростью они пытались разделить квартет огневиков.

Рожденные пламенем тени металась по бесформенным кучам, прыгали на разрушенные стены строений, медью высвечивая встревоженные лица ребят. Отдав предпочтение стали, они с умом расходовали энергетический ресурс своей стихии.

Разум попрощался со мной, когда один из мертвецов подобрался ко мне слишком близко и протянул руку с белеющими сквозь плоть костями. Свернувшись калачиком, уже ни на что не реагируя, я заткнула уши и принялась раскачиваться.

— Отступаем! — закричала девушка Грэма.

— Как ты себе это представляешь? — спросил Бром, запуская очередной пульсар и ослепляя противника. — Бросим девчонку и она нежилец!

— Останемся и тогда все здесь поляжем! — одним ударом Грэм снес голову мертвецу, нависшему надо мной. Тот упал, упрямо протягивая ко мне раскрытую ладонь. Я вздрогнула и сжалась еще сильнее.

— Какого демона она здесь делала? — женский голос негодовал.

По моему башмачку проехался чей-то ботинок.

— Эй, соплячка, чего расселась?! — я затравленно вскинула голову. — Могла бы и помочь! — растягивая губы в кривой улыбке, девица с силой дернула меня за запястье, вынуждая подняться.

— Фиц, — мои губы едва дрогнули. — Хватит, — заорала я уже во все горло, вызывая припадочный смех своей защитницы. Ее лицо вытянулось, а едкое высказывание по поводу чертовски оригинальной помощи, так и застряло в глотке, когда поднятые некромантом тела остолбенели.

— И как это понимать? — удивился Бром и осторожно отступил от зомби. Не выпуская его из виду он, припадая на левую ногу, подошел ко мне.

— Тронешь ее и все здесь ляжете.

Огневика дружно повернули головы в сторону худощавой фигуры, появившейся среди дымной пелены.

— И в мыслях не было причинять ей вред, — отозвался Бром.

— Уходите и больше не появляйтесь здесь, — холодно потребовал Фиц.

— Девушку мы заберем!

— Желаете еще один раунд?

— Спасибо, я пас, — огневичка с разодранным плечом, не зачехляя оружие направилась прочь, на ходу раздраженно бросив Брому, — в топку твои благородные мотивы! Я на подобное не подписывалась!

— Успехов вам, ребята, — поколебавшись сказал Грэм и последовал за своей пассией.

— Наира?

— Вместе до последнего вдоха... — глухо произнесла она, переводя взгляд с почерневшей стали на лицо Брома.

— Думаю, исход битвы очевиден. Я забираю свою девушку.

— Д...девушку? — смуглолицая обернулась и уставилась на меня как на ненормальную.

— Полегче, приятель, — осадил Бром. — Пока она не подтвердит, что находится в безопасности — мы не уйдем.

Измученная, я наблюдала за происходящим, пребывая в состоянии болезненного отупения. Единственной моей мыслью было не потерять контроль над иллюзией при свидетелях. Ведь если образ курчавой магички с огненным универсумом растает и ребята увидят меня настоящую — от них не останется ничего кроме воспоминаний.

— Зачем, Солнце? Зачем подвергла себя опасности? — обратился ко мне Фицион, нежно касаясь моей руки.

— Фицион, — в тихом шепоте смешались постыдное бессилие и страх. Я подняла взгляд и смотрела, смотрела, пока не поняла, что тону в необычайно холодном свете его глаз. Хваленое упорство, о котором так часто пишут в книгах, упорство, которое помогает рисковать и приумножать богатство, с лвиной храбростью бросать вызов смерти и обращать в бегство заклятых врагов, сознательно мне изменило. В бессмысленном упорстве я отчетливо видела себя проигравшей. Может, этот неуловимый и таинственный шепот в ночи и есть то «необъяснимое», облеченное в одно простое слово «интуиция», в подтверждение которой разум тут же спешит привести железные доводы. «Он защитит. Он не предаст. Он сохранит твою тайну. Ты сможешь закончить академию. Не этого ли ты хочешь?» А может, вместо тонкого шепота души, я слышу голос слепого эгоизма, призывающего отойти в сторону и вложить кисть своей жизни в чужую руку. Я не пойду ко дну — он не позволит. Вот только нельзя сказать наверняка, довольна ли я буду результатом? Не омрачат ли мой взор темные пятна, которые появятся на холсте моей жизни?! Не извратят ли они само понимание света, навязав мне свое искаженное видение? Не стану ли я со временем воспринимать тьму с поистине непоколебимым спокойствием и безразличием, как воспринимает холодный металл сбрун обездвиженная кобылица?

— Скоро полночь, — прервал мои размышления Бром. — Наира, нам лучше уйти.

— Ты как, идти сможешь? — спросила меня Наира.

Мечтая поскорее покинуть задымленное место с полной палитрой тошнотворных запахов, я сделала шаг и пошатнулась. Фиц поддержал, а после с нежностью прижал к себе.

— Фиц, я... меня не хватит на обратный путь.

— Вы откуда? — поинтересовалась магичка.

— Из академии «Плавающая гора», — ответила я, провоцируя вполне понятный свист. Пилить нам и пилить...

— У моей тетки дом в миле отсюда. Мы могли бы переночевать у нее вместе, а утром закажите возничего, — добродушно предложила девушка.

— Плохая идея, — ошетинился Бром.

— Мы сами о себе позаботимся, — не терпящим возражения тоном сказал некромант. Я переглянулась с Наирой. Беспокойство за меня, которое я прочла в ее взгляде, растопило между нами настороженность, что сопровождала нас с момента знакомства.

— Вот и договорились, — жизнерадостно возвестила кареглазая девушка и двинулась вперед указывать дорогу.

— Решать вам... Знали бы вы, насколько она бывает упряма, — будто бы в оправдание произнес Бром и шагнул следом, недовольно качая головой.

— Солнце, мы не можем...

— Фиц, пожалуйста...

Некромант колебался, но все же, оценив мое плачевное состояние, решил уступить.

ГЛАВА 28

Уже совсем скоро мы вышли к пустырю, поросшему сенильными деревцами, походившими на седые головы. Голые ветви, одетые в белесые ленты, склонялись к земле и, внимая дыханью ветра, сонно покачивались, от чего по струящимся полоскам скользило матовое сияние. Бессильный свет луны терялся в горбоносых облаках, не достигая земли. Казалось, что все здесь уснуло вечным сном, только стрекот цикад рассеивал впечатление, которое производило это таинственное место.

В темноте дышалось легко. Прохладная нега, наползая с рукотворного водоема, смешиваясь с ванильно-древесными нотами жимолости, доносила горьковатые ароматы трав. Силы медленно возвращались ко мне, ум прояснялся и все же я так и норовила споткнуться о выползающие из-под земли сухие коряжины, которые с переменным успехом воспринимало мое воспаленное сознание.

Гнетущее молчание, на которое мы добровольно себя обрекли, развеяла девушка Брома:

— Считается, что если мать в самом сердце ночи прошепчет заговор и повяжет на ветку белую ленту, то она убережет новорожденного от сглаза... Видите, на деревьях места живого нет... По мне, это простое суеверие. Кстати, меня Наирой звать, а это Бром — мой напарник.

— Фицион, — представился некромант.

— Катарина, — неожиданно сорвалось с моих уст. На мгновение взгляд рассеялся и перед глазами возникла картина спокойного осеннего вечера. В плошке на комодике тихо оплывает свеча, мама привычно заводит за спину руки, развязывает ленты и снимает фартук. Садится на кровать и тепло улыбаясь, притягивает меня к себе. Нежно водит гребнем по моим волосам, убаюкивающим голосом напевая простую песенку...

Не задумываясь, я просто назвала родное сердцу имя, да и мало ли что... вдруг мы пересечемся с Бромом и Наирой, когда я буду под личиной Роиль... Ведь мир, как известно, тесен.

На озвученное мной имя Фиц отреагировал легкой ухмылкой. Руку, протянутую Бромом для пожатия, оставил без внимания.

— А знаете... вчера мы здорово мертвяка погоняли, а сегодня, вот... что-то как-то не задалось...

Уловив иронию в словах Наиры, Фиц скривился, но промолчал.

Я понимала, что глупо рассчитывать на откровенность некроманта при посторонних — у каждого из нас свои тайны. Да и разбираться в происшедшем — это последнее, что мне сейчас хотелось.

— Чего-чего, а такой «радушной встречи» я никак не ожидала! — продолжила щебетать Наира. — Да что там я, все мы! И каково было мое потрясение, когда огонь, верное оружие уничтожения, кроме света и жара оказался ни на что не годен! От металла было больше проку, чем от стихийной магии! Поверить не могу! — недоумевала кареглазая. — Признаться, я все еще под впечатлением!

— Я тоже! — призналась я раньше, чем успела подумать.

Смуглолицая магичка на фоне обыденной внешности, восхитила меня своей чувственной, пленительной улыбкой. Надо же, обычная девчонка, но с редкой чарующей энергией и рядом с ней мужественный, благородный, с некой искусственной сдержанностью в движениях Бром. Идти по дорожке, поросшей сорной травой, было сложно. То и дело я царапала лодыжки о засохшие ветки. В тонкую кожаную подошву врезались краеугольные камешки, ноги подкашивались и в тот же момент сильные руки некроманта уверенно поддерживали меня за талию, не позволяя упасть. Чувство уверенности после всего, что на меня свалилось этой ночью, постепенно вытесняло страх, нотки которого все тише звучали в моей голове.

— Хорошо, что все закончилось...

— Не скажу, что я разделяю твою точку зрения. Я не прочь повторить! А что? — Наира подарила хитрый взгляд Брому и, словно оправдывая свою несерьезность, негромко продолжила: — Это куда интереснее, чем жонглировать пульсарами на площадке академии — никакого риска!

— Не слишком ли ты самоуверенна? — беззлобно подтрунил над девушкой ее молодой человек.

— Любите вы себе нервы пощекотать, — тихо буркнула я.

— А ты предпочитаешь... — подхватила Наира, оставляя право закончить фразу мне.

— Да не задумывалась я об этом.

— Ты маг огня! У нас одна дорога — стать броней нашего королевства, — спешно уведомили меня, не подозревая, что сила моя липовая и что-что, а обжечь я уж точно не способна.

— Наира, не дави на нее, — скомандовал Бром, не сводя глаз с некроманта.

— Нет-нет, все в порядке, — завершила я, мягко накрывая ладонь Фициона своей. Фиц нехотя ослабил объятия.

Казалось, мальчишки воспринимали присутствие друг друга в штывы, и каждый ждал какого-то подвоха. Что касается девчонок, не знаю как Наира, а я безумно хотела спать. Спрятаться бы в каком-нибудь укромном уголке и забыть все к чертовой матери. Просто закрыть глаза и отключиться...

Походу именно так я и сделала, и лишь затрещина острозубой коряги по моей ноге быстро привела меня в чувства.

Я взвыла, но будучи прижатой к груди Фициона, мужественно перетерпела боль. Он провел пальцами по моей спине, поднялся к плечам, шее и от его прикосновений, настойчивых и нежных, я плавно подалась ему навстречу и посмотрела в его притягивающее холодной красотой лицо.

Фиц получил ответ на незаданный вопрос. Мертвое знание уже не казалось ему проклятым грузом на плечах, недугом, который хочешь выдрать с корнем, пусть и понимаешь, что невозможно отказаться от того, кто ты есть. Молчаливым одобрением оживал греховный омут изумрудных глаз, в глубине которых змеился опасный голод. Мое тело задрожало, хотя я отчетливо понимала, что замерзнуть я не могла. И почему-то стало невыносимо сложно совладать с ритмом своего дыхания...

Захотелось, чтобы он подхватил меня на руки... и понес... куда? Да хоть на край света...

Я бессильно уронила голову на грудь Фица. Не смея озвучить ему свое желание, я мечтательно улыбулась, и досадливо вздохнув, все же ответила Наире:

— Мне будет комфортно там, где я смогу чувствовать себя в безопасности.

Фицион склонился, словно желая заслонить меня от всего мира. Так и стояли повелитель мертвых и замарашка в объятиях друг друга среди древесных старцев, много чего видавших на своем веку.

— Нам уйти?

Наира недвусмысленно дала понять, что мы здесь не одни.

Я с досадой отпрянула от груди некроманта и побрела дальше, с трудом различая дорогу.

Наира не стала больше копаться в моих мыслях. За что я была ей благодарна.

* * *

Встретил нас небольшой домик с крышей, сплошь заросшей виноградной лозой, меж густых сплетений которой тучнели аметистовые грозди. Под окнами распустили лиловые крылья ночные фиалки, наполняя ночь медовым ароматом. В лазурной зелени палисадника в ожидании нового дня затаились младенческие бутоны. Под балкой деревенские ласточки смастерили гнездо. Потревоженные ночными гостями они закружили над уютным двориком, то растворяясь во мраке ночи, то вновь появляясь.

Наира по-хозяйски толкнула дверь и зажгла игривый огонек в ладони, любезно освещая нам холл.

— Подождите здесь. Я разбужу тетушку, чтобы утром ее инфаркт не хватил, и сразу вернусь, — протараторила девушка.

— Сколько теплоты и заботы в твоих словах, Наира, — степенно произнес голос у лестницы. Добродушная женщина, умеющая в нужный момент напустить на себя суровость, невозмутимо поправила чепец, скрывающий тронутые сединой волосы, и притворно тяжело вздохнула. — Наира — шептунья, согревающий мою душу. Твое появление в этом доме всегда радость, — хмурые морщинки на ее лбу разгладились и на губах засияла улыбка. Приветливо кивнув Брому, она взволнованно осмотрела меня и задержала свой взгляд на некроманте.

— Добро пожаловать в мой дом и, молодежь, не мешало бы вам помыться.

— Вы слишком добры, тетушка! — рассмеялась Наира, протягивая руки для объятий. — Мы заночуем у вас?

— В самом деле?! Не спать же вам под забором! Пойду-ка я... баньку растоплю... — мигом придумав повод избежать теплых объятий, тетушка мышкой выскользнула из дома, проворчав на ходу: — Вечно во что-нибудь вляпаются. Ох уж эта молодежь... в извечной погоне за счастьем.

Я пристыженно опустила взгляд. Паленая тряпка, в которую я была одета, источала такой едкий запах, что впору было терять сознание, подол превратился в кучу лоскутов, где меж зияющих дыр, расползлись пятнами «уродливые медузы, увязшие в рваных водорослях».

* * *

На влажное чистое тело я натянула рубашку Фициона, которую Наира успела высушить, прибегнув к своей магии. Узлом скрутила промытые волосы, накинула иллюзию спадающих на плечи влажных кудряшек и, помявшись минутку, взяла со скамьи сверток.

Укутавшись в ситцевый халат хозяйки, я прошла к ребятам на кухню. Скользя взглядом по новым знакомым, я отметила следы усталости на их лицах. Бром был по-прежнему настороже, Наира делала вид, что все хорошо, что касается Фициона, то для некроманта, оставшегося без своих подопечных, он выглядел вызывающе расслабленным. На его шее и плечах застыли капли, упавшие с влажных кончиков волос. По его обнаженному, словно бледная тень изваяния торсу, колеблясь скользили золотые блики свечи, и от чувственной игры теней и света мое сердце забилось быстрее... Так странно. Страх не было. Наоборот... Мне было сложно устоять перед соблазном коснуться Фициона, прильнуть к его груди и прижаться губами к его губам. Я хотела пробудить в нем чувства и хотела чувствовать сама, наслаждаться мигом, не пытаясь понять ни его, ни себя, ни... нас.

Тело Фициона напряглось, грудь застыла, словно он забыл как дышать. Огонек свечи задрожал будто от холода и потух. А я смутилась, неожиданно поймав себя на мысли, что откровенно рассматривала Фициона.

Наира протянула руку. Неяркий огонек, осветив нас мягким светом, ласково лизнул ее пальцы и прыгнул на белую свечку.

— Может помочь тебе с волосами? — тут же спросила она, поспешив сгладить неловкий момент.

— Спасибо, не надо. Чего доброго спалишь мне шевелюру, — стыдливо пряча взгляд, прошептала я и присела на свободный стул.

Обнимая ладонями горячие чашки зеленого чая, на дне которых золотился янтарный мед, мы с наслаждением вдыхали цветочный аромат. Напиток обжигал горло и теплом растекался по телу. На белые блюдца холодного фарфора в тусклом свете свечи одна за другой возвращались чашки и вместе с ними обратно к губам порхали меж красочных цветов расписные бабочки.

— А разве можно сплести меж собой нити любви и темного знания? — нарушила тишину Наира. — Это как соединить свет и тьму, звук и тишину. Не поймите меня не правильно, но вы пытаетесь совместить... несовместимое.

— Считаешь нам это не по силам? — спросил Фиц.

Он выдержит испытание любовью в высшем ее проявлении, пожертвует своим одиночеством. Загвоздка в том, что река нестерпимых мучений поглотит чистую душу его девочки, а потоки крови и боли уничтожат ее невинное тело.

— Выставляя свои чувства напоказ, вы словно отвешиваете этому обществу пощечину! Глупо и в то же время... очень смело! — живо заключила она и улыбнулась нам.

Мне вдруг почудилось, что Бром прилагает усилие, чтобы сдержать улыбку.

— Разве я сказала что-то не так? — недовольно насупилась кареглазая. — Мы ведь тоже сошли с привычной колеи... Поодиночке мы с Бромом довольно сильные маги — все это результат долгих и изнурительных тренировок с тех самых пор как проснулся наш дар. Но мы решили, что этого мало и вознамерились прыгнуть выше головы.

— Ваши действия там, на свалке были предсказуемы, — оборвал Фиц.

— По правде говоря, сейчас мы только учимся сочетать свою силу, — взглянув на Фициона, пробормотала Наира.

Слушая ребят, я пыталась понять: «если у них все хорошо, на кой такие сложности и что призвано дать это так называемое сочетание?» На мой немой вопрос Наира пояснила:

— Зажигая свою кровь, маг огня дает своей энергии выход в физическую реальность. Возьмем за единицу одну огненную силу. Следовательно, два огневика произведут силу равную двум. Так?

Я кивнула.

— А теперь представь, что будет, если соединить мою огненную энергию с энергией Брома.

Единение наших энергий позволит нам не удвоить, а утроить наши силы, как бы парадоксально это ни звучало. Мы сможем реализовать наивысший потенциал! — воскликнула Наира и...

— И солнце ярче и небо голубее... Серьезно, если все так сказочно круто, почему большинство предпочитают действовать поодиночке? — спросила я, но ответом мне стали загадочные улыбки троицы.

Наира подхватила ладонь Брома своей так, что ее рука оказалась снизу, взглядом попросив поддержать ее. Рассекая темноту алым светом, с ладони Брома вырвался огненный стебель цветка: чистый огонь, сильный, текучий, но скованный оковами твердой воли. Короткий вдох и Наира задержала дыхание, словно собралась нырять в ледяную воду. На наших глазах, внимая мелодии сердца, она вершила чудо, оживляя белым светом стебелек изнутри. Задумав красивые узоры, она мастерила тонкие рубиновые лепестки, расшитые белым кружевом завитков, которые сияя, наполняли пространство дыханием огня. Вдруг резкий выдох Наире и волшебное творение, взглянув в застывшие в опасной близости лица своих хозяев, скривилось и гибким хлыстом гневно полоснуло по девичьей щеке. Взвизгнув от боли, Наира отскочила и вместе со стулом рухнула на пол. Бром, видимо готовый к самым невероятным поворотам сюжета, молниеносно сконцентрировал шар вокруг огненной орхидеи и попытался задавить опасное творение. Цветок взорвался.

Фиц среагировал моментально, обернув нас в кокон мертвой магии. Ломаные искры, вонзившиеся в невидимую защиту, лихорадочно тряслись и медленно таяли. Искры опалили стены и скатерть, черными мушками облепили чашки и блюда. Несколько десятков осыпались на пол и безжизненно затухли.

— Все живы? — пристально осматривая нас, спросил Бром.

— За сервиз влетит, — сокрушенно сказала Наира, и подтянув к себе колени, обхватила их руками.

— Наира, как бы мы не были одарены источником, пока не совпадут биения наших с тобой сердец, мы будем получать пощечины, — утешил подругу Бром.

— Катарина, вот и ответ на твой вопрос, — Наира вернула стул на место, но садиться не стала. — Для мага, повелевающего стихией огня, очень сложно отказаться от собственного «я». Мы замкнуты на себе, а еще нас сдерживает страх, — закончила она и задумчиво потерла щеку. — Вы боитесь своего огня? — предположила я.

— Ты не перестаешь меня удивлять! Конечно же, нет! Только представь, если у нас получится объединить нашу силу, мы как птицы сумеем вырваться за пределы клетки, на волю, мы будем дышать полной грудью. Это трудно... и это страшно.

После паузы продолжил Бром:

— У нас не будет второго шанса. Если волей судьбы один из нас теряет способность или погибает, оставшийся не в силах совладать с зависимостью, утрачивает смысл жизни и гибнет вслед.

— Ну ты прям как по написанному, — усмехнулась Наира.

Задумавшись над сказанным, я опустила взгляд на ровный ряд можжевеловых бусин, обнимающих мое запястье. В полумраке ночи, который уже не могла рассеять маленькая пюговка свечи, деревянные горошины, обернутые тенью, утратили краски. И все же внимательный взгляд мог подметить одну необъяснимую странность — в бусинах никак не отражался боязливый свет огонька. Еще одна удивительная особенность моей иллюзии. Я попыталась восполнить недостаток, но поняла, что очень устала: глаза слипались, сознание так и норовило соскользнуть в мир грез. Обхватив запястье, я принесла извинения и удалилась, оставив недопитой чашку чая.

Проводив меня взглядом, Фицион продолжил беседу с нашими новыми, столь не похожими на других магами огня.

— В процессе своих тренировок вы портите мой рабочий материал. Вначале я просто убирал зомби с вашей дороги, но игра в салочки мне надоела. Сунетесь в этот район еще раз и я предоставлю вам возможность получить то, зачем пришли.

— Мы тебя услышали, только... вряд ли сможем устоять перед соблазном, — несерьезно бросила Наира. — Видишь ли, сразиться с мертвяком и устранить угрозу — это не только острые ощущения, но и уникальный опыт, который, к сожалению, не приобретешь ни в одной академии.

— А если нам договориться? — предложил Бром.

Фиц, ухмыльнувшись, откинулся на плетеную спинку стула и развел руками, изобразив неподдельное внимание.

— Думаю, бесполезно спрашивать у тебя, почему мертвяки таскают мусор. Вряд ли ты нам ответишь. Давай сделаем так: мы помогаем сжечь весь хлам, который поддается огню, скажем от перекрестка до близстоящих домов, а ты проведешь с нами несколько спаррингов. Что скажешь?

— Квартал.

— А ты по мелочам не размениваешься... Хорошо, пусть будет квартал, — неохотно согласился Бром.

— На скольких рассчитываете?

— На первый раз двоих будет достаточно, потом видно будет.

Наира нетерпеливо заерзала на стуле, но чувствуя важность момента, не посмела отвлекать ребят, обсуждающих детали сделки.

Когда парни поджали руки, кареглазая взвизгнула от восторга.

— Ну и что ты дом на уши поднимаешь? — беззлобно подтрунил над подругой Бром.

— Да я уже сейчас готова равнять все с землей! — Наира хищнически ухватила фарфоровый заварник, расписанный яркими цветами на манер чашек и блюдец. — Дождаться бы следующих выходных. Вот это да — мы и зомби!

— Вначале мусор, потом зомби.

— Зато выходные... Выходные — наши! — Наира вопросительно глянула на Фициона.

Заварник завис в воздухе, так и не пролив ни капли. Дождавшись утвердительного кивка, она улынулась и принялась вновь наполнять чашки.

— Занимательные вас ждут вечера, — с ленцой протянул некромант.

Все еще улыбаясь, Наира уселась за стол. Вдруг в одно мгновение улыбка сошла с ее лица, кареглазая побледнела, чем насторожила Брома.

— Нет, я в порядке, — махнула она рукой. — А что если дым заметят? Бром, у нас могут возникнуть проблемы.

— Заметят, но никаких незваных гостей не будет, соответственно и мер пресечения, ограничивающих наши действия, тоже. Я закреплен за этим кварталом — отрабатываю меру наказания.

— В любом случае, будет лучше поставить караульных, — подал мысль Бром, на что некромант одобрительно кивнул.

— Ну и дела... — тихонько протянула Наира.

ГЛАВА 29

Утро выходного дня встретило меня шелестом виноградной листвы, щебетом птиц, призывающим проснуться, и прядкой волос, щекочущей нос.

Фиц еще спал. В одно мгновение я забыла про неутраченный гомон птиц и, откинув непокорный локон, со смесью стыда и восторга стала рассматривать худое, жилистое тело некроманта, который лежал со мной на потертой софе цвета горчичного меда, запрокинув голову назад. Его волосы разметались по плечам и шее черными змеями, грудь мерно поднималась и опускалась.

В этот момент я поняла, что мне нравится просто лежать рядом с Фиционом и прислушиваться к его дыханию. Нравится любоваться его телом. Затаив дыхание, я словно грифелем несмело обводила каждую его мышцу, взглядом спускаясь все ниже и ниже к самой линии штанов. По венам разливалось легкое возбуждение, а пульс все несдержаннее стучал в висках, словно я совершала что-то запретное.

Я едва не застонала в голос. Небесные старцы, о чем я думаю?! Развратница!

Усилием я стерла с губ глупую улыбку, вот только в глубине серых глаз все еще бесились чертята. Подняла голову и с напряженно-серьезным выражением лица сбросила покрывало, решив, что разумнее будет укутаться в халат тетушки, а рубашку вернуть ее законному владельцу, дабы греховные линии его тела не затуманивали мой невинный взор.

Радужные лепестки на ситцевой ткани халата вызвали улыбку. Хозяйка дома смело раскрасила прозу своей жизни в яркие цвета, тем самым создав себе настроение. Она словно забыла про оттенки серого, да и черный использовала, только чтобы расставить акценты.

Пальцы скользнули по гладким пуговкам. Быстрым движением я опустила рубашку на дубовый локотник софы, накинула халат на плечи, подпоясалась и засучила рукава. Смотрела волосы в узел, поверх набросила иллюзию мелких кудрей.

— Фиц, — позвала я тихо, — доброе утро.

— Как ты себя чувствуешь? — прохрипел он.

— Плечо немного саднит, а в целом порядок, — отозвалась я, воскрешая в памяти встречу с каменной стеной. Присев на край широкой софы, я неуверенно спросила: — Фиц, а что дальше?

— Дальше?... Завтракаем и идем покупать тебе платье. После дуэль, обед и прогулка по городу.

Первая половина дня обсуждению не подлежит, в остальном готов выслушать твои предложения... если таковые будут иметь место. В любом случае вечер у тебя свободен.

Емко, а главное удивительно для человека только вынырнувшего из мира снов. Прокрутив в голове все сказанное, я нахмурилась. Платье?

— Фиц, я же сказала, что не приму твой подарок.

— Это не подарок, Солнце. Вовсе нет. Рассуди сама, моими стараниями ты безвозвратно испортила свой наряд. Отсюда вывод, я обязан дать ему замену. Ты же не хочешь, чтобы я чувствовал себя ущербным, потому что неспособен платить по долгам.

— Как-то странно ты рассуждаешь, — озадаченно пробормотала я.

— Одно платье. Оно не сделает тебя зависимой, а мне не позволит упасть в своих глазах.

— Ладно! Одно платье! И можешь спать с чистой совестью, — уступила я, прослеживая долю здравого смысла в его словах. В конце — концов, не ходить же мне голой?

— Ты успокоила мою душу.

Я засмеялась, но тут же улыбка сошла с моих губ, а пальцы нервно сжали покрывало.

— Фи-иц, а ты случайно не знаешь?..

— М-м? — парень вопросительно вскинул брови.

— Где мое платье?

— Сжег...

— Хорошо, а... — раскрасневшись, я так и не смогла поинтересоваться участью своих панталон — храбрости не хватило.

— Все сжег.

* * *

Небо было затянуто пеленой перистых облаков, сквозь которые пробивался мягкий рассеянный свет. Ветер, в спонтанных порывах своего дыхания, то поднимал клубы режущей глаза пыли, избавляя от томительной духоты, то, словно прислушиваясь на мгновение-другое, затихал.

Стоя на пороге дома, я поблагодарила за гостеприимство хозяйку и ребят.

— Договор в силе? — поинтересовалась напоследок Наира.

Некромант кивнул и мы покинули гостеприимный дом, выйдя на улицу по дорожке, пролегающей через разноцветье палисадника.

Я выглядела смешно и чувствовала себя ужасно. Разгуливать по городу босиком и в пестром халатике, да на голое тело — было тем еще испытанием.

Холодным равнодушием провожал Фиц взгляды мужчин, выкручивающих свои головы вслед нашей паре. Живой интерес представительниц прекрасного пола так же не трогал его. Пряча за расписными веерами улыбки, дамы не могли спрятать глаза, которые поражали удивительной смесью искреннего веселья и откровенного недоумения. Мне же казалось, что надо мной ржут даже лошади, в приступе смеха ударяя копытами о бутовое покрытие улиц.

— Они не стоят твоих терзаний. Знай, ты прекрасна в любом образе: и в халате, и в платье, а еще лучше без... платья.

И без того смущенная, я дернула Фица за край рубашки.

— Неужели в твоих глазах я всегда привлекательна, какую бы личину не примерила?! — уколола я, имея ввиду тучную фигуру Роиль.

Фицион лишь улыбнулся кончиками губ. Он распахнул передо мной двери и я робко просочилась в текстильную лавку, не подозревая, что своим появлением вызову полное отупение покупательниц.

Измерив всех взглядом, я обратилась к Фицу нарочито медленно протягивая слова:

— Милый, я освоила новое заклинание кратковременного ступора.

— Результат впечатляет!

Видимо, переварив сказанное, женщины нырнули в отрезы, словно лягушки в ил, и лишь украдкой бросали в нашу сторону любопытные взгляды.

На втором этаже были представлены наряды на любой вкус. Я попала в мир, который завораживал волшебством и буйством красок всех, кроме меня. Одежды казались красивыми, но пустыми, как иллюзия золотого браслета, которую я еще будучи ребенком примерила на свое запястье. Воспоминание больно кольнуло.

— Позволь мне... — предложил Фиц.

К выбору наряда он подошел основательно: шифоновое платье цвета ледяного нефрита с элегантно вышивкой на корсете, шелковое белье, чулки и серебристые туфли. Столь совершенная красота притягивала взгляд, но цена за его спокойную совесть казалась мне непомерно высокой.

— Ну нет, для меня это слишком!

— Желаете, чтобы я тебя одел? Солнце, не искушай меня. Я с самого утра гоню от себя мысль... — некромант склонил голову, словно голодный пес, и с какой-то холодной дикостью посмотрел на меня. — Смирись, — прошептал Фиц так ласково, что я решила, перечить — себе дороже и без лишних слов приняла платье.

Облаченная в новое платье я вышла к Фициону.

— Ты как таинственная колдунья, — сказал он и легко коснулся моих губ.

Смущенная его словами и поцелуем, я зарделась словно алая заря по осени.

В пенаты родной академии мы направились под звучный цокот подков толстозадого мерина, круп которого на три необъятные части делили потертые вожжи. Вот это экземпляр!

— Заметила что-то интересное?

От неожиданного вопроса я вздрогнула. Да уж, такая жопа мерина и близко не идет в сравнение с загадочными духами, живущими в зеркалах в обеденной зале.

— Н-нет. Так... — просто задом люблюсь... Где мое воспитание? Я потушила взгляд, а после и вовсе отвернулась.

За квартал от академии «Плавучая гора» Фиц расплатился с хмурым возничим и ловко спрыгнул наземь, услужливо протянув мне руку. Я грациозно соскользнула с подножки и опустила в его объятия.

— Куда это мы? — возмутилась я, когда Фиц увлек меня в узкий проулок под нарядные кроны унаби, пестрящие сладкими красно-бурными плодами. Под ногами захрустели тоненькие веточки, зашуршали зеленые листики.

Мы остановились напротив забора с горбатыми камнями, облепленными белесой паутиной и разукрашенными пухом пернатых. Фиц легко коснулся моего лица. Отбросив сомнения и впервые поверив в нас, я подалась ему навстречу и...

— Солнце, где ты витаешь? Ты выпадаешь из образа.

Я мстительно прищурилась. Иллюзия кудрявых локонов рассыпалась, оставив пучок скрученных на затылке волос. Едва коснувшись изгиба моей шеи, Фиц распустил мне волосы, волнительно очертил ладонями плечи и прильнул к моим губам.

— Я не могу сосредоточиться на образе Роиль... Не могу... когда ты... так... целуешь... — роня тихий стон, прошептала я.

— Назови мне свое имя, — глубокий вдох и Фицион посмотрел на меня так, будто одним словом я могла утолить его «жажду».

«Может быть, позже... когда я не буду проживать чужую жизнь», — мысленно пообещала я.

Прочитав в моем молчании ответ, Фиц с нежной грустью коснулся губами моей щеки. Нехотя отстранился и, сорвав с ветки финик, предложил его мне...

В холе женского общежития я лицом к лицу столкнулась с комендантшей. Старуха прожгла взглядом мои волосы, каскадом шелка спадающие на открытые для поцелуев плечи, утянутую корсетом талию, подол, сверкающий словно пена морская, после чего презрительно фыркнула. Вот вам и «здрате»! Приветствие застряло у меня в горле.

Я с легкостью пересекла холл и словно лесная колдунья скрылась в темноте своего подвала. И пусть я была малость тяжеловата для туманного видения, однако Фиц все же правильно подметил...

— Может я и не достаточно колдунья, но таинственная — это точно!

* * *

— О! Слетелись, будто пчелы на мед! — буркнула я и недоверчиво принялась зачем-то разглядывать спины магов, отмечая их принадлежность к разным стихиям.

Внутренний двор академии напоминал гудящий улей: одни спорили во всеулышание, другие шептались, заставляя меня напрягать слух... Оказалось, что приводить на поле боя мертвецов или другой материал строго запрещалось, но даже несмотря на запрет, у некроманта были все шансы на победу.

Предстоящую дуэль не обошел вниманием и профессорский состав. В толпе я различила лысый затылок профессора Хиддена, склонившегося к госпоже Шилле — профессору по предмету «Нематериальное начало», чье имя «само счастье и жизнелюбие». Ее насмешливое задание — взять интервью у призрака — я с легкостью смогу выполнить, воспользовавшись запретной литературой, но для начала хорошо бы протиснуться к Фициону! Но... не бросаться же в толпу с воплем: «пропустите меня, там мой парень!»

Улыбаясь самой себе, я подбирала достойную возвышенность для обзора. Если составить компанию магу на постаменте из лабрадоритового камня с протянутой рукой, в которой покоился солнечно-лунный бинер, то слишком высок... риск исключения из академии. А вот покатая крыша псарни вполне даже сгодится.

Эх! Где наша не пропадала?!

Свидетелей моего подъема не было, если не брать во внимание серого кота с черными ушами, ошалело глазающего на меня сверху вниз.

Я упрямо ползла по мшистому ковру, осознавая ненадежность разрушающейся от старости конструкции, мысленно рассуждая на тему той самой любви, во имя которой свершаются подвиги. Казалось, вот-вот и плоское покрытие под моим весом разойдется сетью трещин и я неминуемо рухну в пасть какого-нибудь голодного манула. Главное, чтобы не в гости к песику-коротышке, а то залижет до смерти!

— Вот ненормальная, нашла о чем думать?!

Боясь подползть к краю, я благоразумно уселась в метре от опасной зоны и обмотала вокруг ног раздувающийся от ветра подол оливкового платья.

— Ну что, лохматый, мы с тобой заняли самые козырные места, — подмигнула наблюдающему за мной коту.

— Выходит, на обед никто так и не пошел... — сказала я, рассматривая адептов, стесненных рамками внутреннего двора академии. Без стыда и совести девушки с последних рядов мостились на плечи парням и все с нетерпением ожидали начала боя.

Стоило мне звонко крикнуть: «Фиц!», как черноухий прынул с места и, обиженно округлив глаза, уселся подальше от «безумной фанатки».

Конечно же, Фиц меня не услышал.

Сетка с застывшими каплями серебра, развешанными словно роса на нитях паутины, «резала» две неподвижных фигуры бесконечностью линий. В отличие от некроманта, отдавшего предпочтение черному, блондинка явилась на дуэль как на свидание и в багровом брючном костюме выглядела вызывающе. Кричащий макияж, так напоминающий боевую раскраску, отвлекал внимание от цоизита — зеленого кристалла с рубиновыми, роняющими дрожащий свет искрами. Вначале Аливе казалась мне огненным восходом, бросающим вызов гнетущей тьме... но уже через мгновение ее образ бушевал кровавым закатом, исчезающим в мире забвения черной ночи...

Столь яркие видения отвлекли меня от Фициона, который неторопливым взглядом искал меня среди затихших в ожидании начала адептов. Желая помочь, я нарисовала перед его взором призрачную стрекозу, которая стрелкой метнулась влево и махнула вверх. Едва мы встретились взглядами, пространство взорвалось криками:

— Смотрите...

— Там, на крыше...

— Во дает!

Я вдавила голову в плечи. Разумнее было бы спуститься и затеряться в толпе, вот только стреноженная несчетным количеством взглядов, я не смогла даже пошевелиться. Чего нельзя было сказать про кота, который, обвинившись хвостом, с интересом взирал на адептов.

На площадку поднялась старушка-лазар в черносливовой шляпке, пару столетий как вышедшей из моды, и с костлявой ящеркой, распластавшейся на кружеве воротника. Неожиданно громким голосом она поприветствовала дуэлянтов, завладев тем самым всеобщим вниманием:

— Кодексом академии «Плавучей горы» дуэлянтам разрешается использование огненной стихии и мертвого знания. По обоюдному согласию дуэлянтов запрещается рукопашный бой.

Дуэль ограничена одной схваткой без перерывов. Напоминаю, что в случае смертельной опасности дуэль будет остановлена. Выступая от лица Суда Чести, заявляю, что все формальности, сопутствующие дуэли, были соблюдены.

Взявшая на себя обязанности куратора и беспристрастного судьи госпожа Маттер возвестила о начале поединка словами:

— Да прибудет с вами истинная сила!

Дуэлянты заняли свои места и в приветственном поклоне обменялись колючими взглядами.

Тонкое лезвие сверкнуло в руке некроманта. Порыв ветра сорвал с ладони рубиновые капли, но словно обжегшись, стряхнул ядовитую кровь наземь. Даже с моего расстояния было видно, как шевелятся губы Фица, произнося какое-то заклинание.

Лепестком пламени обернулась на ладони Аливе энергия огненного универсума. Огонь, рожденный губить в объятиях боли, вспыхнул и замкнулся. Словно подстегнутый всеобщим нетерпением, в коротком порыве ветра он сплелся в сферу и обрушился на некроманта.

Я подпрыгнула от страха, но вспомнив, что крыша подо мной разменяла четвертую сотню лет, с небывалой легкостью обуздала свои чувства.

Фиц выставил руку. Пульсар, призванный оплавить кожу, врезался в вязкое марево мертвой магии, которое под давлением чужеродной силы подернулось короткими всполохами, лишая огонь доступа кислорода.

Горящие астры расцвели на ладонях Аливе. Верными псами они лизали ее пальцы, кровавыми бликами отражаясь в глазах. Эти опасные цветы хоть и были подконтрольны, но выглядели далеко не стабильными. Они дышали злобой, жили ненавистью. Шипели и извивались, пока одна за другой не кинулись на Фициона. Выверенным движением, напоминающим элемент танца, Аливе запустила свои пульсары в неподвижно стоящего некроманта, с губ которого ветер срывал слова, холодом и болью окутывающие молодое и красивое тело соперницы.

Я затаила дыхание. Черноухий сосед напряженно дернул хвостом.

Вновь затуманилось призрачное марево, поглощая лишь одну астру.

Вторая астра зависла в воздухе, дразня алыми всполохами, смеясь и обещая спалить дотла. Коварная улыбка окрасила уста девушки, в тот же миг огненный цветок взорвался, проливая жар и ослепляя бесконтрольным всплеском энергии. Скрыв лицо за сгибом локтя, Фиц едва не пропустил следующую атаку. И прежде чем ему удалось перекрыть доступ воздуха к огню, рубиновые лепестки оплавляли манжет, запечатлев горячий поцелуй на бледной коже. Фицион тряхнул рукой, словно простой жест мог стереть след пылких ласк и продолжил читать заклинание, которое оседало во рту привкусом тлена и темными червями проникало в легкие Аливе.

Аливе закашлялась. Кровавые слова некроманта выпивали энергию ее жизни. Уже предчувствуя поражение, девушка зло рассмеялась... Огонь ее сердца, задушенный мертвым знанием, затухал. Душа наполнялась темным, тело слабело. Одинокий лепесток огня, рожденный на ладони в последнем стремлении выжить, пыхнул и поплыл пылью искр. Если бы Аливе смогла, то дотла испепелила бы некроманта взглядом...

Сразу после слов старушки-лазара «Стойте!» Аливе упала замертво. Губы Фициона сомкнулись.

Один из адептов ударил кулаками по серебряной паутине:

— Клятый вампир, что б тебе собственной кровью захлебнуться!

ГЛАВА 30

Оставляя пыльные следы на гребнях черепицы, я осторожно ступала по крыше, когда хотелось бегом и прямо в объятия Фица. Он определенно подтвердил репутацию некроманта, обреченного до конца своих дней служить мертвой силе, и впредь адепты хорошенько подумают, прежде чем становиться на его пути...

Но стоило мне спуститься, как я поняла, что поспешила с выводами. Если раньше Фициона принимали за изгоя, то сейчас адепты академии смотрели так, словно примеряли свои руки к его глотке, одержимые мыслями избавиться от проклятого. Они презрительно щурились и поджимали губы, вызывая у меня серьезное опасение. Всегда может найтись тот, кто способен пойти дальше угроз.

Я тихо выругалась, когда один из старшекурсников сплюнул нам под ноги, выразив свое презрение. Он хотел было что-то сказать, но...

— Держи свой гнев при себе, Тьев, — в полный голос осадил его Фиц и, не дожидаясь ответа, повел меня к обветшалому зданию общежития.

В комнате Фициона я скинула иллюзию толстушки и пошла вдоль стены, вглядываясь в щели и трещины, которые сгущались по центру и рассеивались по краям. Одну из уродливых трещин Фиц замаскировал чернилами под ветку дерева, на которой нарисовал угрюмого ворона. Круглые впалые глаза ворона вдруг встретились с моими. Создалось ощущение, что этот крылатый выродок присматривается ко мне, оценивает, выжидает...

— Поможешь мне? — расстегнув угольную пуговку манжета, Фицион протянул мне больную руку.

Пришлось вернуться в реальность. Собравшись с силами, я начать бережно отдирает оплавившуюся ткань от пораженной огнем кожи. Это премерзкое занятие требовало от меня определенной выдержки и хладнокровия. По всему выходило, что и тем и другим природа меня обделила, потому что руки вдруг стали трястись, а желудок приготовился вывернуться наизнанку.

Не желая мириться с болью, Фиц одним рывком сдернул прилипший рукав.

— Ненормальный! — крикнула я и закрыла глаза.

Фиц усмехнулся.

— Тебе весело?

Он распахнул дверцу стенового шкафа. Его роскошная спина была сплошь усеяна короткими белесыми шрамами.

— Ты не собираешься к лекарю?

— Нет необходимости, — парень достал с верхней полки банку молочного цвета и протянул мне.

Я взяла мазь и беспомощно уставилась на кровоточащую рану, которая являла собой жуткое зрелище. С шумом втянув воздух, всерьез не понимая, почему он отказывается от помощи человека, знающего толк во врачевании, я решительно произнесла:

— Хорошо.

«Хорошо» — мысленно повторила я, и, стараясь сдержать отвращение, окунула пальцы в мазь и осторожно нанесла ее на открытую рану.

— Умница, — Фицион нежно коснулся моей щеки рукой.

Я вздрогнула. Все происходящее казалось мне дурным сном, из плена которого я не выберусь никогда.

Мазь ложилась плохо, руки тряслись, но результат имел место.

— Спасибо, — Фицион потянулся взять пузатую банку, но я неожиданно воспротивилась:

— У тебя еще на шее...

Пальцами, липкими от мази и красными от крови, я коснулась ожога, и, оставив на коже жирный кровавый след, тут же стерла его тыльной стороной ладони.

— Я высоко ценю твое участие.

Я нахмурилась.

— Твой холодным разум меня восхищает. Но бывают моменты, когда твои решения вынуждают меня переступить через себя.

Фиц склонился ко мне достаточно близко, желая обнадежить, но от близости в столь неуместное время к горлу подступил тошнотворный ком.

— Думаю, мы долго еще не увидим спицу, — выдала я, бледнея на глазах.

— Она знала, на что шла — заверил Фиц и отступил. — Кроме того с собой она прихватила накопитель.

— Камень на груди, — догадалась я.

— Редкий самоцвет, единственным недостатком которого, является то, что его сила накапливается со временем.

— Он ведь запрещен на дуэли?

— Ясное дело!

— Почему не сказал госпоже Маттер?

— Она об этом знала, — ответил Фиц, а я всерьез задумалась, почему «беспристрастная» судья не стала заострять на этом внимание?

— Аливе поправится? — вернулась я к разговору.

— Выживет... В крайнем случае подниму.

— Сам-то как себя чувствуешь?

— На исцеление раны уйдет час, от силы два.

— Да брось ты, быть такого не может!

— Слово некроманта.

— Правда?! Тогда я тоже хочу эту чудо мазь себе, чтобы ранки быстрее заживали, — взволнованно прошептала я, понимая, что случаи бывают разные...

— Для этого, моя дорогая, — Фиц успокаивающе взял мою ладонь и поднес к своим губам, — надо родиться некромантом.

— А как же мазь?

Фиц подкинул банку, ловко поймал и вернул его в шкаф на свое место.

— Молчишь?

— Мазь — сильное обезболивающее и только, — сказал он и потянулся за рубашкой. Не дожидаясь указаний, я помогла ему одеться, будучи предельно аккуратной с пострадавшим запястьем. Застегнула пуговицы, напоминающие оникс. Осталось только провести рукой по груди и смахнуть невидимые пылинки с плеч и все, я — настоящая заботливая супруга.

Определенно не мой образ!

— Чего ты лыбишься?

— Разве можно к такому остаться равнодушным? Серьезно, за эти полчаса я ни разу не пожалел, что допустил оплошность в бою.

Повисла многозначительная пауза.

— Штаны как-нибудь сам победишь! — бросила я, намереваясь уходить.

Больной бережно прижал раненую руку к груди и поморщился от боли.

— Могу позвать коменданта. Мужик он нормальный, поди не откажет, — сжалилась я и, не выдержав, задиристо улыбнулась.

— Нет в тебе сострадания!

— Это лишнее качество в человеке. Так куда ты так вырядилась?

— Смени платье! Нас ждет «Горячее решение».

* * *

«Горячее решение» оказалось очень красивым местом. Стены куполообразного здания украшали живые картины, поражая взор мощью непогоды, царившей в квадратных рамах. Я готова была удивляться решительно всему: скатертям из тончайшего полотна цвета свинцового неба, миниатюрным копиям смерча посреди пустующих столов. Стоило нам присесть, как диковинное явление испарилось и, словно из пустоты вынырнула приятная женщина, хотя если бы я не крутила головой по сторонам, желая рассмотреть интерьер, то уловила бы ее появление. Удобнее перехватив карту меню, я с любопытством следила, как исчезают с белеющего инеем переплета отпечатки моих пальцев. Поразительно! Нарисовав на обложке талую ромашку, ни холода, ни влаги на подушечках пальцев я не чувствовала.

Жареного в печи рябчика размягчали кусочки хлебного пудинга в брусничном соусе. Пуншевое мороженое таяло во рту и дурманило разум.

— Ничего вкуснее я в жизни не пробовала! — мурлыкнула я Фицу в самые губы.

В блаженной сытости мы покинули ресторан.

— Пойдем, я покажу тебе портовый город.

— Фицион... Фиц, а давай туда, где никого нет.

Я больше ни с кем не хотела делить этот вечер.

Мы пришли в тенистую рощу к заброшенному фонтану, по центру которого на каменном возвышении навечно застыл филин с распростертыми крыльями. Вместо кристальной воды чашу из семи лепестков, красиво выгнутыми дугами, наполнили листья цвета охры. Едва вынырнув из осеннего покрывала, огромный жук тут же поспешил скрыться с глаз. Я стерла иллюзию и присела на край фонтана. Здесь я могла быть собой. Не таясь наслаждаться красотой этого места, наблюдать, как теряются в ажурном куполе ветвей угасающие лучи солнца.

— Потанцуем?

Я опустила взгляд на трещину, расколовшую холодный мрамор фонтана.

— Я никогда не танцевала. Я... я не умею! — воскликнула я, когда Фиц взял мою ладонь, прижатую к груди (словно подобный жест мог уберечь меня от нелепости, в которой предстояло принять участие) и потянул на себя.

— Доверься мне.

— Только не говори, что для нас поет ветер, — иронично протянула я и охнула, когда Фицион прижал мое тело к своему.

Я опустила голову ему на грудь и расхохоталась.

— Ну нет, я ничего не слышу!

— Оставь разговоры.

Мы кружились под сенью деревьев, безмолвно роняющих золото осени на спящий камень. Растревоженные листья подхватывал ветер и легко вплетал в волшебный вальс. Звуки леса завораживали, а близость мужского тела волновала меня. Кружилась голова. Кружилось все вокруг. И лишь холодная зелень глаз удерживала, не позволяя раствориться в нескончаемом хороводе. И так было жаль расставаться с этим местом. Местом, поистине наделенным душой...

Тихо стучался в окно дождик, стекая маленькими змейками по стеклу. Загадочно улыбаясь, вновь и вновь я воскрешала в памяти зачарованный вальс, эпилогом которого стало сплетение наших с Фиционом губ в прекрасном светлом поцелуе.

ГЛАВА 31

Неделя пролетела на одном дыхании. Наступил тихий субботний вечер. Сидя на крыше полуразрушено дома, мы с Фицом, запрокинув головы, рассматривали звездное небо, где в маняще-пугающей тьме застыли далекие вечно сияющие точки. Романтика, если не опускаться

взгляд и не всматриваться в покосившиеся одноэтажные домики с разбитыми окнами, из темных квадратов которых торчали ржавые балки и не чувствовать мутившие голову запахи. Проулок тонул в неподвижном, пронизанном гарью тумане.

Наши новые знакомые, Наира и Бром, сдержали свою часть уговора и сейчас мы с Фиционом находились в центре тлеющих руин, чтобы выполнить свою. Фиц ничего не стал от меня скрывать и рассказал про договор. Честно признался, что единение двух огненных энергий было для него неким открытием, что он готов провести с ребятами пару спаррингов в желании исследовать их возможности. Магам пришлось расчистить заброшенный квартал. Конечно, с этой задачей справились бы и зомбаки, но не ранее, чем к празднованию середины осени. Я внутренне содрогнулась. Кто, будучи в здравом уме, согласится пойти на такие жертвы и день за днем опустошать свой резерв, ночуя на свалке, чтобы после еще и с мертвяками силой мериться?! К моему великому недоумению даже двое желающих нашлись.

— Ты в порядке? — спросил Фиц, обнимая меня за плечи.

— Хочешь предложить мне трусливо сбежать и пропустить вашу тренировку? — развернувшись в пол-оборота, я строго глянула на Фица, всем своим видом показывая, что никуда не уйду. И пока мы ждали ребят, Фиц крутил в руках монетку, а я, прильнув к его плечу, считала звезды.

Спустя четверть часа пелена сизого дыма пропустила две фигуры, быстро приближающиеся к нам.

Я помахала Брому и Наире. Фиц спрыгнул с крыши. Ребята обменялись рукопожатиями, перекинулись парой фраз и разошлись по своим местам.

В неподвижной позе я с нетерпением следила за происходящим внизу. Готовые к поединку Бром и Наира соединили руки, которые по локоть охватило пламя. Огонь, слившись воедино на раскрытых ладонях, шумно запылал. Я всмотрелась в напряженные лица ребят, понимая, сколько труда им стоит держать под контролем гневно перекатывающийся огненный шар, выбрасывающий в ночь языки пламени. Не успела я моргнуть, как огонь, убаюканный ритмом их сердец, уплотнился и раскалил шар до немыслимой температуры, вламываясь в темноту ночи ослепительно белым светом.

Вместо Фициона встали двое ненавистных мне мертвяков, обтянутые посеревшей и местами лопнувшей кожей. Оскалившись, один из зомби вырвал трубу из стены и разорвал ее с одного края на куски. Второй сорвал с петель тяжелую дверь, и угрожающе рыча, затряс ею над головой. Неожиданно замолчал, он замахнулся и со всего маху запустил дверь в ребят.

Я знала, что у Фица все под контролем, знала, что его мертвецы не нанесут серьезных увечий Брому и Наире, но эта немая сцена выглядела до жути страшно.

Завораживающе прекрасный шар сорвался с рук ребят и волной прокатился по кварталу, в испепеляющей ярости сметая все на своем пути...

Это было потрясающе! Я судорожно проследила в направлении ударной волны. Ни следа от зомби, ни остатков от металла, ни удушающей взвеси в воздухе и сопутствующих ей тошнотворных запахов. Ничего! Сплошная пустота! Пораженная легкостью, с которой ребята стерли с лица земли главную улицу, я смотрела на свои серебристые туфельки и на оплавленную крышу, застывшую в нескольких сантиметрах от моих ног.

Вздых, исполненный облегчения и радости, раздался над опустевшей поляной и Наира осела в руках Брома, теряя сознание.

— Слишком просто, чтобы быть правдой, — ошалело протянул Фицион, выбираясь из-под завала.

— У нас четверть часа до того, как здесь появятся стражи, — хриплым голосом отозвался Бром.
* * *

Медленно, но верно моя жизнь вошла в спокойное русло, позволяя мне наслаждаться академическими буднями. На уроках борьбы Фиц меня осторожно подсекал и мягко опускал на газонное покрытие, чем будил в тренере зверя. Красавчик-тренер даже пытался сменить нам партнеров, на что Фиц поинтересовался, вправе ли он вызвать на дуэль ректорский состав? Фициону пришлось посетить уважаемого ректора, прежде чем тренер оставил нас в покое. Лишь изредка он мог позволить себе в адрес некроманта высказывания, мол, «у вас не тот случай, когда любовь окрыляет», или «ваши отношения, Фицион, гораздо выше ваших показателей»...

Каждый раз Фиц решал и мою проблему с водой. Он использовал мертвое знание, после чего у меня случался жар, крутило живот или носом шла кровь и я получала освобождение от занятий по плаванию. Настойчивое желание некроманта научить меня плавать я раз за разом отвергала. В конечном итоге, его стараниями я приобрела стойкую аллергическую реакцию на палевых олушей и их гуано.

Помню, как недружным строем группа адептов спускалась к океану. Мелкие камешки забирались в обувь, вынуждая останавливаться, трясти ступнями и тормозить движение. От одного вида пернатых глаза слезились, из носа текло и удушливый кашель пугал птиц, облюбовавших широкие уступы прибрежных скал. Сквозь слезы я смотрела на усмехающихся адептов, для которых все происходящее со мной было развлечением. Фиц тоже веселился, улыбаясь уголками рта, за что мне хотелось его просто придушить.

И все же, вопреки здравому смыслу мне было хорошо с ним. Не было необходимости лгать, ревниво оберегая свою тайну. Я доверяла ему, а он был достаточно внимателен ко мне. Но бывали моменты, когда он смотрел на меня так, словно я лишь сладостная иллюзия, мираж, сотканный из света и росы. Изумрудный блеск его глаз гипнотизировал и пугал. Он склонялся ко мне и дышал мной. Легко и волнительно он целовал мои волосы, лоб, губы и я отвечала теплотой на ласку, словно эолова арфа на игру странника-ветра. Он обнимал меня, молчаливо обещая укрыть от всего мира. Но за этой преданной защитой стояла холодная решимость проводить в царство мертвых всех, кто посмеет причинить мне боль. И это понимание рождало во мне страх. Вспоминались слова дознавателя: «Лучшим мгновением в его жизни будет чья-то гибель...»

За месяц преобразилась моя комната, появился шкаф, в котором красовалось нежно бирюзовое платье, пришедшее на смену оливковому, которое изъели личинки моли. К слову, самих букашек я не нашла, хотя на зрение раньше не жаловалась. Пустоту под небольшим окном заполнил стол, ставший вотчиной книг, а глухую стену мы с Фицином разрисовали. Желая показать Фицу, что буду рисовать, я наложила на стену иллюзию дракона с распластанными крыльями, представшего перед юной девой, забредшей в чащу на пегой лошадке. Задумка Фицу понравилась и он с интересом принял участие в росписи. Вышло необычно, в одном творении сплелись два разных стиля. Они дополняли друг друга, как округлый бокал с широким дном придает законченность богатому аромату вину, как орнаментированная серебряная рукоятка украшает смертоносное лезвие.

И вот еще, я наконец-то решила поменять так надоедливый мне образ Роиль. За обедом я демонстративно накладывала себе полпорции, чтобы те, кто искал объяснение моим тающим объемам, могли спокойно спать. Вскоре я уже могла не камуфлировать свою фигуру пышными формами Роиль, тем более что недоедание действовало мне на нервы и раздражение хотелось чем-нибудь заедать.

Больше не было необходимости следить за иллюзией округлых форм, и вместо целого образа Роиль я надевала по утрам только ее маску с притягательно золотистым загаром. Маску, которая совсем не требовала от меня усилий.

ГЛАВА 32

Скинув чужую маску, я порхала по комнате словно мотылек, непрерывно обрывая своим хрупким станом утренний свет, льющийся из высокого окна. Исполненная грацией и очарованием я замерла, устремив взгляд в далекое небо. Чистый свет обрисовал мой профиль, подсветил линию плеч, упругую грудь, в то время как темнота скользила по шелку медных волос, сумрачным крылом падая на пол.

Фицион присел на краешек стола, притянул меня к себе и, не удержавшись, плавно провел руками по моей талии.

Мне нравилось смотреть на его застывшие губы и нравилось слушать его голос, заполняющий тишину. Нравилось ощущение безопасности, которое дарили его нежные объятия. Меня наполняло чувство спокойствия. И я радовалась новому дню, который встречал нас прохладой и неполным светом, припудренным пылью. Ничего лишнего. Только я, он и обычная жизнь. Обычная, но такая обманчивая...

Я обвила его шею руками и без всякой надобности, а просто в силу хорошего настроения спросила:

— Фиц, а ты косы плести умеешь?

— Нет, — усмехнулся он.

— Жаль. А мне так хотелось быть сегодня красивой. Мы же идем на праздник?

— Некромант в многолюдной толпе... Ничего хорошего нам не светит, — предостерег Фиц.

— Шоу обещает быть незабываем! Адепты будут демонстрировать всему городу виртуозное управление стихиями. Это же требует полного контроля над эмоциями! Академия «Поющей стрелы» определенно заслуживает нашего внимания, — убеждала я.

— Солнце, нет.

Казалось маловероятным, что мне удастся убедить Фица пойти на празднование, но я не желала принимать его отказ.

— Как ты думаешь, какими воспоминаниями может похвастать деревенская девчонка? — и не дожидаясь ответа, я продолжила: — дневной дойкой, помощью в медосборе или резкой веников для бань?.. Фиц, больше всего мне хочется посетить праздник, посвященный столетию академии «Поющая стрела»...

* * *

Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Моим глазам предстал невероятный мир, где сладкий запах карамели сплелся с пряным ароматом осени. Я без устали разглядывала лавки со всевозможной снедью, тканными гобеленами и рушниками, расшитыми вручную, украшениями из меди и серебра с натуральными камнями, с эмалью, с жемчужными обнизями. Вторя праздничному настроению горожан, играли уличные музыканты, ритмично притоптывая своим аккордам. Брызгами разлетался смех. Кружась в беззаботном веселье, стучали каблучки. Звенели медные монетки, наполняя шляпы музыкантов.

Однако колючие взгляды некоторых прохожих, устремленные в нашу с Фиционом сторону, смазывали светлые чувства. Нашлись и те, кто посчитал своим долгом открыто выказать неуважение. Фиц был невосприимчив к людскому яду, а вот я...

Обернувшись, я на миг задержала взгляд на дамочке в шляпе с широкими полями, что была явно на «ты» с тенденциями моды.

— Не для того тебе, милая, сила дана, чтоб с кем попало дружбу водить! — уколол меня женский высокий голос и я кожей почувствовала напряжение Фициона.

— Какая мерзость! — укусил мужчина преклонных лет. — Своей дуростью ты позоришь род магов!

Я крутанулась назад и уткнулась в шнобель приземистого господина.

— Все сказали? — ошетинилась я.

Теряющиеся на фоне «чудного носика», его маленькие глазки сузились и он неодобрительно покачал головой.

— Вот и славно!

Схватив Фициона за руки, я переплела наши пальцы и, привстав на носочки, подарила ему поцелуй. Улыбнувшись в самые губы парню, я потянула его прочь от унижительных высказываний об извращенной любви.

Отрезая толпу от действия, развернувшегося на сколоченной из досок площадке, по ее периметру застыли несколько десятков адептов академии «Поющая стрела». В белой форме с косыми нашивками, говорящими о принадлежности к стихиям, они сияли, словно отборный жемчуг. Не знаю, как они уживались со своей значимостью, но невольно возникало чувство, что наравне с бесценными слезами океанской дали, призванными усладить взор, все остальные маги лишь бутылочное стекло.

Под звуки академического оркестра на помост ступили четыре мага с красными нашивками на плечах. Они мастерски управляли мощью огня, концентрируя свою силу в объемных фигурах. Зависимые от торжественной ритмичной мелодии оркестра, полыхающие кубы, вращаясь над головами адептов, синхронно и бодро сменялись шарами, пирамидами, пластинами...

Не прерывая выступления, на помост взошла четверка воздушников. Ребята обменялись взглядами с выступающим квартетом, и, дождавшись смены тональности, оттолкнулись от деревянного настила. Взвились воздушные змеи, сминая потоками воздуха огненную геометрию, расцветая всполохами зари и рассыпаясь пылью над нашими головами. Невероятно сильное зрелище даже в светлое время суток!

В перерыве между выступлениями, мы с Фицом бродили по площади. С наслаждением, не торопясь, ели аппетитные папушники и запивали лимонной водой из одного стаканчика. — Идем скорее! — я потянула Фициона туда, где вот-вот обещало начаться действие. — Ну же! Поторопимся!

Мы обогнули стражей, пребывающих на площади с целью обеспечения порядка, и протиснулись к помосту, в центре которого в образе Странницы, скрывая лицо за сгибом локтя, полулежала девушка. Волосы ее были распущены и заколоты у висков. Одежда белоснежна и легка, словно призрачная вуаль невесты. Завораживая волшебными переливами, полилась мелодия. Очнувшись ото сна, красавица подняла взгляд и подобно нежному бутону потянулась к солнцу. Ее танец проникал в душу легкими, свободными и соблазнительно красивыми движениями. Несмело протянув ладонь к одному из неподвижно стоящих парней, девушка продолжила партию уже вместе с магом земли. В дар юной избраннице молодой человек раскрыл тайну своей стихии. Измельченная горная порода змеей опоясала ее тонкую талию, нежную шею, изящные запястья. Ее танец стал скованным, вторя сдержанным движениям партнера. От усталости она все ниже склонялась к земле. Взгляд более не смотрел в синее небо. Казалось, еще шаг и она упадет, не в силах более подняться, но... Странница сбросила тяжелые оковы, воскресла и белым облаком продолжила свой танец.

Отвергнутый юноша камнем застыл на краю помоста.

В сольной части каждый жест Странницы был нежным, каждый ее шаг — тихим. Она словно скользила по мягкому небу, невесомо и легко, пока не встретила мага огня. Яркое, жаркое пламя окутало пару и в этом огне чувств и эмоций они горели друг для друга. Они играли в любовь, играли в страсть, но огонь потух так же быстро, как и разгорелся. И Странница вновь осталась одна.

Маг воздуха оказался импульсивным и непредсказуемым. Он то нежно ласкал тело Странницы, то махал руками словно ветряная мельница, и танец девушки скорее напоминал барахтанья в попытке совладать с порывами ветра. Стоило ей проститься с молодым человеком как она, наконец, смогла облегченно вздохнуть.

Коснувшись последней стихии, Странница отдалась нежным объятиям воды, которая то сливаясь в колдовской шлейф, спадала к ее ногам, то парила водяными лентами, восхищая переливами солнечных бликов. Парень закружил девушку в красивом, но холодном танце, даря своей избраннице реку равнодушия.

Желая познать тайны стихийной магии, танцовщица заставляла зрителей, пораженных всей необычностью момента, поверить в невозможное. Поверить в чудо. В то, что мы сами выбираем свой дар, а не становимся его выбором.

Иным зрением я видела, что юная исполнительница — маг воды, остальное — выверенная игра четырех парней, но это нисколько не умалило само зрелище, пробирающее до глубины души. Изумленно молчали даже дети на руках родителей.

Так были отвергнуты земля и огонь, воздух и вода.

Взглядом, невинными жестами, томительными паузами Странница выражала пока еще не смелое сожаление. В хрупкой надежде поймать журавля в небе она боялась признаться себе, что совершила ошибку, пренебрегая даром судьбы. Будущее девушки оставалось загадкой и эта загадка лишала ее покоя.

Вдруг Странница замерла, слезы печали потекли по ее щекам. Устремив взгляд в далекое небо, она беззвучно закричала и упала на колени. Юноши спрыгнули с помоста и вернулись в круг к своим товарищам. И в это самое мгновение покой покинул и меня.

Это не мог быть финал! Нет и еще раз нет! Черт возьми, это же чистой воды издевательство! Последние ноты растворились в завораживающей тишине, а мы все так же стояли не в силах пошевелиться.

— Почему девочка плачет? — раздался неподалеку детский голосок.

Ладони Фициона легли мне на талию и притянули к себе. Он склонился к моему уху и прошептал:

— Идем?

— Такой номер загубили! — отозвалась я, как вдруг...

Единым духом накрыла площадь ритмичная мелодия, нарастая темным облаком, она протянула угнетающие щупальца к сознанию каждого зрителя. Вновь завоевывая наше внимание, на помост ступил юноша во всем черном. Таинственная черная маска скрыла и его лицо. Высокий,

сексуальный, вольнолюбивый, он решительно приблизился к Странице и жестом собственника опустил ладонь ей на голову. Испуганная его прикосновением, она вскинулась и...

Взгляд глаза в глаза. Оборвавшийся ритм.

Затухающее эхо и стук сердца в груди.

Обрушиваясь на площадь с новой ужасающей силой, мелодия сбросила меня в бездонный омут противоречивых чувств. Мрачный ритм отозвался отчетливым неприятием. Раскаленный любовный дуэт кукловода и марионетки, окутанный вихрями тьмы, схватил грудь надрывной, уродливой искусственностью. Но самое интересное было впереди, когда на сцену ворвался светлый маг, словно белый журавль, неся собой свет и спасение.

В это мгновение мой мир стал темнеть, каждый вдох стоил неимоверных усилий. Пальцы некроманта до боли сжались на моих бедрах, но оглушенная своими чувствами, усиленными тональностью сложного мотива я этого уже не ощущала.

Предо мной предстало извечное противостояние света и тьмы. Отбросив Страницу, темный принял вызов. Они сошлись без жалости и сострадания друг к другу — зияющая тьма и чистый свет, словно мои греховные и благородные помыслы. Я коснулась тьмы, в то время как обязана была посвятить себя свету в память о Катарине и просто в силу интуиции и рациональности данного выбора. Ведь только свет станет моим спасением, станет тем якорем, который не позволит согнуться во мраке непознанного.

Бедная, бедная Страница. Ее волю снова и снова подчиняла тьма, не желая отпускать то, что по праву считала своим. В мистическом танце озлобленный, непримиримый противник затягивал уродливые петли на шеях влюбленных и разбивал белоснежную пару...

Как и в любой сказке у этой истории был счастливый финал. Молния пронзила безжалостное сердце черного мага. Тьма, заключившая Страницу в свои объятия, осыпалась морионовым блеском к ногам девушки. С благодарностью и надеждой она посмотрела на своего спасителя и взволнованно прильнула к его телу.

В моей памяти отпечатались силуэты влюбленных, замерших под голубым небом.

— Наша история не станет эхом этой бездарности, — тихие слова Фициона потонули в бурных аплодисментах.

После выступления Страница с благодарностью принимала букеты, а секретарь «Поющей стрелы», с трудом угмонивший овации, толкнул речь, которая стала бесцветным фоном моим мыслям: «Игры с тьмой пора заканчивать!»

Я обернулась.

Взгляд некроманта застыл холодом. Губы дрогнули в зловещей улыбке. Фиц не сказал ни слова, но словно прочитав мои мысли, он резко развернулся и ушел, скрывшись в толпе. И я мгновенно потеряла его из виду.

С размахом свое столетие отметила академия «Поющая стрела». Все было, как заявлено на плакате: море впечатлений, прибрежная прохлада и бесплатные леденцы детям в виде забавных стрел, вот только...

Больше я никуда не торопилась, да и тянуть за собой было... некого.

ГЛАВА 33

Вы хотите быть честным по отношению к жизни?

Но жизнь такая свинья, она все равно вас надует.

Кароль Ижиковский

— Не вижу радости в твоих глазах...

Погруженная в свои мысли я не услышала шагов, и появление незнакомца стало для меня сюрпризом. Я подняла голову и внимательно посмотрела на русоволосого парнишку в белой форме с нашивкой водника.

— Что, родная душа, радости нет?

— Душа болит, — проронила я.

— Как это могло случиться в столь ясный день, когда даже погода шепчет и располагает к улыбке? — и, не дожидаясь ответа, он попросил разрешения присесть. Я кивнула, машинально отвечая на вежливость.

— Могу я чем-то помочь?

— Да.

— Внимательно слушаю, — оживился парень.

— Оправляйся к своим друзьям, а то у них любопытство какое-то нездоровое.

— Это они мне завидуют!

Я не оценила шутку. В одно мгновение став серьезным, водник продолжил:

— Моему обществу они точно не обрадуются. Мы не дружим с факультетами других стихий, хотя и вынуждены соблюдать нейтралитет.

— А по вашему выступлению не скажешь. Все было очень слажено.

— Вещи не всегда такие, какими мы их видим, — миролюбиво произнес собеседник.

— И люди не такие, какими кажутся.

Парнишка кивнул со знанием дела и представился:

— Я Мак.

— Ма-г? — переспросила я, не совсем его понимая.

— Ма-к. Как маков цвет, еще такая детская песенка есть, — он напел мотив, демонстрируя пальцами игру на духовом инструменте, чем невольно вызвал мою улыбку. — Но предпочту просто Мак! — важно добавил водник.

— Роиль.

— Имени прекраснее я не слышал! — воскликнул он, вдохновленный моим оттаивающим настроением, украшенным вишенкой грусти...

Остывающее светило спускалось к зубчатой гряде скал, расписывая золотыми мазками облака. Янтарным пламенем загоралась гладь отвесов, оттеняя участки, заросшие непроходимым лесом. Лес спускался к самому подножию скал, огибал кручи, обступал развалы, ширился, все больше раздаваясь на отлогих склонах, напоминая шкуру огромного зверя, который всем телом примеривался к портовому городу. Я щурила глаза, любуясь закатом, и слушала истории Мака, упираясь ладонями в деревянную скамью.

— ... Так вот, она стоит вся красная от ярости, а я ее и спрашиваю: с вами, уважаемая, опять что-то случилось?! Стало быть, вы приносите несчастья, но вопреки обыкновению, лишь себе.

Представляешь, что она мне ответила?

— Нет.

— Вот вы-то мне и нужны, Мак Лейбертон. Марш за шваброй! И приятеля своего захватите! Драить полы веселее на пару! И никакой магии! — парень откинулся на спинку скамьи и глубоко выдохнул. — В общем, сорвать тест у нас не вышло. И вместо расчетов пришлось убирать аудиторию под хохот собратьев. Подпортили мы себе результативность, да и всей группе в целом... От ребят досталось потом, — протянул Мак.

— А профессор? — будучи не в силах сдержать смех, спросила я.

— А что профессор? Мокрой курицей сидела в кресле, и не думая переносить тест на другой день. Ну, в самом-то деле, что ей стоило?! — возмутился парень и замолк.

А мне вспомнилось мое приключение. Движимая желанием раздобыть данные об одном призраке (на портрет которого я наткнулась в холе нашей академии), я под видом книгохранителя проникла в библиотеку. Разумеется, информация о скрюченном старичке в завязанной под горло мантии была мной геройски добыта, но я имела неосторожность похвастать об этом Фициону. Он запретил сдавать профессору листы с подготовленным докладом и со словами: «не среди призраков, не надо», разорвал его на кусочки. За этим воспоминанием я не сразу заметила, что Мак внимательно меня разглядывает. Его молчаливый интерес привел меня в замешательство. Парень широко улыбнулся и, пользуясь удобным случаем, неожиданно предложил:

— Роиль, мое предложение может покажется не вполне уместным, но позволь пригласить тебя на заключительный вечер в честь столетия нашей академии. Вечер и целая ночь...

Я откинула косу за спину и окунулась в водопад его свинцово-серых глаз, излучающих надежду. И так захотелось порадовать паренька своим согласием, однако в угоду совести и здравого смысла, я вынуждена была отклонить столь значимое предложение.

— Это лишнее, Мак. Спасибо за чудесно проведенное время.

— Роиль, стой, — не обращая внимания на мой отказ, продолжал настаивать водник. — Обещаю быть джентльменом и по завершению мероприятия проводить даму своего сердца в любое указанное ею место королевства.

— Мак, мне действительно пора. Я и так засиделась, а это не понравится моему... вроде как парню (ничего лучше на ум не пришло).

— Ну, если «вроде как», то это легко исправить! — в своей несерьезной манере бросил водник. Я не стала уточнять, что некромант ближайšie года четыре и не подумает снять с меня обязательство дружбы. Как бы то ни было, этот вопрос мог подождать, в отличие от Фициона, ставшего свидетелем нашего разговора.

— Девушка ясно дала понять, свободен, — прозвучал за нашими спинами подозрительно спокойный голос.

Я обернулась. Прислонившись спиной к стволу дерева с лимонной листвой, Фицион пристально смотрел на водника, тем самым заставляя нервничать нас обоих.

— Прежде чем что-то предлагать, Мак, поинтересуйся, с кем придется иметь дело. Жизнь — это не постановка со счастливым финалом.

— Фиц... — в примирительном жесте я сделала шаг навстречу.

— А ты хорошо проводишь время?! — смерив меня ледяным взглядом, поинтересовался он.

— Не понял? Ты что?.. С ним?! Роиль, ты в своем уме встречаться с... некромантом!? — ошалело воскликнул водник, когда до него дошла реальность наших отношений.

Я не успела ответить. Какая-то девица, завидев Мака в компании, не внушающей доверия, потянула двоих сопровождающих ее ребят в нашу сторону.

— Мак, проблемы? — с ходу обратился к воднику тот, что был на редкость хорошо сложен, а вот ростом не вышел.

— Проблемы у покойника, — ответил Мак. — Похоже, свою совесть он в мире мертвых оставил.

— Так сейчас выпишем новую!

— Ну что, магнит для неприятностей, опять влип? — обратилась к Маку девица, беззлобно над ним подтрунивая.

— Как видишь. Только на сей раз во что-то смердящее...

— Подправить бы ему физиономию, да стражей порядка многовато... — оглядываясь по сторонам, выдал дородный парень.

— Непозволительная роскошь не оставить о себе след на память, — запальчиво возразил низкорослый, разминая кулаки.

— Так мы-ы можем и без магии. За обычные разборки с нанесением телесных повреждений — пара часов в гостях у стражей, делов-то!?! — прозвенел девичий голос. Эта остроглазая особа моментально вызвала у меня антипатию.

— Сингерия, ты готова принести в жертву празднество?

Все время пока водники решали как лучше расправиться с некромантом, Фиц молча стоял, скрестив руки на груди.

— Ну что, детишки, договорились? — открытая издевка Фица раздавила во мне тлеющий уголек решить все миром.

Надо полагать, водники сорвались, и в числе первых был мой добродушный от макушки до пят собеседник. Отбросив всякие сомнения, Мак перемахнул через лавку и занес кулак, встречи с которым Фиц ловко избежал. Зато удар низкорослого силача достиг своей цели: бровь некроманта окрасила тонкая струйка крови. К моему недоумению стражи порядка, именуемые в народе «Волчья скоря», и не думали усмирять драку. Господа в серых мундирах наблюдали за водниками, как за детворой, потешающейся над бродячим псом. Изменить их решение могло лишь обращение к стихийной магии или же... к мертвому знанию. Но ребята умышленно избегали этого.

— Прекратите, хватит, — закричала я.

Цыкнув, упитанный схватил меня за косу и, намотав ее на кулак, болезненно дернул на себя, а после обхватил меня за плечи, словно мы влюбленная парочка. Желая избавиться от тяжести его руки, я попыталась вывернуться, но добилась обратного эффекта. Т-так крепко меня еще никто не обнимал! Пришлось локтем ударить своего мучителя.

— Щекотно, — фыркнул он и смачно чмокнул в щеку обалдевшую меня.

В показном жесте Сингерия взъерошила свои и без того торчащие волосы и, убедившись, что я в надежных руках, ударила Фициона в бок, извернувшись, словно мангуста от выпада змея, и неплохо приложила его ногой. Ее умение вести бой не хуже мальчишек стало для меня неожиданностью.

Невзирая на представителей порядка, адепты проводили на Фице приемы рукопашного боя, не позволяя ему сделать ответный ход. За их откровенной наглостью я следила, страдая в «нежных» объятиях толстяка, который болея за своих друзей, забывал рассчитывать силу и то и дело вдавливал меня в свое тело.

— Хватит... Довольно... — беспомощно шептала я, видя рассеченный лоб Фициона, слипшиеся от крови волосы, которые облепили его шею, окровавленные руки и застывшее в невозможном напряжении тело.

Я до боли стиснула зубы, когда грамотно проведенная Сингерией подсечка вывела некроманта из равновесия, и Фиц рухнул на зеленую шкуру травы.

— Осмыслил? Или еще раз пройдемся по прописным истинам? — спросил силач, склонившись над Фицом.

— Осмыслил, — неприятный хруст оборвал ехидный тон силача и, получив неожиданный удар, он взвыл, хватаясь за свой нос, хлещущий кровью.

— Вот, крыса, — просипел он, совсем по детски запрокидывая голову, — я дышать не могу!

Не успела я порадоваться, как Мак ногами пересчитал Фициону ребра.

— Ну как, убогий, нравится?

Фицион выплонул на траву уродливый комок крови и поднялся, едва удерживая себя на ногах.

— Значит, начнем разговор сначала! — усмехнулся Мак, и бойцы встали в стойку.

— Остановись, Фиц... — прошептала я онемевшими губами. Дрожащими пальцами коснулась руки захватчика, окольцевавшей мою шею, и закрыла глаза, не в силах выдержать взгляд некроманта, от которого повеяло могильным холодом. Измученный телом, он отчаянно боролся с желанием осушить всех до дна, растворить никчемные жизни магов дыханием смерти. Всеми силами я молила Фица не сорваться. Иначе... Иначе высшим милосердием будет убить меня сейчас, нежели преподнести на блюде Совету. Потому что если нас повяжут, магов бросят в сырой подвал, а меня приговорят к казни через сожжение!

Задержав на мне взгляд, Фиц слабо улыбнулся и тоже встал в стойку.

Осыпая проклятиями, на него кинулся силач, но зацепившись ногой за водяную ленту, что неожиданно для всех взвилась из травы, споткнулся и пропахал землю своим сломанным носом. Съездившись от дикого воя, я распахнула глаза.

Водяную ленту метнул под ноги своему товарищу неизвестно откуда появившийся водник.

— Гордость академии! Вижу, вам совсем нечем заняться? — заорал он.

Все вдруг застыли как вкопанные. Я напряженно ждала развязки.

— Староста, — сквозь зубы прошипела Сингерия и натянула на лицо доброжелательную улыбку: — Ну что ты, Барок, парни разминаются, — заступилась она за мальчишек, будто сама была не причем.

— Вижу, — спокойно произнес Барок. — А еще я вижу болванов, которые позорят доброе имя академии. Трое на одного!

— Барок...

— У вас не так много времени на подготовку к вечеру, — напомнил он и повернулся к толстяку. — Девчонку отпусти!

— Не запутайся в подоле, маг в юбке, — мне подарили свободу, предварительно чмокнув в щеку.

— Зря ты так с ней, — поспешил встать на мою защиту Мак. — Лично меня напрягает, когда девушки одеваются как парни и носят короткие стрижки.

— Имеешь что-то против? — вскинув заостренный подбородок, Сингерия недобро сузила глазки.

— Ясное дело! В день эмансипации и равенству вы принесли свою женственность. И кого мы получили взамен?

Продолжить развивать тему Маку не позволил возмущенный девичий голос:

— Мы отказались от лишних тряпок с той лишь целью, чтобы прикрывать вам задницы в бою!

Нравятся серые мыши, рожающие дюжину сопливых детей и стирающие горы грязного белья?

Вперед! — возмутилась она, демонстративно тыча пальцем в мою сторону. — Неужто, я бы

стояла и тупо смотрела, как избивают моего парня? А-а? Да к черту правила! Я никогда бы не позволила себе подобную роскошь! — замолкла Сингерия и обернулась в поисках поддержки. Словно провинившийся перед боевой подружкой, толстяк неуклюже вдавил голову в плечи, когда прямой взгляд призвал его к ответу.

— Мак правильно все говорит.

— Спятил? — выпучилась на него Сингерия.

— А о ком заботится? Кого оберегать, когда вы сами в состоянии все делать? — справедливо поинтересовался он, разводя руками в стороны.

Не обращая внимания на насупившуюся Сингерию, Мак обратился ко мне:

— Ну, так как? Ты с нами, Роиль? Не обидим!

Фицион предупредительно положил ладонь мне на талию.

— Нет, — ответила я, зная что мой выбор предопределен, и в надежде, что к нему отнесутся с уважением.

— Да брось? — удивился парень, косо поглядывающий на ладонь Фициона, — не уж-то останешьсялизывать раны этому... убожеству?

— Останется, — избавил меня от ответа Барок.

Нас наконец-то оставили в покое. Только на прощание Фициону зарядили под ребра. Фиц харкал кровью, стоя на коленях под деревом, а я провожала прицельным взглядом пять белоснежных спин. С ласковой улыбкой на устах, я уже вдохновенно плела в уме коварный план мести.

— Ждите ответного хода, ребята. Обещаю, я вас не разочарую...

ГЛАВА 34

Окраина кладбища недалеко от злополучного склепа, напоминала снимок «негатива», утративший какой-либо цвет. Неверный свет звезд подсвечивал затравленные временем надгробия, в макушки которых вцепился безлистный плющ, словно пытаясь затянуть их в брентную землю, стенающую от необратимой силы тления. Ветки деревьев кривыми лапами поднимались из тумана. Забытые людьми тропки давно скрылись за рослой травой и неровными рядами надгробий, бережно храня обманчивую тишину ночи.

Едва месяц разлил серебряную краску на глубокий капюшон плаща и коснулся хрупких плеч, как во мраке мелькнула и тут же скрылась девичья фигура.

Незнакомка приблизилась к захоронению, обозначенному невысокой насыпью, и опустилась на колени. Она поставила корзинку, откинула плетеную крышку и подарила свободу белому цыпленку, которому пошел третий месяц, так что он с гордостью мог похвастать оперением взрослой птицы. Видимо, чувствуя свой неминуемый конец, птица присела, ошетинив свои взъерошенные перья.

Блеснул в лунном свете ритуальный клинок с перевернутой пентаграммой на рукояти. Кровью очертился круг. Зашептались слова, призывающие мертвого восстать и подчиниться.

Тот, на кого пал ее выбор был дремом, которого предали земле совсем недавно. У девушки вряд ли хватило бы сил поднять древнего обитателя этого кладбища, не говоря уже о бывшем маге или чародее, имеющего иммунитет к подчиняющим разум заклятиям. Она была крайне шепетильна в своем выборе, и результат имел место. Земля задрожала. Рука погребенного прорезала землю, хватая белесые клочья тумана. Мгновением позже появилась вторая.

Продолжая вздрагивать и осыпаться, чернь расступилась, и перед девушкой предстал мужчина. Он поднялся во весь рост, превышая свою госпожу на две головы. Посеребрившая кожа, впалые глаза, слипшиеся волосы, грязная рубаха и штаны, едва прикрывающие щиколотки.

— Ты подчиняешься мне. Мне! — произнесла девушка с уверенностью, которую сложно было привязать к ее хрупкому телосложению.

Взгляд зомби стал осмысленным и он покорно склонил голову...

С этого момента все пошло не по плану.

В нескольких метрах от девушки тревожно вздыбилась земля, обнажая костлявую руку с ошметками истлевшей ткани. Еще один восставший пробил путь к свету луны. Незнакомка судорожно зажала ладонью рот, сдерживая крик, когда за ее спиной встали в полный рост еще

двое... нет, трое мертвяков. Их возраст не перешагнул и пары полных лун, но при влажном климате внешность претерпела серьезные изменения, не говоря уже о запахе.

Поднятый злобно прищурился и шагнул к своей госпоже, вынуждая ее отступить, опрометчиво пересекая кровавый круг. Оскалившийся зомби протянул руку к незащищенному горлу девушки.

Споткнувшись о свою корзинку, она завалилась на спину. Клинок выскочил из ее руки и мигом затерялся в густом плюще. Плотная ткань капюшона соскочила с головы и оголила испуганный девичий взгляд, молящий о пощаде. Зомби сдавил юное горло и под дружный гомон неупокоенных, поднял девушку до уровня своих глаз.

Она вцепилась в его руку и уже хрипела, теряя сознание, как вдруг зомби замер, нахмурился и обернулся. Рыкнув, он отшвырнул неудачницу и, попадая под власть куда более сильного некроманта, направился в пугающую темноту. Шаркая ногами, за ним потащились все остальные.

— К-куда? — просипела незадачливая некромантка, глядя им вслед.

* * *

Двое мужчин и четверо празднично одетых девушек, в числе которых была и я, ступили в распахнутые настежь двери академии «Поющей стрелы». В свете торжества предстала перед нами центральная зала с высокими потолками, кристаллическими люстрами и стрельчатыми окнами, придающими напускной оттенок синевы ночному мраку.

Сказочные переливы огней и приятная музыка очаровали меня своей гармоничностью, необъятное море сияющих глаз и счастливых улыбок охватили своим настроением. Я глубоко вдохнула, тонкий весенний аромат полевых цветов приятно пощекотал нос. Божественно! Над заклиниванием хорошо потрудились, и оно с легкостью перебивало сопровождающие нас тяжелые запахи.

— Ты был прав, а я... зря я беспокоилась... — прошептала я Фицу, внешность которого, ровно как и всех нас вошедших я скрыла за иллюзией. Стоит заметить, что Фиц согласился участвовать в этой аванюре в обмен на мое полное послушание с момента поднятия зомби до их упокоения.

В центре залы вальсировали пары. Юноши и девушки исполняли одни и те же движения, и в то же время каждый вкладывал нечто свое, неповторимое в привычную последовательность фигур. Музыка стихла и кавалеры, раскланявшись, проводили своих спутниц к удобным диванчикам, чтобы продолжить непринужденную беседу. За сервированные столы с белоснежными скатертями адепты присаживались лишь затем, чтобы перевести дыхание, выпить напитков или попробовать диковинных закусок.

Я скользила ищущим взглядом по нарядным, изящно одетым адептам, которым позволительно было в один единственный вечер пренебречь уравнивающей всех белоснежной формой.

В ударе были одни стихийники, маги света держались обособленной группой. Из представителей тьмы лишь пара парней скупающе наблюдала со стороны. Среди множества незнакомых лиц с различных факультетов мне все же удалось отыскать Сингерию. Признаться, я едва узнала водницу. Необычно было видеть ее в платье небесного цвета. Нежные оттенки рюш придавали образу нотку кокетства и зрительно увеличивали лиф. Вечерний макияж удачно дополнял короткие «приглаженные» волосы.

Сингерия шепнула что-то подруге, нервно сложила веер и, закинув его в напольную вазу, направилась к выходу. Водница явно была не в духе.

Так это легко исправить!

Я обозначила Фициону первую цель.

На пестрый хорювод цветов и улыбок Фицион смотрел как на горох в своей тарелке, выскивая убогие экземпляры, которые следовало наколоть на вилку. Моя затея казалась ему занятой, хотя и слишком рискованной для меня же. Мало ли какие проблемы могут возникнуть?!

Например, мы совсем не знали, на что способен наличный профессорский состав этой академии. И еще, вдруг у Фица не получится вовремя увести зомби с эхом его силы? И могут ли светлые маги почувствовать наших мертвецов или ощутить влияние мертвой магии? Но... сейчас меня это мало заботило. Я предвкушала, как сладка будет месть.

Да здравствует иллюзия!

В черном элегантном костюме с призрачным оттенком сливового цвета высокий, убийственно красивый парень обменялся взглядами с адептом «Поющей стрелы», под личиной которого

скрывался Фиц, утративший всякое с собой сходство. Длину волос некроманта я скрыла за высоким воротом, мертвый дар благополучно заменила неплохими возможностями водника, разукрасила и его ауру.

Фицион остался в компании воскрешенных прелестниц, а красавец-зомби направился напрямик к Сингерии.

Уловив мой интерес и желание подслушать, как тот будет с ней объясняться, Фиц отрицательно мотнул головой.

— От меня ни на шаг.

— Я краем уха и сразу к тебе, — клятвенно заверила я, поправляя светлый, выбившийся из прически локон.

— Прояви терпение.

— Как скажешь... — покорно протянула я, выискивая взглядом следующую жертву.

* * *

Зомби перехватил Сингерию на выходе.

— Вечер для меня будет испорчен, если вы его покинете, — произнес тот хрипловатым голосом. — Позвольте...

Его музыкальные пальцы подняли девичью ладошку и, склонившись в элегантном жесте, мужчина запечатлел поцелуй на запястье раньше, чем она успела осознать происходящее.

— Я-я... — Сингерия одернула руку и, прижав ее к нежным рюшам на лифе, удивленно уставилась на молодого человека. — Кто вы?

— Я Линкинг, шестой курс — представился он.

Слуха коснулась приятная мелодия. Несколько десятков пар вышли в центр залы и закружились в медленном танце.

— Что вам от меня нужно? — сдержанно произнесла девушка.

— Позвольте, — он подхватил ее под локоток и повел, — со мной ничего подобного раньше не случалось. Не считите за дерзость, но я довольно долго за вами наблюдал (минуты две), поддаваясь вашим чарам (приказу господина-некроманта), вынуждающим меня открыться в столь дерзкой манере.

Они остановились, и Линкинг посмотрел в ее глаза:

— Сингерия, я полюбил вас, вас, сильную и уверенную девушку, тщетно скрывающую нежность за щемящей сердце грустью. Никогда не думал что смогу, но говорю эти слова легко и искренне, — от его томного голоса невольно потеплело внизу живота даже у меня.

— Мой ангел, позвольте разделить с вами радость торжества. Позвольте сделать этот вечер счастливым!

— Ч-что вы такое говорите? — округлила глаза Сингерия. — Вино ударило вам... тебе в голову?

— О, мой ангел, я не испытывал ранее ничего подобного. Мысли о вас завладели мной. О чем бы я ни думал, это обязательно будете вы (и месть магам, в которой я охотно принимаю участие).

Сингерия вдруг стала понимать, что начинает проникаться речью незнакомца, которого ни разу не встречала в коридорах академии?! Она бы его запомнила, даже если бы увидела мельком.

Такую мужественную внешность просто нельзя было не запомнить.

— Позвольте мне посвятить этот вечер вам и наполнить его счастьем и теплом?

— Не знаю, все так... неожиданно! — в сомнении вымолвила она, украдкой рассматривая лицо незнакомца. Его глаза казались слишком темными, ресницы слишком густыми, а взгляд слишком выразительным, чтобы быть правдой.

Щеки залил румянец. Сердце сбилось с привычного ритма и в висках слышалось тревожное эхо его ударов.

— Не бойтесь, дорогая Сингерия, всего один танец и, я обещаю, на вашем лице засияет улыбка, которая вызовет приступ зависти у подруг и сожаления упущенного момента у кавалеров.

Это был веский аргумент. Сингерия отпустила свои сомнения и с распростертыми объятиями шагнула в удачно расставленные сети.

* * *

С Маком все было гораздо проще. Образ чистой и целомудренной прелестницы с оленьими глазами и длинными жемчужными волосами, усеянными шпильками тончайших лепестков из черненого серебра, пленил паренька с первого взгляда. Молчаливая нимфа с кокетливыми

веснушками, густыми ресницами и застенчивой улыбкой легко вскружила ему голову. Довольно таки влюбчивый малый позабавил ее джожиной академических историй, отличных от тех, что рассказывал мне. Желая удержать словами внимание девушки, он болтал без умолку. Девушка же «увлеченно слушала», невольно привлекая завистливые взгляды. Чувства всякого смотрящего на нее Мак обрывал, прибегая к не совсем дозволенным для джентльмена методам. Чей-то опрокинутый бокал, невероятная дуга в воздухе, и шипящее содержимое если не на голове, то на груди парня, потерявшего бдительность. Короткая вспышка гнева и еще один любопытный покидает «поле боя».

— Ты наверно первокурсница, я никогда тебя не встречал? Так ты скажешь мне свое имя?..

Он все задавал и задавал свои вопросы, а девушка все молчала и молчала. Более глупого положения и представить себе невозможно. Под тенью прелестницы с милой улыбкой, утвердительно кивающей на все вопросы, скрывалось тело вовсе не девушки, а бродяги, искусно оживленного Фиционом и облаченного в мою иллюзию.

— Жарко здесь... как-то... тебе не кажется? Давай выйдем на свежий воздух? — предложил весельчак, поглядывая в сторону двух потенциальных соперников, чье внимание намертво приклеилось к его пассии.

Прекрасная нимфа отклонила протянутую руку, заставив паренька в который раз занервничать. Секундная заминка и она ласточкой вспорхнула со стула, направившись к выходу. Ошалевший Мак проследовал за ней, прокручивая в голове свой монолог, все больше погружаясь в уныние из-за бестолковых слов, которые не вызвали у таинственной собеседницы ни какой ответной реакции.

Сегодня был явно ни его день!

* * *

Низкорослого, который щедро охаживал кулаками Фициона, мы не нашли. А жаль, его бы я прочила в первую очередь. В итоге планы несколько изменились и толстяку, который удерживал меня за горло, достались...

— Смотри внимательно, милый, беспронгрый вариант с близняшками, — шепнула я Фициону. — Я знаю ваши слабые стороны, мальчишки! Я стану вашим ночным кошмаром.

— Смотри не заиграйся.

Такого обалдевшего выражения лица я еще не встречала, поэтому еле сдержалась, чтобы не взорваться бурным хохотом. И без того лошадиное лицо толстяка вытянулось так, что подбородок, казалось, коснулся груди, когда в одно мгновение с двух сторон к нему прильнули сразу две одинаковые девушки. Я сочла интересной мысль облачить трупиков в близняшек и понаблюдать, что он будет делать с двумя. Столь живые в моем представлении девушки не могли потерпеть поражения по определению.

— Спорим, он не сможет сделать выбор? — лукаво глянув на Фициона, спросила я.

— Конечно. Надеюсь, его сердце выдержит, когда он очнется в объятиях покойниц.

Мои щеки вспыхнули, когда кипящая страстью постельная сцена дошла до затуманенного мезью сознания. «Но ничего не поделаешь — месть есть месть», — подумала я, чувствуя, как стягивает грудь корсет и все труднее становится дышать.

Шмыгнув, я почувствовала влагу. Неожиданно носом пошла кровь. Дело дрянь!

Опустив руку, я поспешно спрятала ладонь за складку платья, скрывая кровавый отпечаток своей слабости. И все же алое пятнышко на белоснежной перчатке не скрылось от взгляда Фициона.

— Уходим, — коротко подытожил он.

— Мы ведь не закончили! — вырвалось у меня. — Я в порядке. Честно!

— Не спорь, — сказал он резко.

— Мне бы воды, и мы продолжим. Уверю тебя... — пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос мой звучал мягко.

— Уходим, говорю тебе.

Пристально посмотрев Фицу в глаза, я разочарованно спросила:

— А как же месть?

Голова закружилась и всего на мгновение моя иллюзия «дала трещину», разоблачив не только меня с Фиционом, но и наших зомби.

В это время Мак прижал свою нимфу к стене, блокируя ей путь к отступлению.

— Своей чувственностью и молчанием ты запускаешь в моем теле неконтролируемые реакции. Ты даже представить не можешь, насколько безумны мои желания! Прояви сострадание, открой мне хотя бы тайну своего имени, — шептал он в полураскрытые полноватые губы, которые вдруг стали двумя скукоженными тонкими трубками, открывая ушибленному взору водника несколько криво посаженных зубов.

Последующие события стали развиваться с немислимой скоростью. Мак отпрянул как ошпаренный, испытывая острый приступ тошноты. Переключая внимание от взбунтовавшегося желудка на объект своих противоречивых чувств, водник вскинул руку с растопыренными пальцами и сформировал грязный шар, осушив землю в близстоящих вазонах. Зомби бросился наутек. В распахнутых дверях он вернулся в образ девушки, которая прелестной улыбкой одарила водника и проскользнула в зал. В след ей полетел роковой водяной шар.

Красивую мелодию прорезал истошный вопль, параллельно ему грохнула возмущенная ругань.

Мак подлетел к распахнутым дверям и замер. На другом конце залы уже разворачивались боевые действия. Оказывается, зомби произвели нужное впечатление на наших обидчиков. Сингерия с толстяком уже еле успевали отбивать атаки воздушников, которые стали жертвами их опрометчивого обстрела. Мак видел это, но его мысли занимало совсем другое. Маг земли со словами: «Ты влип, парень!» — загородил ему проход.

— Где эта разложившаяся тварь? — заорал Мак, упершись в грудь магу, захваченному врасплох его пульсаром.

— Ты ответишь за дерзость, водник! — с яростью ответил обиженный.

Тут же пространство под ногами Мака ритмично задрожало, с оглушительным треском раскололась плитка, вынуждая водника упасть на колени.

— Прочь с дороги! — огрызнулся Мак и, сбив с ног противника, запустил два шипящих пульсара, собранных из игристых вин, ему в спину. Друзья «обиженного» не растерялись и ответили, со всей страстью ударив силой по стене, раздробленные куски которой роем поднялись в воздух и сорвались вниз, вывездив водника, а с ним и группу огневигов.

Попавшие под обстрел маги огня загорелись бешеной жадной мести. И понеслось!

Адепты академии «Поющая стрела» обрели возможность открыто и бесконтрольно показать свое мастерство на деле. Не разбирая своих и чужих, маги огня и земли, воды и воздуха лупили друг друга заклинаниями. Несколько столов проняла звучная дрожь, послышался звон бьющегося стекла. На белоснежные скатерти выпрыгнуло багровое содержимое бокалов и расплозлось «кровавыми змеями» на мраморный пол. Тут же вспыхнула изящная занавеска, и тут же пламя, грозящее перейти на кисейный полог с серебристыми помпонами, было задушено водой. Зал заволочло дымной пеленой. И вот что удивительно, все это безобразие, вызывающее чувство рези в глазах, благоухало весенней свежестью и сладкими цветочными ароматами с согревающими нотками карамели.

Каждый из адептов преследовал свои интересы, не зная истинную причину конфликта.

Собственно, это было нам только на руку и позволило с легкостью ретироваться, унося с собой эхо мертвой магии.

К сожалению, праздник был загублен, но... наши обидчики получили по заслугам!

Месть удалась!

ГЛАВА 35

Когда ты долго всматриваешься в пропасть,

Пропасть начинает всматриваться в тебя.

Ницше

Домой, в родную академию, мы вернулись лишь на рассвете и разошлись с Фиционом по своим комнатам, условившись встретиться в обед.

Чудесно проведенный выходной дома у Фициона стал моим алиби для язвительной комендантши. Нытье престарелой на безмерно распоясавшуюся молодежь еще долго слышалось на лестнице, пока я не спустилась в свой подвал.

— Ну что, приятель, — подминая под голову мягкую подушку, обратилась я к рисованному дракону и сладко зевнула, — хороших снов.

Но не тут-то было. Я вдруг ясно представила все последствия сегодняшней ночи. Сон как рукой сняло. Вдруг кто-то заметил нас с Фицом, когда я потеряла контроль. Вдруг наше появление свяжут с присутствием зомби? Как же я так не рассчитала свои силы! Удержать иллюзию сразу на шестерых объектах оказалось гораздо сложнее, чем я себе представляла.

«Какая же я дура», — повторяла я снова и снова, пока наконец-то не провалилась в объятия серого сна.

* * *

В нежно бирюзовом платье, с распущенными медными волосами я стояла посреди серого бездушного озера боли и воспоминаний, меж развалин, что были погребены под слоем темного, удушающего пепла. Развалин, которые не так давно считала своим домом. Взгляд скользил по обугленным остовам крыш, лежащим на земле, осколкам слюдяных стекол, металлическим ведрам, бесхозным покореженным инструментам, более непригодным к работе. А вот печь, где мы обжигали глину, не пострадала. Стены, обильно покрытые жирной копотью, остались целы и невредимы. Отскрести, отмыть и можно снова приниматься за работу. Мысль эта удивила, но не задержалась. По щекам покатались горькие слезы утраты. Умом я понимала, что все это в прошлом, но с отголоском боли, ставшим сном, ничего поделать не могла.

Этот мир был реальностью.

Мир, в муках обретший забвение.

Я бесцельно бродила по земле, оставляя следы босых ног на покрывале неостывшего пепла.

Одна среди предрасветного тумана. Одна среди обломков моей изломанной жизни, увенчанной резным силуэтом женщины на холме вдали — памятник, возведенный жителями соседней деревни после обряда захоронения. В безмолвной скорби она преклоняла колени под тяжестью утраты. Ее голову скрывал балдахин, а ладони были сложены в молитвенном жесте. — Ты не разочаровала меня, истинная дочь «иных», — сказала черная тень и, поравнявшись со мной, безучастно взглянула на статую женщины, изголовья которой коснулся рассветный луч, нежным поцелуем придавая медный отблеск дереву.

— Келлах... Зачем я тебе?

— Не стоит стремиться к свету, он потребует от тебя гораздо большего. Ты не сможешь пережить последствия своих ошибок. Откаты болезненны. Путь света сложен. Но Тьма! — так произносят имя любимой женщины, к ногам которой готовы сложить весь мир, не считаясь с жертвами. — Путь тьмы возведет тебя на заветный пьедестал, подарит свободу и уверенность, наполнит силой. Не сомневайся в себе, не изменяй своей темной сути и, распахнув ей душу, возьми все, что по праву принадлежит тебе. Я помогу тебе, избавлю от страха и сомнений.

«

Тьма всеильна!»!

— улыбнулся он, внушая мне свои мысли.

— И это мой путь?

— Тебя ведь не волнует чужая боль...

— Это не ставит меня на сторону тьмы.

— ...Ты отвергаешь любовь!

Келлах умело играл моими разрозненными чувствами.

— Весьма сомнительный довод!

— Ее нет в твоём сердце, — ухмыльнулась тень, созерцая, как по холму плывет свет, подступая к границе пепла.

— Я не сделаю неверный шаг!

Несколько секунд нашего молчания и я заметила изменения в плотности мужского силуэта — сквозь него начинали просвечивать угловатости сожженных развалин. Если бы не мой дар и привычка работать с деталями, то с большей долей вероятности я бы упустила этот момент из виду.

— К чему ты стремишься, дитя? — не дожидаясь ответа, Келлах продолжал, протягивая свои мрачные щупальца к моему сознанию:

«

Что движет тобой? Желание богатства? Страсть к личной выгоде? Стремишься ли ты к неограниченной власти?»

Медленно и неотвратно он погружал мой разум в пучину гибельного марева, разливающегося в душе обжигающим чувством, сравнимым с жаром пламени.

«

Твои возможности слабы и свернуты разумом. Я дам тебе доступ к знанию».

— Я не понимаю, — голос мой дрогнул. Я постаралась стряхнуть с себя оцепенение. — Я ничего не понимаю! Зачем я тебе? Зачем ты говоришь мне все это?

Становилось жарко. Хотелось смеяться. Глубокий низкий голос, совсем не похожий на отвратный треск мрака в нашу прошлую встречу, съедал способность трезво мыслить, сминал волю.

«

Я помогу тебе взойти на трон и править жизнями. Империей. Миром!»

Я слышала гулкие удары своего сердца, чудом удерживая себя на месте. Невидимая сила тянула кружиться, танцевать на горячем пепле и, раскинув в стороны руки, залиvisto смеяться. Нет, не смеяться, хохотать...

«Доверься мне. Выбери тьму».

Да что со мной происходит?

— Нет! — выкрикнула я. — Нет! Ты не в праве... не в силах... заставить! Отпусти, Келлах. Нет! Эти все не настоящее. Это сон. Сон! — отчаянно убеждала я себя. Глаза увлажнились, и по щекам покатились слезы, тело мое повело. Нет! Она бы не позволила! Мама бы не простила! Никогда! Воскрешая перед глазами образ Катарины, я распахнула слипшиеся от влаги ресницы и протянула к маме руки.

Иллюзия полнозатой женщины с пучком собранных на затылке русых волос возникла на небольшом возвышении. Мама улыбалась доброй и любящей улыбкой — такой, какой я ее помнила. Ее тело купалось в солнечных лучах, что неустанно отвоевывали все большую площадь, подступая к моим ногам. Близко, уже так близко! Продержаться всего немного! Не уступать! Я протянула к ней руки.

— Рассвет... — воскликнула я, обессилено бросив руки вниз.

— Его делает возможным ночь, — соблазнительно шепнула тень Келлаха. С каждым шагом, приближающим свет, она продолжала терять свою плотность.

Лег коснулся моей щеки. Понимая, что все еще нахожусь во власти тьмы, я постаралась осторожно, но настойчиво отстраниться. Он не позволил, стремительно обхватив мою голову. Я конвульсивно дернулась в надежде вырваться, но обессилила. Сомкнутые костлявые пальцы тени обладали поразительной силой и напоминали металлические оковы, которые пригвоздили меня к месту.

— Выбор твой — Тьма! Всегда! — прошептал он в мои губы за миг до того, как меня усилием тряхнули, вынуждая болезненно клацнуть зубами.

— Нет! — завопила я, в очередной безнадежной попытке обрести свободу.

«Ты сознательно ступишь во тьму

, — приглушенно расхохотался голос в моей голове, — твой путь тьма!»

— Хватит! — взмолилась я.

— Солнце! Тихо, тише. Это кошмар. Все хорошо. Я с тобой. Тише, — прижимая меня к груди, успокаивал Фицион.

— Фиц?

Он протянул руку, желая отереть влагу с моих щек. Я отпрянула, поспешно садясь в изголовье кровати. От близости некроманта мне стало неловко, от прямого взгляда изумрудных глаз — нехорошо. Подтянув колени к груди, я обхватила их руками и сложила голову, мысленно возвращаясь к пережитому и прокручивая в сознании диалог. Время утратило свой цвет.

— Кто такой Келлах? — нарушил затянувшуюся тишину Фицион.

— Кто этот Келлах? — неожиданно жестко переспросил он.

— Тень, — спокойно отозвалась я.

— Ты знаешь имя Лега? — плохо скрывая удивление, спросил Фиц.

— Да, — я пожала плечами в жесте, мол, в нашем мире и не такое бывает.

— Он?

Я вопросительно вскинула брови, у меня и так по жизни напряг с расшифровкой взглядов, а подобного рода вопросы просто ставят в тупик...

— Лег в твоём сне, — сказал Фицион и не найдя проблеска понимания в моих глазах коротко пояснил: — Если он получил доступ к твоим снам, то у него есть твоя кровь. По крови он тебя найдет — вопрос времени.

— Нет, — выдавила я, — не найдет, иначе... давно бы выследил. Я сама виновата...

Я отвернулась и какое-то время рассматривала безобидный мрак, поселившийся в углу, пытаюсь понять свои ощущения. Безусловно, я испытывала страх перед тьмой. Сильнее этого был только страх служить тьме. Чувства, сравнимые с созерцанием болота и погружением в его глубину, в само средоточие безысходности и гибели. «Нет! Нет! Никогда!» — мысленно повторяла я, убеждая себя, что все сказанное Келлахом лишь пустые слова. Выбор всегда остается за мной! Фицион не стал настаивать на подробностях сна, но оставлять без внимания мои слова был не в силах. Каждая секунда нашего молчания, резонировала в его душе навязчивой тревогой, потому позволять мне собираться с мыслями и дожидаться пока я изволю пояснить, он не стал.

— В чем твоя вина? И как он обрел власть над твоими снами?

— У него нет моей крови, — уверенно произнесла я. — Я каким-то образом вернулась домой. Вернулась в сожженную деревню и попала в ловушку. Келлах будто бы ждал меня все это время.

— Он знает кто ты?

Я поняла, что Фиц имел в виду мою принадлежность к «иным».

— Да, — взгляд покинул угол и впился в пятнышко света на согнутых коленях. Я поиграла ладонью на свету, отбрасывая на ткань платья четкую густую тень. Как тесно связаны две противоположности и насколько различны они по своей сути!

— Что ему было нужно?

Моя ладонь так и зависла в воздухе.

А сам-то ты готов услышать ответ?

Впервые с момента пробуждения я не стала избегать взгляда Фициона. Мы смотрели друг на друга так, словно мы из разных миров, лишь мимолетно пересекшихся между собой. Я столько хотела сказать, но не произнесла ни слова. Он взял мою руку, притянул к себе и накрыл ее сверху другой ладонью.

Я одернула руку. И этим все было сказано.

— Не надо, — прошептала я, — сон... он...

— Не трудись, — оборвал меня Фиц.

Фицион вышел. Спустя миг в коридоре грохнул удар в стену.

ГЛАВА 36

Жизнь как депеша: коротка и полна ошибок.

Ханна Журк

День остался в памяти рваными клочьями.

Я словно отрешилась от происходящего, размышляя над проблемой наших отношений.

Поначалу мне казалось невозможным разобраться в своих чувствах и сделать правильный

выбор: принять свет с его дарами или встать на тропу тьмы и вместе с некромантом и его миром мертвых, карать и лишать жизни наших врагов. С одной стороны, я понимала, что следует отказаться от некроманта и жить праведной жизнью, но с другой... Драка на площади все расставила по своим местам. Я отчетливо помнила, как с каждым ударом, который получал мой Фиц, во мне пробуждалось совсем иное желание. Мне хотелось раздавить, испепелить, разорвать обидчиков Фициона на мелкие кусочки, но я была не в силах ему помочь. Слабость, бессилие и горечь обиды породили во мне желание отомстить нашим обидчикам, что мы и сделали...

До заката я просидела под деревом с поредевшей листвой, ветвистая тень которого растворялась во тьме уходящего солнца. Слушая звуки собак, доносившиеся с псарни, я бесцельно наблюдала за снующими по двору адептами, отрешенно перекатывая подобранный с земли камень из ладони в ладонь. Между тем время шло, ветер усилился, и простая накидка уже не грела.

Сказать Фициону, что нам нужно расстаться? Но что дальше? Видеться с ним на парах и показывать к нему полное безразличие, даже если хочется упасть в его объятия и забыть обо все на свете? Скучающе кивать в ответ на его приветствие, а после односложно отвечать на его вопросы, когда хочется быть с ним рядом и просто слышать его голос?

«Наверное, я спятила. Но Фициону я не стану врать! Признаваться в своих чувствах не стану тоже», — с этими мыслями я вернулась к себе в комнату.

Распахнув дверь, я замерла на пороге. На полу в центре был разложен флор: король, десятка червей и пиковая десятка. Вокруг восседали пятеро игроков в покер, двое уже сбросили карты. Борьба за банк велась между стариком, аристократом и пузатым курильщиком. Последний еще и развлекал собравшихся байкой:

— Еще мальчишкой я слонялся по ночным улочкам бедного квартала родного КарАрриса. О, КарАрис! Вы были в КарАррисе, дорогая? — обратился призрак к «благородной» даме. Широкая шляпа, дорогой дорожный костюм, массивная цепь никуда не делись. Трость с внушительной рукоятью лежала возле сидящего на полу господина-призрака. В пальцах опущенной руки он зажимал игральные карты так, что их масть и назначение оставалось неизвестными, несмотря на просвечивающий контур.

Возлежащая на моей кровати женщина заинтересованно кивнула.

— Совсем сопляк, а на улицах мрак, хоть глаз выколи... и ни одной души. Страшно. Помнится, сташил у курей пару яиц и, затаившись в проулке, выпил их. Взял бы больше, да карманы дырявые и ноша хрупка... Как только я притупил голод, распахнулась старая пошарпанная дверь, которую заметить в темноте было не возможно. Что-то возмущенно друг другу доказывая в проулок вывалились подвыпившие господа.

Я взмолилась, обрывая его повествование:

— Прошу, вас, уйдите!

— Просить-то ты можешь... — съехидничал старичок в мантии, большая часть которой покоилась на полу.

«Наступить на нее что ли?» — подумала я, читая его карты: дама и король треф.

— Не желают ли премного уважаемые призраки занять пустующие помещения? В вашем распоряжении целый подвал, — убийственно вежливым голосом просила я.

— Так что там было дальше? — решил вернуть беседу в прежнее русло аристократ. Туз треф и валет червей были на руках у этого.

Я прошла к кровати и завалилась прямо на благородную даму. Возмущенная такой наглостью, она скользнула сквозь меня, брезгливо стряхивая невидимую пыль со своего сюртука, и уселась рядом в изголовье кровати.

— Так вот... — продолжил курильщик, — спор господ касался покера. Один заявил, что может научить играть кого угодно. Сутки и игрок готов. Второй возразил, что знать правила большого ума не надо, а вот делать правильные ставки... в этом и есть смысл игры. Третий рассудил, что спор разрешит эксперимент. «А чего далеко ходить-то?! Вот и наш подопытный кролик!» — тут же меня схватили чьи-то руки и подняли над головой. Компания дружно подхватила эту идею.

На мгновение повисла тишина, и я взяла на себя смелость завершить историю в одно предложение:

— Так я стал первым игроком КарАрриса, сколотил завидное состояние, женился на красавице, каких свет не видывал, и вот незадача, удавился во сне килограммовой цепью, ставшей плодом непомерной алчности.

Воздух, казалось, пришел в опасное движение.

— Благодарю вас, вечер воспоминаний окончен! — я положила на глаза руку, в которой все еще сжимала серый камень. «На кой я его притащила?»

— Чертовка с ангельскими глазами, — припечатал меня аристократ.

— Довольно. Я не позволю развивать вам новую тему, — застонала я и, не выдержав, заорала:

— Падите прочь! Видеть вас не могу. У меня голова по швам трещит от ваших нескончаемых пересудов. Хватит уже! Хватит!

Прочистив горло, магистр в мантии, как ни в чем не бывало, кинул пузатому курильщику:

— Играем.

Тот недолго думая повысил ставку. Остальные игроки последовали его примеру.

Следующая карта явила нам пикового туза.

Аристократ сделал ставку в размере банка, старикашка в мантии был солидарен, а вот пузатый вновь поднял, бросив едва ли не всю стопку кругляшей из плотного белесого тумана в центр круга — видимо, посчитал свою руку достаточно сильной для того, чтобы проявить инициативу. Судя по каменным лицам аристократа и старичка, они явно не рассчитывали на столь агрессивный ход и сейчас серьезно взвешивали свои шансы забрать банк.

Ожидание затянулось, накаляя нервы присутствующих, если они вообще у них были. Все происходящее было для меня темным лесом, поэтому сложные размышления игроков и сопутствующую им дуэль взглядами я оставила без внимания.

В жесте, словно отгоняющем назойливую муху, аристократ скинул карты.

— История в корне отличалась от того бесславного конца, что коснулось нашего слуха, а за худые слова, как говорится, слетит и голова. Но... карты действительно изменили мою жизнь. Покер открыл мне такие перспективы, которые многим и не снились! Золото, дамы, скакун. Я стал королем покера! — воскликнул он и замолчал, выжидательно глядя на неподвижно сидящего магистра.

Казалось, на его неподвижном старческом лице жили лишь глаза. Они не знали покоя, перепрыгивая с единственного противника, что был расслаблен и непринужден, на терн, на солидно возросший банк и снова на терн.

— Ваши действия, магистр? — поторопил курильщик.

Неуверенный взмах пальцев и старик поддержал ставку.

— Да будет так. Открываем карты.

Мне представилась такая возможность уязвить самолюбие пузатого хвастунишки, который не раз унижал меня, обливая словесными помоями, что не задумываясь я изменила номинал его карт, сделал его комбинацию самой младшей и разноплановой.

Карты открылись...

— Не может этого быть! — на глазах ведущего игрока КарАриса, того, кто не знал слово «поражение», вершилось немислимое: какой-то магистр-недоучка сгрел себе весь банк.

— Да быть этого не может! — повторил он и, приходя в себя, стал медленно разворачиваться в мою сторону.

— Ах ты дрянь безродная! — разъяренный курильщик вскочил и двинулся на меня: — Да как ты посмела? Думаешь, это сойдет тебе с рук? Да я тебя... Да я тебя...

Вдруг снежным вихрем взвилась к потолку колода карт. Волной ярости смело со стола книги. Забили словно в бубен двери шкафа, предвещая мне скорую расправу.

— Стой! — я метнулась к окну и вскинула руку.

«Вот для чего ты мне пригодился!» — подумала я и разжала ладонь. Вместо серого камня их взору предстал уже «выплавленный» из металла глаз дракона, который оживляла оправа из чешуйчатого века.

— Засунь свой глаз себе в зад! — заорал призрак.

Грянул омерзительных хохот, который я оборвала резким:

— Сразу после того, как превращу вас в чертов кисель!

В доказательство моих слов внутри радужки начали вспыхивать отдельные сегменты.

Раскаляясь, они сияли все ярче, запуская цепную реакцию, апогеем которой стала откровенная ослепляющая вспышка. Этот зловещий взрыв света заставил призраков усомниться в их

безопасности. А когда тела господ, оказавшихся в опасной близости от «амулета», начали таять словно свечи, их сознание и вовсе замкнулось. Больше всех не повезло магистру преклонных лет и женщине, что устроилась в изголовье моей кровати. Поплыли и без того негустые волосы старика, его лицо потеряло привычные очертания, из носа засочилась вязкая масса, облепляя тонкие губы. Вся эта мерзость сползала к шее, делая ее невозможно толстой, уродливой.

В немом ужасе женщина поднесла пальцы к своей щеке, медленно отвела ладонь и уставилась на призрачный ил, клейкой нитью провисший между пальцами и лицом.

— Какая мерзость! — завопила знатная дама.

— Ну, что вы, все не так уж и плохо, — расхохоталась я став свидетелем презанятнейшего действия: бестелесные духи, глядя на себя и на своих собратьев, с истощным воем пытались удержать на себе, а кто-то уже собрать с пола свою сущность. Все выглядело настолько реально, что моим призракам и в голову не пришло, что это всего лишь иллюзия! Мой гнев искусно выплеснувшийся и достигший своего апогея!

Пронзительный женский визг едва не оглушил меня. Соскочив с кровати, дамочка шарахнулась в стену, которая, к счастью, не была для нее непреодолимой преградой. Комнату накрыла паника. словно раскаленные добела угли, подхваченные невидимой силой ветра, призраки бросились врассыпную.

Я продолжала хохотать, упиваясь моментом бестелесного хаоса.

— Бегите. Бегите! Отныне моя комната для вас под запретом! — крикнула я в пустоту и прокружилась на месте, купаясь в лунном серебристом свете, наполненном тишиной и умиротворяющим покоем.

— Под запретом! — смакуя каждую букровку, прошептала я.

И почему мне раньше не пришло это в голову?

* * *

Это была самая тихая, но, увы, последняя ночь в качестве адепки Роиль Чансе.

На тот момент я даже представить себе не могла, во что выльется безобидная шутка над почтенными призраками. Не одну сотню лет они жили в стенах академии, питаясь энергией, что таил в себе лабрадоритовый камень колонн. Удивительное сочетание яркости и невзрачности. Поговаривали, что этот камень лечит и способен раскрывать и усиливать даже самые невзрачные задатки к магии. Сама Цолоре де Силенце, названная впоследствии Лавандовой дамой, часами прохаживалась среди целительных гигантов в холе академии. Из-за болезни суставов хрупкой бледной девушке завещали недолгую жизнь. Но она смогла поразить всех. Кто-то утверждал, что всему виной стал открывшийся дар предвидения, который девушка тщательно скрывала, кто-то списывал на простое везение. Были и те, кто считал успех ничем иным, как симбиозом аналитического ума, предупредительного отношения и обостренной интуиции. Так или иначе, но она внесла особый вклад в науку, стала женой ректора и любящей матерью. Преподавала до конца своих дней в академии «Плавающей горы». От ее любви к лаванде, что в былые времена дивным ковром украшала палисадники, остался лишь сухоцвет в вазах возле стойки, где сидела госпожа Маттер.

Но вернемся к сладко спящей девушке, не подозревающей, что до момента вынесения приговора адепки Роиль Чансе остались считанные часы. Забегая вперед, могу сказать, что пройдет несколько дней и ее имя — Элин — уйдет в небытие, но это уже другая история, а пока...

Утро встретило блаженной тишиной и далеким, едва различимым щебетом птиц за окном. Я потянулась и тут же соскочила с кровати, намереваясь как можно скорее собраться и поговорить с Фиционом. Я расскажу ему, как важно для меня продолжать обучение в академии... Да и признаться в своих чувствах все-таки нужно! Никакой лжи в наших отношениях! — твердо решила я.

Увы и ах, завтрак Фиц пропустил, более того, он опоздал на первую пару. Парень положил передо мной черный прямоугольный футляр и занял свое место, не переставая крутить перо в пальцах.

«Я не могу принять это», — жестом показала я, отодвинув подарок.

— Открой, — настоял Фиц.

Я прошлась подушечками пальцев по бархату, раздумывая над тем, стоит ли мне это делать. Едва я поддалась искушению, как в тот же момент в кабинет ворвалось пятеро стражей. От неожиданности все замерли, споткнулась на полуслове госпожа Шилла.

Дознаватель, вошедший первым, окинул всех нас прицельным взглядом.

— Роиль Чансе?

Вся группа, синхронно обернувшись, уставилась на меня.

«Вот, спасибо!» — ошетичилась я.

— Роиль Чансе, на выход! — скомандовал дознаватель.

Пряча себя настоящую под чужой личиной, я ступила на опасную тропу. Делая непростой выбор, я была уверена, что имею достаточно путей для отступления. Увы, я непростительно ошибалась. Вы вправе осудить меня и порадоваться восторжествовавшей справедливости. Однако вы заблуждаетесь, если думаете, что где-то в глубине души я не ждала, что расплата меня настигнет. Я знала, что рано или поздно предстану перед судом Судеб, и что мне неминуемо выставят счет. Вот только не догадывалась, что размер платы будет равен жизни.

— Роиль Чансе, именем закона, вы арестованы!

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD/4QCMRXhpZgAATU0AKgAAAAGABAESAAMAAAABAAEAAId
P
AAQAAAABAAAAPpKRAAIAAAABAAAAAJydAAEAAAAeAAAAZgAAAAAAAAZADAIAAAAUAA
AAUAAA
AAAyMDE5OjA0OjEyIDIxOjA1OjA3AAAAUQBJAFAAIABTAGgAbwB0ACAAMwAuADQALgAzAAA
A
/9sAQwACAQEBAQECAQEBAgICAgIEAwICAgIFBAQDBAYFBgYGBQYGBGcJCAyHCQcGBGgLCak
K CgoKCgYICwwLCgwJCgoK/9sAQwECAgICAgIFAwMFCgcGBwoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoK
CgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoK/8AAEQgCvAHSAwEiAAIRAQMRAf/EAB8A
AAEFAQEBAQEBAAAAAAAAAABAgMEBQYHCAkKC//EALUQAAlBAmMCMBAQFBQQAABfQE
CAwAE
EQUKITFBbHnRYQcicRQygZGhCCNCscEVUtHwJDNicoIJChYXGBkaJSYnKCqkNDU2Nzg5OkNE
RUZHSEIKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3eHl6g4SFhoeIYqSk5SVlpeYmZqio6Slpqeo
qaqys7S1tre4ubrCw8TFxsflycrS09TV1tfY2drh4uPk5ebn6Onq8fLz9PX29/j5+v/EAB8B
AAMBAAQEBAQEBAQAAAAAAAAABAgMEBQYHCAkKC//EALURAAIBAgQEAWQBQQAEEACdwa
BAGMR
BAUhmMQYSQVEHYXETIjKBCBRCKaGxwQkjM1LwFWJy0QoWJDThJfEXGBkaJicoKSo1Njc4OTpD
REVGR0hJSINUVVZXXWFlaY2RlZmdoaWpzdHV2d3h5eoKDhIWGh4iJipKTlJWWl5iZmqKjpKWm
p6ipqrKztLW2t7i5usLDxMXGx8jJytLT1NXW19jZ2uLj5OXm5+jp6vLz9PX29/j5+v/aAAwD
AQACEQMRAAD8A/OINK1PVIml1VrK62TSHYqoFU884BPTtX2R/wSps1T45QwXcO1k0mTy1kA3A/
ZIT9P/r14v8AGX9In4x/CDUSNA+Nw1u1VneO31y2LP8Afl+9h+p/3RXqX/BNbXfjBof7S9r4
flfwrYzSSQvHfXEcwUQx+SMsBnkMcd69WeLp4vB1PZyTVn/AFqeTGnLD11+0hJS9E0/mj9W
tG0HSfEnh57HUrvXVImMbYG6NipXKnsceEj6Go9Iq8QQW503Tv7P0e1h/dxyXEE+R1HAKorKE
Hpkkn0FSeErmaK0kijl2sY8hq+Uv2uP2w/iJ8Kdel0LS9HWxmXBf7QgyARxyykt7kYHp618t
Uy2tmGH9nTV2dmExkcPjNXoz6j1/TJRFiX4mJG3+yIl/pXlfxD0PpPen/iTfe2xc5+X7Vbrl
v/jrL/WvCvDFh+318U9Jg1uHxbZWtrdQiW1MbSfvUI/2SB6du9c/8RfAX7ZHhyEzapr9rdC
pP8Ax6KxP/fSkN86+J+qxo13CVSN1pv/AMA+9p3qQTRzn7S3gzxGgZ9c8J6LqedwktNnEMw
/wCA/L/6Ea8r+CVjcwPpXN0uOx1q609ft0ccjXIKyW8bHazK6j0J561X1j4k+NF1v/hH9eDtN
MwjMEYJ3sTjG0nB/Ku+8D+H1+HnjTR/FjTwhcQW9rdRXElsWlWaNscQAenHbjpX3mTSDdDu
nL7SdrdTyswpt6rofpN8ONEvtE8HW+1+C/CtvpelLH8t1fPtaU93EY5IJ53MVJ6471n+NLPW
zC3m+N9MVudoNmNv/oZ/nXzf8f8A/gpj4c8MabZ2/g3w1NqE17HutLZWVY4kLYQOxB+Y8EhQ
FXOMscms/QdU/bo+KwkJrye9G0u0u98MLYdgp6f8s8V8VjMHVpz9pUtFNvdnfhkKUD174Y
ab8QD8WLy+ttD8LrBHp+2W8j0t/PRS33UIY9cdyR7V2vimHTdrR6r4+vpHb7xjXjPsAOK+Qv
EHxQ/az+AS3msXFblpIMTNCoteQeMkIG456EfWtb4YfCv8Aa1/aU8G2vxNu/ibZx2eORCe3
iktWuGAPbdMXOR04NJ0acoqpKaUdr7mkoSiehFE1PDixyMPipqFruU7csRk/itfIvx3vNV82
aGDxXa6tbqcpLpCpPtnpXuXiX9jv46x3K2158RBukkC+ZDaiMjJxwUUEV8v+ILbxZZX0+m67
qM00lvcPCzSEMPIYjgee1ft5HTw/PzQknY83Fe0tY8yn8RWn20xrPLp8u7G1m3wnt+H6VvWd
o6NblY/s/wB5pnjj/dsVY9MZ59618S+AoXK6peW0ckUzBUeNdkgOfIH51cj06+8PeFrjbpJ
dCeEQLbqPmCHK7IHYr/Svt6lanOCdP8Ar+vM8inGtTk1U1X9fl0O8F2kGneK7bQrieNj5sR3
JjlWAIP4giv2svP+COH7IPiHxZa+MvBI8UeCNCxw7ayrq3g/Xns5hNizbpNy/Nn5R3HU1+He
keGrVdbhl1mw12a1ulkRtl1kK23GBgi0GK/dL9gz/AIKaef/2n9aj8E618LtY0fxJa+G7dZE
3iubW78ln3vCdydHVtu0kc9QMnwc49tTaqUZPbXp2+80qR9pTXPFWXzPlrxN+yD+338F/8A